

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1897.

№ 7.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Зло, его сущность и происхожденіе (продолженіе). Профессора богословія, <i>Прот. Т. Буткевича</i>	377—402
Положеніе католической церкви въ Россіи въ царствованіе императора Александра I (окопчаніе). <i>К. Богословскаго</i>	403—426
О спеціализаціи духовныхъ академій. <i>Старобѣльскаго</i>	427—432
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Удовлетворительно ли объясняется фантъ одобренія и мученія совѣсти у детерминистовъ? <i>А. П.</i>	267—291
Библейское ученіе о твореніи міра и естественно-научная теорія міровой эволюціи. (По Дютоа-Галлеру) (окончаніе). <i>К. И-на</i>	297—316
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Списокъ книгъ для церковныхъ библіотекъ Харьковской епархіи.—Вѣ- сочайшая награда.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отчетъ о состоя- шей при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, одноклассной образцовой цер- ковно-приходской школѣ за 1895/96 учебный годъ.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приход- скихъ школахъ Харьковской епархіи за 1895/96 учебный годъ (въ особомъ приложеніи). —Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской праведности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнять для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящихся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакція журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія явилы, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бретано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Апрѣля 1897 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ЗЛО, ЕГО СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

(Продолженіе *).

У ч е н і е С п и н о з ы.

Спиноза (1632—1677 г.) долженъ быть названъ однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ пантеистическихъ философовъ. Правда, онъ ничего не сказалъ новаго въ сравненіи съ тѣмъ, чему учили, напр., древніе элеаты или Джіордано Бруно; но положенія предшествовавшихъ пантеистовъ у него раскрыты со всею полнотою и послѣдовательностію. Онъ не признаетъ бытія личнаго Бога, какъ всесовершеннаго духа. Для него Богъ есть только абсолютная субстанція міроваго бытія. Всѣ явленія и существа суть лишь модусы, въ которыхъ раскрывается эта субстанція. Поэтому все существуетъ только по *необходимости* и не можетъ быть инымъ, чѣмъ какимъ оно существуетъ, такъ какъ *таковымъ* оно должно быть по необходимости.

„Всѣ вещи, говоритъ Спиноза, *необходимо* слѣдовали изъ данной природы Бога и необходимостью природы Бога опредѣлены къ существованію и дѣйствию извѣстнымъ образомъ“¹⁾. Отрицаніе свободы воли есть, слѣдовательно, необходимый результатъ основнаго положенія въ міровоззрѣніи Спинозы. „Воля, также какъ и разумъ,—говоритъ Спиноза²⁾, есть только состояніе мышленія; поэтому каждое хотѣніе не можетъ существовать и опредѣляться къ дѣятельности, если оно не опре-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2, за 1897 г.

1) Этика. Перев. Модестова. Спб. 1894, стр. 38.

2) Тамъ-же, стр. 37.

дѣляется другою причиною, а это, въ свою очередь, опять другою, и такъ далѣе въ безконечность. Но если предположить волю безконечную, то она также должна опредѣляться къ существованію и дѣятельности Богомъ, не посколькѣ Онъ есть абсолютная субстанція, но посколькѣ Онъ имѣетъ атрибутъ, который выражаетъ безконечную и вѣчную сущность мышленія. Итакъ, во всякомъ случаѣ, представляется ли воля конечною или безконечною, она требуетъ причины, которою должна опредѣляться къ существованію и дѣятельности; поэтому она не можетъ быть названа свободною причиною, но только необходимою или принужденною“. Но если человѣкъ не имѣетъ свободной воли и если все, что можетъ быть совершено, дѣйствительно совершается и при томъ—совершается въ силу необходимости, т. е., такъ, какъ должно, то, очевидно, о грѣхѣ или злѣ въ области человѣческой нравственной жизни не можетъ быть и рѣчи. Нѣтъ нигдѣ никакого грѣха, всѣ люди безгрѣшны и никто не можетъ быть отвѣтственъ за свои дѣйствія и свою жизнь. Каждый человѣкъ есть то, чѣмъ онъ не только долженъ, но и обязанъ быть; онъ не виноватъ въ томъ, что онъ таковъ, какимъ создала его природа. Но если съ точки зрѣнія Спинозы исчезаетъ различіе между добромъ и зломъ въ нравственной области, то тѣмъ болѣе нельзя полагать такого различія между добромъ и зломъ въ области міра физическаго.

Въ своемъ опредѣленіи добра и зла Спиноза становится на сторону утилитаризма и даже эвдемонизма. „Подъ добромъ, говоритъ онъ ¹⁾, я разумѣю то, о чемъ мы навѣрное знаемъ, что оно *полезно* намъ. Подъ зломъ я разумѣю то, о чемъ мы навѣрное знаемъ, что оно препятствуетъ намъ пользоваться какимъ—нибудь добромъ“. „Мы называемъ добромъ или зломъ то, что *полезно* или *вредно* для сохраненія нашего существованія, т. е., что увеличиваетъ или уменьшаетъ, поддерживааетъ или стѣсняетъ нашу способность къ дѣятельности“ ²⁾. „Поскольку какая—нибудь вещь согласна съ нашей природой, постольку она необходимо есть добро. Мы называемъ зломъ то, что бы-

¹⁾ Этика, стр. 207.

²⁾ Этика, стр. 214

ваетъ причиною печали“¹⁾. „Радость прямо не есть зло, но добро; печаль же напротивъ прямо есть зло“²⁾. „Состраданіе въ человѣкѣ, который живетъ по руководству разума, есть само по себѣ зло и бесполезно. Ибо состраданіе есть печаль, и отсюда оно есть зло“³⁾. „Смиреніе не есть добродѣтель, или не происходитъ изъ разума“⁴⁾. „Раскаяніе не есть добродѣтель, другими словами, не происходитъ изъ разума, но тотъ, кто раскаивается въ сдѣланномъ, вдвойнѣ жалокъ или безсиленъ“⁵⁾.

Что эти опредѣленія добра и зла, какъ полезнаго и вреднаго, сами по себѣ неточны, объ этомъ нѣтъ нужды говорить. Но на основаніи ихъ нельзя даже думать, будто бы Спиноза усматриваетъ существенное и реальное различіе между добромъ и зломъ. „Что касается добра и зла,—говоритъ самъ Спиноза⁶⁾, то они не обозначаютъ ничего положительнаго въ вещахъ, разсматриваемыхъ самихъ въ себѣ, и суть не что иное, какъ образы мышленія или понятія, которыя мы составляемъ, сравнивая вещи между собою. Ибо одна и та же вещь въ одно и то же время можетъ быть и хорошею и дурною и даже безразличною; напр., музыка для меланхолика хороша, а для человѣка, находящагося въ слезахъ, дурна; для глухого же ни хороша, ни дурна“.

Но что сказать о свидѣтельствѣ ежедневнаго опыта, который насъ невольно убѣждаетъ въ томъ, что зло существуетъ реально? На какомъ основаніи самъ Спиноза утверждаетъ, что многія явленія, какъ напр., печаль, ненависть, страхъ и т. п. всегда и для всѣхъ суть зло? Что сказать о всеобщемъ убѣжденіи человечества, что мы виновны за наши дѣйствія и что многія явленія суть то, чему не слѣдовало бы быть, т. е., зло? Это всеобщее убѣжденіе человечества Спиноза объявляетъ пустымъ предразсудкомъ, дѣломъ празднаго воображенія. Предразсудокъ этотъ коренится въ другомъ предразсудкѣ,—въ вѣ-

1) Тамъ-же, стр. 231.

2) Тамъ-же, стр. 246.

3) Тамъ-же, стр. 253.

4) Тамъ-же, стр. 256.

5) Тамъ-же, стр. 257.

6) Тамъ-же, стр. 205 и 206.

рѣ въ бытіе личнаго Бога, обладающаго всесовершеннымъ разумомъ и всеблагою волею, Который будто бы создалъ этотъ міръ премудро, свободно и цѣлесообразно для блага и пользы человѣчества. Воображая себя свободными, люди, говоритъ Спиноза ¹⁾, по своимъ свойствамъ необходимо судятъ и о свойствахъ другого. Находя въ себѣ и внѣ себя не мало средствъ, которыя содѣйствуютъ имъ въ достиженіи ихъ пользы, они не могли думать, чтобъ эти вещи явились сами собою; „но по средствамъ, какія они имѣютъ обыкновеніе готовить сами для себя, они должны были придти къ заключенію, что есть одинъ или вѣсколько правителей природы, одаренныхъ человѣческой свободой, которые обо всемъ для нихъ позаботились и все сдѣлали для ихъ пользы. И объ ихъ свойствахъ, такъ какъ объ нихъ они никогда ничего не слышали, они должны были судить по своимъ собственнымъ; и на этомъ основаніи они рѣшили, что боги все направляютъ къ пользѣ людей, чтобъ этимъ привязать къ себѣ людей и пользоваться отъ нихъ наибольшимъ почтеніемъ. Отъ этого произошло, что каждый по своему характеру придумалъ различныя способы почитать Бога, чтобы Богъ любилъ его больше другихъ и направлялъ всю природу къ удовлетворенію его слѣпыхъ пожеланій и ненасытной жадности. И такимъ образомъ этотъ предрасудокъ обратился въ суевѣріе и пустилъ въ умахъ глубокіе корни... Но, кромѣ столькихъ полезныхъ вещей въ природѣ, люди должны были найти не мало и неудобствъ, каковы: бури, землетрясенія, болѣзни и проч., и они рѣшили, что эти неудобства произошли вслѣдствіе того, что боги были разгнѣваны оскорбленіями, нанесенными имъ людьми, или промахами, учиненными въ ихъ культѣ; и хотя ежедневный опытъ опровергалъ это и безчисленными примѣрами доказывалъ, что удобство и неудобство одинаково достается какъ благочестивымъ, такъ и нечестивымъ, но они все таки не покидали застарѣлаго предрасудка. Ибо для нихъ удобнѣе было въ числѣ многаго неизвѣстнаго, пользы чего они не знали, удерживать и это и такимъ образомъ оставаться въ своемъ настоящемъ и врожденномъ состояніи невѣжества, чѣмъ разрушать все это

¹⁾ Этика, стр. 45.

зданіе и придумывать новое... Послѣ того какъ люди убѣдили себя, что все, что ни дѣлается, дѣлается для нихъ же самихъ, —продолжаетъ Спиноза ¹⁾,—они должны были въ каждой вещи считать главнымъ то, что особенно полезно для нихъ, и представлять самымъ прекраснымъ то, что дѣйствуетъ на нихъ самымъ пріятнымъ образомъ. Отсюда они должны были составить для себя понятія, при помощи которыхъ объяснили бы природу вещей, каковы именно: *добро, зло, порядокъ, смѣшеніе, тепло, холодъ, красота, безобразіе* и проч.; а такъ какъ они считаютъ себя свободными, то изъ этого возникли слѣдующія понятія: *похвалы и порицаніе, грѣхъ и заслуга*... Все то, что ведетъ къ здоровью и почитанію Бога, люди назвали *добромъ*; все же, что противоположно этому,—*зломъ*. И такъ какъ тѣ, которые не понимаютъ природы вещей, ничего не могутъ утверждать о вещахъ, но только воображаютъ вещи и воображеніе принимаютъ за разумъ, то они твердо вѣрятъ, что есть порядокъ въ вещахъ, не зная однако природы вещей и своей собственной. Ибо когда вещи расположены такъ, что то, что представляютъ намъ чувства, легко можно представить въ воображеніи и, слѣдовательно, легко потомъ вспомнить его, тогда говорится, что вещи расположены въ хорошемъ порядкѣ; если же напротивъ, то мы говоримъ, что онѣ дурно расположены или находятся въ безпорядкѣ. И такъ какъ для насъ пріятнѣе другихъ тѣ вещи, которыя мы можемъ легко вообразить, то поэтому люди и предпочитаютъ порядокъ безпорядку, какъ если бы порядокъ существовалъ въ самой природѣ, а не въ нашемъ только воображеніи; и они говорятъ, что Богъ создалъ все въ порядкѣ, приписывая такимъ образомъ, сами того не сознавая, воображеніе Богу, если только они не думаютъ, что Богъ, промышляющій о воображеніи людей, нарочно расположилъ вещи такимъ образомъ, чтобъ онѣ какъ нельзя легче могли быть воображаемы“.

Такъ легко и просто Спиноза думалъ объяснить всеобщее убѣжденіе человечества въ существованіи добра и зла въ мірѣ. Это убѣжденіе есть будто бы только предразсудокъ, дѣло про-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 48.

стого воображенія, слѣдствіе какого-то врожденнаго невѣжества. Но отчего,—спрашивается,—самъ Спиноза, постигшій истинную природу вещей, не отказался отъ этого предразсудка, не пересталъ въ дѣйствительности въ своихъ довольно обширныхъ изслѣдованіяхъ по нѣкѣ отличать тщательно добро отъ зла? „Мы должны удержать эти слова, говорить онъ ¹⁾). Ибо такъ какъ мы желаемъ составить *идею челоуька*, какъ образецъ челоуьческой природы, чтобы имѣть его передъ глазами, то намъ полезно будетъ удержать эти слова“. И такъ оказывается, что безъ понятія о добрѣ и злѣ нельзя даже составить себѣ идеи челоуька. Вотъ каковъ этотъ предразсудокъ!

Понятіямъ о добрѣ и злѣ Спиноза приписываетъ только относительное значеніе; они результатъ воображенія и невѣжества. Но Спиноза едва ли и самъ вѣрилъ тому, что онъ утверждалъ, потому что онъ иногда высказываетъ и такія положенія, которыя ясно свидѣтельствуютъ, что по его мнѣнію, люди стремятся къ добру и отвращаются отъ зла не по невѣжеству своему, а по самой природѣ своей. „Каждый,—говоритъ онъ ²⁾), —по законамъ своей природы, или необходимо стремится къ тому, что онъ считаетъ добромъ, или отвращается отъ того, что онъ считаетъ зломъ... Это стремленіе есть не что иное, какъ сама сущность или природа челоуька“... „Поскольку какая нибудь вещь согласна съ нашей природой, постольку она необходимо есть добро... Она не можетъ быть зломъ“ ³⁾). „То есть зло, что производитъ другое (чѣмъ слѣдуетъ) взаимное отношеніе движенія и покоя въ частяхъ челоуьческаго тѣла“ (болѣзнь, разрушеніе) ⁴⁾). „То, что вводитъ въ гражданское общество раздоръ, есть зло“ ⁵⁾). „Ненависть никогда не можетъ быть добромъ“ ⁶⁾).

Въ принципѣ Спиноза, собственно говоря, отрицалъ зло, ибо, по его ученію, все въ мірѣ существуетъ по необходимос-

¹⁾ Этнка стр. 206.

²⁾ Тамъ же, стр. 224.

³⁾ Этнка. Стр. 232 и 233

⁴⁾ Тамъ же, стр. 244.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 246.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 249.

ти, т. е., такимъ именно, какимъ оно и должно быть. Но на самомъ дѣлѣ онъ былъ увѣренъ, что въ мірѣ больше зла, чѣмъ добра и что люди больше дѣлаютъ дурного, чѣмъ хорошаго. „Люди измѣнчивы,—говоритъ онъ ¹⁾),—и однако-же *большее число* завистливы и *болѣе* расположены къ мести, чѣмъ къ милосердію“. Вообще нужно сказать, что въ ученіи о добрѣ и злѣ Спиноза пожертвовалъ своими непосредственными убѣжденіями и увѣренностію тѣмъ общимъ теоретическимъ основоположеніямъ, изъ которыхъ онъ старался вывести свое философское міровоззрѣніе. Стремясь къ строгому монизму, онъ увидѣлъ всю невозможность изъ единого абсолютнаго начала объяснить явленія двухъ противоположныхъ порядковъ, и не желая впасть въ дуализмъ, рѣшился, вопреки свидѣтельству ежедневнаго опыта и всеобщему сознанію человѣчества, пожертвовать существеннымъ различіемъ между добромъ и зломъ...

Не касаемся тѣхъ недостатковъ въ философскомъ ученіи Спинозы, которые въ немъ общи со всѣми пантеистическими ученіями и о которыхъ въ свое время мы уже говорили. Но не станемъ скрывать и того обширнаго вліянія, какое имѣло иѳическое ученіе Спинозы не только на умы современниковъ, но и на послѣдующихъ мыслителей,—въ особенности же на западно-европейское общество 17-го и 18 вѣка, т. е., въ эпоху господства *англійскихъ деистовъ, французскихъ энциклопедистовъ* и *нѣмецкихъ рационалистовъ*. Впрочемъ, это вліяніе Спинозы слѣдуетъ объяснять не положительными достоинствами его міровоззрѣнія, а тѣмъ, что въ немъ находили свое оправданіе господствовавшіе тогда развратъ, безбожіе, революціонное направленіе и всеобщій упадокъ нравовъ. Самъ Спиноза ясно предвидѣлъ возможность такого упрека и потому старался доказать напередъ ²⁾), что его ученіе должно принести не вредъ, а пользу какъ частной, такъ и общественной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государству. Спиноза увѣрялъ, что его ученіе, отрицая свободу человѣческихъ дѣйствій и слагая всю отвѣтственность за поведеніе человѣка на непреклонную силу

1) Этика. Стр. 281.

2) Этика, стр. 115, 116.

необходимости, утверждаетъ, что „мы должны съ одинаковымъ настроеніемъ ожидать и переносить и то, и другое лицо судьбы, такъ какъ все съ одинаковою необходимостію вытекаетъ изъ вѣчнаго опредѣленія божія совершенно такъ же, какъ изъ сущности треугольника вытекаетъ, что три его угла равны двумъ прямымъ,—что „оно учитъ ни къ кому не питать ненависти, никого не призирать, не раздражать, ни на кого не гнѣваться, никому не завидовать“, „быть довольну своимъ жребіемъ“ и т. п. Но научила ли кого либо этому философія Спинозы? Напротивъ, отвергнувъ значеніе грѣха и личную отвѣтственность человѣка за свои дѣйствія, она только разрушила то, что создало христіанское ученіе. Зло не перестало существовать въ мірѣ отъ того только, что Спиноза не хотѣлъ усматривать существеннаго различія между нимъ и добромъ, а добродѣтель объявилъ результатомъ энергіи ума, дѣломъ сухаго разсудка.

Ученіе Лейбница и его послѣдователей.

О недостаткахъ оптимистическаго міровоззрѣнія *Лейбница* (1646—1716 г.) мы говорили уже достаточно. Здѣсь остается сказать немного, чтобы уяснить себѣ ихъ общій характеръ. Лейбницъ написалъ свою „Теодицею“ съ цѣлію „защитить Бога“ отъ упрека, вытекавшаго изъ міровоззрѣнія Спинозы, будто-бы самъ Богъ есть виновникъ господствующаго въ мірѣ зла. Но въ своихъ выводахъ Лейбницъ оказался лишь вѣрнымъ сотрудникомъ своего противника, приводя своихъ читателей къ заключенію, что виновникомъ зла нужно признать только одного Бога.

Не желая расходиться съ христіанскимъ вѣроученіемъ и правоученіемъ, онъ пришелъ однако-же къ тому, что, собственно, отвергъ и самую возможность Божественнаго Откровенія. Подшучивая надъ ученіемъ Ньютона, Декарта и его послѣдователей о необходимости Божественнаго Промышленія, Лейбницъ писалъ Клярку: ¹⁾ „Ньютонъ и его послѣдователи, имѣютъ странное понятіе о Богѣ и Его твореніи. По ихъ мнѣнію, Богу нужно время отъ времени заводить свои часы, чтобы они не оста-

¹⁾ Срв. А. Вебера Исторія европейской философіи. Перев. А. А. Козлова. Кіевъ. 1882. Стр. 252.

новились. Онъ какъ бы не имѣлъ достаточно мудрости, чтобы устроить вѣчное движеніе. По ихъ мнѣнію, эта машина, устроенная Богомъ, даже настолько несовершенна, что Онъ обязанъ иногда прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ, чтобы почистить ее или даже починить, подобно тому, какъ чинить свою работу часовщикъ, который—тѣмъ худшій мастеръ, чѣмъ чаще вынужденъ прибѣгать къ поправкамъ и починкамъ“.

Лейбницъ много хлопоталъ о примиреніи католичества съ протестантствомъ, объ уніи между лютеранами и реформатами, находилъ слишкомъ поверхностнымъ и пошлымъ, недостойнымъ разумнаго мыслителя атеистическое ученіе Бейля, подвергъ самой безпощадной критикѣ воззрѣнія англійскихъ деистовъ и въ частности Толанда, искренно стремился къ примиренію между вѣрою и разумомъ, писалъ въ защиту христіанства и въ опроверженіе атеизма, доказывалъ бытіе Божіе, оправдывалъ богооткровенное ученіе о Троичности Лиць въ Богъ,—но въ дѣйствительности самъ имѣлъ такое смутное и даже странное понятіе о Богѣ, которое встрѣчается лишь у англійскихъ деистовъ и французскихъ энциклопедистовъ и которое эти легкомысленные вольнодумцы, быть можетъ, только у него и позаимствовали.

Не желая признавать Бога виновникомъ зла, господствующаго въ мірѣ, и не раздѣляя ученія Божественнаго Откровенія о грѣхопадѣніи прародителей, какъ о причинѣ этого зла, Лейбницъ думалъ выйти изъ затрудненія путемъ усвоенія оптимистическаго міровоззрѣнія, хотя этотъ путь уже гораздо раньше его былъ признанъ ложнымъ и гибельнымъ. По ученію Лейбница, этотъ міръ есть наилучшій изъ возможныхъ міровъ, при самомъ сотвореніи его, ему даны такіе совершенные законы, по которымъ онъ можетъ развиваться вполне самостоятельно и безъ всякаго содѣйствія Божества.

Еще болѣе была симпатична деистамъ теорія Лейбница о предуставленной гармоніи (*harmonia praestabilita*), которая въ сущности отрицаетъ не только возможность сверхъестественнаго (чудесъ, пророчествъ и искупленія), но и возможность Божественнаго промысленія о мірѣ. Правда, Лейбницъ прямо этого не утверждалъ; но такой выводъ самъ собою вытекаетъ изъ всего его ученія,—и Лейбницъ самъ, конечно, пришелъ

бы къ нему, еслибы былъ вполне послѣдователенъ. Въ своей теоріи о предуставленной гармоніи онъ уподобляетъ жизнь міра часамъ, которые „съ самаго начала устроены съ такою необыкновенною точностію, что всегда идутъ безусловно вѣрно безъ внимательства и поправки мастера“. Но не то же ли самое утверждали англійскіе деисты и французскіе энциклопедисты? А деизмъ не есть ли только прикровенное отрицаніе и самаго бытія Божія? Вотъ къ какимъ выводамъ можно придти чрезъ усвоеніе оптимистическаго міровоззрѣнія!

Но какое же мѣсто въ наилучшемъ изъ возможныхъ міровъ можетъ принадлежать злу? Далѣе,—если все въ мірѣ происходитъ по предуставленной отъ вѣчности гармоніи,—то гдѣ же и зло можетъ имѣть свое начало, какъ не въ Богѣ?—Наконецъ, если ни Богъ, ни человѣкъ не могутъ быть признаваемы виновниками зла,—то откуда же оно происходитъ и существуетъ ли оно вообще въ мірѣ? Вотъ тѣ вопросы, которые сами собою навязываются каждому, изучающему міровоззрѣніе Лейбница.

Лейбницъ много—болѣе другихъ мыслителей—говоритъ о злѣ, господствующемъ въ этомъ „наилучшемъ изъ возможныхъ міровъ“; онъ раздѣляетъ его на три вида—зло метафизическое, физическое и нравственное, рассматриваетъ его даже въ его частныхъ проявленіяхъ; но въ дѣйствительности онъ, собственно говоря, не признаетъ и самаго его существованія. Онъ допускаетъ его лишь въ частномъ и случайномъ,—и безусловно отрицаетъ его въ общей гармоніи міровой жизни. Но, рассматривая зло и добро только съ одной телеологической точки зрѣнія, Лейбницъ на самомъ дѣлѣ отрицаетъ зло даже и тамъ, гдѣ на словахъ предполагаетъ его существованіе. Зло у него или совершенно исчезаетъ, или превращается въ добро, или по крайней мѣрѣ теряетъ свой непосредственный характеръ, дѣлаясь источникомъ добра,—*меньшимъ* добромъ. Такъ,—подъ метафизическимъ зломъ Лейбницъ разумѣетъ только несовершенство въ мірѣ. Зло физическое у него не есть зло въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ оно легко переходитъ въ добро, носитъ лишь относительный и чисто случайный характеръ, и во всякомъ случаѣ всегда усиливаетъ достоинство добра. Физическое зло, какъ

напр., болѣзни, страданія, смерть и т. п., по мнѣнію Лейбница, не есть зло въ собственномъ смыслѣ уже потому, что оно дѣйствуетъ на человѣка спасительно и благотворно, какъ наказаніе за поведеніе или какъ средство воспитательное и исправительное.

Такимъ образомъ, остается только зло въ области нравственной жизни и дѣятельности человѣка. Это зло, по ученію Лейбница, имѣетъ свой корень въ свободѣ воли человѣка, т. е., въ самой сущности человѣческаго духа. И Богъ не препятствуетъ этому злу, чтобы не стать въ противорѣчіе съ Своею благою волею; въ силу своего всемогущества Богъ могъ бы уничтожить и это зло; но это уничтоженіе зла имѣло бы своимъ слѣдствіемъ также уничтоженіе и самоопредѣленія человѣка, уничтоженіе его свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе и нравственности между людьми. Не подвергаясь отвѣтственности за свои дѣйствія вслѣдствіе отнятія свободы, не подлежа наказанію за грѣхи, человѣкъ потерялъ бы право и на награду за добродѣтель. Все это, конечно, совершенно вѣрно и съ послѣднимъ разсужденіемъ Лейбница нельзя не согласиться. Но дѣло въ томъ, что признаніе свободы человѣческой воли находится въ непримиримомъ противорѣчьи съ ученіемъ Лейбница о предуставленной гармоніи. Это противорѣчіе, конечно, видѣлъ и самъ Лейбницъ и насколько возможно, старался сгладить его. Ученіе о свободѣ монадъ въ существенныхъ чертахъ почти ничѣмъ не отличается отъ ученія Спинозы о свободѣ его субстанціи. Впрочемъ, и самъ Лейбницъ часто говоритъ о злѣ въ нравственной области въ томъ же смыслѣ, какъ говоритъ онъ и о злѣ физическомъ. По его ученію, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить, и зло нравственное есть источникъ добра: грѣхи людей привлекаютъ благодать Божію и даже были причиною пришествія на землю Сына Божія... А если грѣхи производятъ столько добра, то какимъ же образомъ ихъ можно причислить къ тому, что не должно бы быть т. е., къ злу?

Изъ сказаннаго видно, что уже самъ Лейбницъ былъ близокъ къ отождествленію добра со зломъ чрезъ отрицаніе послѣдняго. Но у его послѣдователей понятія о нравственныхъ принципахъ перепутались до такой степени, что, читая ихъ

разсужденія по этому предмету, положительно приходишь въ недоумѣніе, въ чемъ они полагаютъ добро и какъ отличаютъ отъ него зло. Для примѣра беремъ трехтомное сочиненіе „О происхожденіи и цѣляхъ зла“¹⁾, написанное какимъ-то оптимистомъ, благоразумно скрывшимъ свое имя. Что авторъ этого сочиненія, по примѣру Лейбница, отождествляетъ добро со зломъ, виновникомъ зла объявляетъ самаго Бога и приписываетъ злу благодѣтельное вліяніе въ области нравственной жизни и дѣятельности человѣка,—въ этомъ еще, такъ сказать, только поль бѣды; это многіе утверждали и раньше его. Но онъ идетъ далѣе по этому пути и, наконецъ, доходитъ до того, что *добро признаетъ главнымъ источникомъ зла*, господствующаго въ мірѣ. Этому предмету онъ посвящаетъ цѣлую главу (т. I ч. II, гл. I), раздѣленную на 16 параграфовъ. Благодѣтельныя силы природы, животныхъ, человѣка,—въ частности красота, величіе, разумъ, наука и искусства, поэзія, сочувствіе, любовь, отвращеніе къ злу, влеченіе къ добру, религія и т. д.,—вотъ что, по его мнѣнію, составляетъ основной корень зла господствующаго въ мірѣ! Вотъ что поражаетъ между людьми скорбь, бѣдствія, болѣзни, ненависть, вражду! Вотъ что дѣлаетъ людей несчастными!

Здѣсь мы приведемъ нѣсколько разсужденій этого моралиста, но не потому, чтобы они заслуживали серьезнаго вниманія, а лишь для того, чтобы показать, до чего могутъ доводить крайности оптимизма. „Нѣтъ ничего прекраснѣе, говоритъ вашъ моралистъ²⁾, какъ богопочтеніе и дѣйствія религіи. Ничто не можетъ болѣе ободрить человѣка въ скорбяхъ жизни, сильнѣе возбудить его душу при трудности работы и исполненіи тяжелыхъ обязанностей, даровать ему столь дѣйствительное утѣшеніе при всевозможныхъ страданіяхъ, исполнить его одушевленной надеждою, вызвать его на добродѣтельныя дѣйствія, сильнѣе поддержать его въ его слабости, въ борьбѣ съ искушеніями и страстями. Религія возвышаетъ душу, показываетъ намъ великіе предметы—Бога, Его любовь къ намъ,

1) Von dem Ursprung und den Absichten des Uebels. Leipzig. 1784.

2) В. I. стр. 194 и слѣд.

Его попечительное промышленіе, бессмертную жизнь“ и т. д. Указавъ на это благодѣтельное значеніе религіи для человѣчества, нашъ легкомысленный моралистъ продолжаетъ: „Но кому неизвѣстно то беспредѣльное зло, которое, она (религія) произвела? Заблужденіе, легковѣріе и ханжество—ея обыкновенные и вѣрные спутники, а чрезъ нихъ она всегда причиняетъ человѣчеству величайшій вредъ“. Послѣ этого рѣчь идетъ уже объ инквизиціи, религіозной враждѣ, фанатизмѣ, религіозныхъ войнахъ и кровопролитіяхъ, безчеловѣчныхъ жертвоприношеніяхъ, сектантскомъ развратѣ, самоистязаніяхъ и т. д. Какое поразительное легкомысліе! Авторъ трехтомнаго сочиненія не могъ понять, что ко всѣмъ указаннымъ видамъ зла религія сама по себѣ не имѣетъ совершенно никакого отношенія,—что причина всѣхъ этихъ злоупотребленій заключается единственно въ *помраченномъ человѣческомъ умѣ, извращенной грѣхомъ волѣ, нечистомъ сердцѣ*, или, говоря кратко, *въ искаженной природѣ человѣческой!*

Такимъ же легкомысліемъ отличаются и всѣ другія разсужденія нашего моралиста по затронутому имъ вопросу. Вотъ что, напр., говоритъ онъ о любви. „Любовь есть одно изъ благороднѣйшихъ чувствъ. Всѣ виды ея благотворны и для любящаго и для любимаго; они воспаляютъ сердце къ добродѣтели, къ геройскимъ подвигамъ. Трудъ, жертвы легки для любви. Но и любовь имѣетъ свои недостатки. Она состоитъ въ предпочтеніи своего предмета. Вслѣдствіе этого въ отношеніи къ нему она дѣлается пристрастною, а по отношенію къ другимъ—несправедливою. Одному она предоставляетъ и кусокъ хлѣба, и должности, между тѣмъ какъ болѣе достойнаго тѣснить и не цѣнить. Она слѣпа, и не видитъ величайшихъ недостатковъ своего предмета, вслѣдствіе чего часто обманывается. Къ любимому она имѣетъ величайшее довѣріе, и чрезъ то недостойнымъ легко вводится въ обманъ. Отнимите у нея эти недостатки и вы похитите у нея всю ея силу, она перестанетъ быть любовью... Дружба полагаетъ въ другѣ все свое довѣріе и чрезъ это очень часто вводится въ обманъ или соблазнъ. Очень многіе молодые люди подъ личиною дружбы предаются безпорядку, разнузданнос-

ти и постыдному распутству... Отъ любви родителей къ дѣтямъ, которая столь благодѣтельна и столь необходима, происходитъ большой вредъ для послѣднихъ. Нѣжные родители балуютъ, извиняютъ своихъ любимцевъ, и чрезъ это приготавливаютъ имъ много несчастій. По этой причинѣ единственное дитя обыкновенно выходитъ большею частію дурнымъ. Въ такихъ семействахъ, гдѣ одно дитя пользуется предпочтеніемъ предъ своими братьями и сестрами, любимецъ рѣдко бываетъ хорошимъ"... Нужно ли доказывать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ извращеніемъ нравственныхъ понятій? Любовью называется то, что составляетъ ея рѣшительную противоположность. А въ такомъ случаѣ оказывается только естественнымъ, если отъ зла происходитъ зло.

Что благодѣтельныя явленія природы часто бываютъ причиною зла, въ доказательство этого въ рассматриваемомъ нами сочиненіи указывается, напр., на то, что большая рѣка причиняетъ наводненіемъ большія бѣдствія, чѣмъ незначительный потокъ,—или что хорошій, т. е., острый ножъ больше можетъ причинить зла нашему тѣлу, чѣмъ плохой или тупой. Но развѣ ножъ рѣжетъ что-либо самъ собою? Не рука ли человѣка водитъ имъ? И не воля ли человѣка управляетъ его рукою? Не люди ли виноваты и въ бѣдствіяхъ наводненія, которыя всегда можно предусмотрѣть и которыхъ всегда возможно избѣгать? Такое извращеніе нравственныхъ понятій мы встрѣчаемъ еще только у англійскихъ деистовъ, французскихъ энциклопедистовъ и нѣмецкихъ раціоналистовъ.

Ученіе деистовъ, энциклопедистовъ и раціоналистовъ XVIII вѣка.

Что на возрѣніяхъ *англійскихъ деистовъ и французскихъ энциклопедистовъ* сильно отразилось вліяніе философскихъ учений Спинозы и Лейбница,—объ этомъ мы уже упоминали. Послѣдній находился даже въ дружественной перепискѣ съ нѣкоторыми изъ англійскихъ деистовъ. Но возрѣніе деистовъ и энциклопедистовъ нельзя объяснять только вліяніемъ указанныхъ мыслителей. Соответствующую почву для нихъ въ надлежащей степени подготовили уже невѣріе, господствовавшее въ эпоху

возрожденія наукъ и искусствъ, гуманисты, ставшіе во враждебное отношеніе къ схоластическому богословію и католической церкви, злоупотребленія послѣдней, реформація, распавшаяся религіозныя вѣрованія и давшая полный просторъ разуму въ области религіи, іезуитство, освятившее именемъ христіанской церкви самыя безнравственныя ученія, а также міровоззрѣнія пантеистическихъ, скептическихъ и матеріалистическихъ мыслителей—*Джіордано Бруно, Гоббеса, Бэкона, Локка, Юма* и др. Самъ деизмъ не былъ цѣльнымъ и послѣдовательнымъ міровоззрѣніемъ,—онъ составлялъ, собственно говоря, только переходную ступень отъ спекулятивныхъ ученій теизма къ натурализму, матеріализму и самому грубому атеизму.

Сущность деизма состоитъ въ отрицаніи Божественнаго Промысла, чудесъ, пророчествъ, искупленія, безсмертія души и загробной вѣчной жизни. Различію между добромъ и зломъ деисты придаютъ только случайное и относительное значеніе. Въ этомъ случаѣ они оказываются усердными популяризаторами теорій утилитаризма и эвдемонизма. По ихъ ученію, въ объективномъ смыслѣ не существуетъ ни добра, ни зла. Деисты объявили себя непримиримыми противниками ученія Тертуліана, по которому только отъ воли всемогущаго Бога зависитъ то, что добро есть добро, а зло—зло,—ученіе, которое съ необычайною послѣдовательностію доведено до крайностей іезуитами.

Орденъ іезуитовъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ единственно въ интересахъ папства, ради поднятія его власти и авторитета, униженныхъ реформаціею и апологетами протестантства. Но заботясь всѣми дозволенными и недозволенными средствами о поднятіи папства, іезуиты сильно унизили истинно—христіанское нравоученіе и этимъ именно вызвали крайнюю враждебность къ христіанской религіи во Франціи среди мыслителей XVIII вѣка, не могшихъ отличить іезуитской морали отъ христіанскаго нравоученія. Мы не будемъ говорить о томъ, какъ іезуиты старались оправдывать самыя явныя и возмутительныя злоупотребленія папства въ католической церкви, объявляя ихъ вытекающими непосредственно изъ ученія Іисуса Христа; но нельзя не отмѣтить того, что ради

оправданія безнравственныхъ дѣйствій римскихъ папъ они учили и о самомъ Богѣ, какъ о существѣ, не руководящемся въ своихъ дѣйствіяхъ никакими опредѣленными нравственными началами. По ученію іезуитовъ XVIII вѣка, Богъ чуждъ всякихъ нравственныхъ принциповъ. Ихъ дерзость выразилась даже въ извѣстномъ классическомъ положеніи, по которому Богу усвоилась возможность лжи и обмана, потому что для Него нѣтъ никакого обязательнаго нравственнаго закона, такъ какъ Онъ стоитъ выше всякаго закона. Онъ будто бы можетъ быть несправедливымъ и злымъ, если только того пожелаетъ, такъ какъ лишь одна Его воля опредѣляетъ добро и зло, справедливость и несправедливость, истину и ложь. Онъ будто бы можетъ даже захотѣть (и въ этомъ Ему никто не можетъ воспрепятствовать), чтобы несправедливость была справедливостью, а справедливость—грѣхомъ, добродѣтель—порокомъ, а порокъ—средствомъ ко спасенію. Но можно ли было поклоняться такому Богу? Можно ли было признавать такое ученіе богооткровеннымъ? Неудивительно послѣ этого, когда, отождествляя ученіе іезуитовъ съ католичествомъ, а католичество съ христіанствомъ, легкомысленные французскіе энциклопедисты оставили христіанское ученіе и усвоили положенія англійскихъ деистовъ. Они положили начало той морали, которая опирается на начала гуманизма и которая многими охотно раздѣляется еще и въ наши дни. Въ этомъ отношеніи ученіе французскихъ энциклопедистовъ—*Дидро, Д'Аламбера, Руссо, Мармонтеля, Кондорсе, Вольтера, Галлера, Гримма, Гольбаха, Тюрго, Жокура, Гельвеція, Деля Меттри, Кабаниса* и др.—представляетъ для насъ особенный интересъ. Но мы будемъ излагать его лишь въ тѣхъ общихъ положеніяхъ, которыя въ большей или меньшей мѣрѣ были раздѣляемы всѣми мыслителями этой школы.

Французскіе энциклопедисты болѣе склонялись къ оптимизму, чѣмъ къ пессимизму. По ихъ ученію, вещи сами по себѣ безразличны; онѣ не должны быть называемы ни добрыми, ни злыми. Только по отношенію къ животнымъ и въ особенности—къ человѣку онѣ являются полезными или вредными, пріятными или отвратительными. Но отъ человѣка, собственно, зависитъ то, какой характеръ принимаютъ предметы, его окружающіе: вред-

ные онъ можетъ превратить въ полезныя всегда. Отсюда при послѣдовательномъ разсужденіи, было неизбежно придти къ отрицанію физическаго зла. Такъ дѣйствительно и случилось. Французскіе энциклопедисты, особенно въ лицѣ Вольтера и Руссо, физическаго зла не признавали: даже смерть они объявили благомъ для страдающаго и *утомленнаго тяжелою описанію* человѣчества. Но нравственнаго зла они отрицать не могли,—и существованіе его въ мірѣ представлялось для нихъ неразрѣшимою загадкою. Они никакъ не могли примирить его съ благостію, мудростію и всемогуществомъ Бога, какъ Творца міра. Впрочемъ, разрѣшая этотъ роковой вопросъ, они охотнѣе рѣшались ограничить всемогущество Бога, чѣмъ Его благость. Не Богъ, а самъ человѣкъ виновенъ за свои дѣянія. Однако-же не признавая библейскаго разсказа о грѣхопадении прародителей богооткровеннымъ и исторически истиннымъ, французскіе мыслители XVIII вѣка не могли согласиться и съ тѣмъ, что человѣческая природа повреждена первороднымъ грѣхомъ и что люди отъ природы болѣе склонны къ злу, чѣмъ къ добру. Какъ и все въ мірѣ вообще, человѣческая природа, по ихъ ученію, сама по себѣ безразлична и потому не можетъ быть признаваема ни доброю, ни злою. Только въ послѣдствіи она становится болѣе расположенною къ злу, чѣмъ къ добру, хотя часто бываетъ и наоборотъ. Причины этого обстоятельства многоразличны и случайны.

Впрочемъ, почти всѣ англійскіе деисты и французскіе энциклопедисты, отвергавшіе прирожденную человѣку склонность къ грѣху и преступленіямъ всякаго рода, утверждали, что на зло въ области нравственной жизни и дѣятельности людей слѣдуетъ смотрѣть какъ на слѣдствіе неправильно поставленнаго воспитанія и что слѣдуетъ лишь позаботиться о надлежащемъ воспитаніи людей, какъ люди перестанутъ грѣшить, преступниковъ не будетъ, тюрьмы опустѣютъ, судебныя мѣста и должности упразднятся сами собою,—и зло исчезнетъ съ лица земли. Что это сужденіе легкомысленно,—это—очевидно, хотя, къ удивленію, оно часто высказывается и въ наше время и въ немъ именно находятъ положительное разрѣшеніе рокового вопроса о злѣ, его сущности и происхожденіи. Ко-

нечно, правильное воспитаніе, поставленное на твердыхъ религиозно—нравственныхъ началахъ, есть *одно изъ средствъ* борьбы со зломъ, равно какъ вѣрно и то, что ложное—содѣйствуетъ развитію дурныхъ наклонностей. Но не нужно забывать, что воспитаніе *не творитъ*, а только *развиваетъ* то, что дано въ зародышѣ самою природою. Образование утончаетъ порокъ, нерѣдко удерживаетъ отъ совершенія преступленія, раскрывая со всею ясностію добро и зло и представляя надлежащія средства для достиженія поставленной цѣли безъ нарушенія нравственныхъ требованій, но самой наклонности человѣка къ злу оно не уничтожаетъ. Пороки и преступленія, какъ проявленія злой воли, встрѣчаются между образованными людьми не меньше, какъ и между людьми простыми и невѣжественными. На вопросъ: „гарантируетъ ли образование отъ преступленій?“ „излишне даже и отвѣчать,—говоритъ Вейссъ ¹⁾, такъ какъ на него отвѣчаютъ уже сами факты, русскіе нигилисты; французскіе анархисты, какъ Ревашоль и Вальянъ (Vaillant), могли бы гордиться своимъ образованіемъ и своими познаніями въ новѣйшей литературѣ и естественныхъ наукахъ, въ чемъ немногіе были бы въ силахъ съ ними поспорить. Однако-же эти познанія и образованіе послужили имъ только къ тому, чтобы они могли измыслить свои преступленія съ большею обдуманностію и совершить ихъ съ болѣе удачнымъ расчетомъ“. Въ виду этого представляется лишь страннымъ мнѣніе тѣхъ, которые, отвергая значеніе наказаній, рекомендуютъ устраивать для преступниковъ библіотеки, кабинеты для чтенія, особыя школы, публичныя лекціи, диспуты и т. п.

Далѣе,—отвергая природенную человѣку грѣховную наклонность, французскіе энциклопедисты утверждали, что люди только постепенно становятся дурными вслѣдствіе подражанія худымъ примѣрамъ, находясь среди безнравственныхъ товарищей, увлекаясь господствующими въ обществѣ ложными идеалами, подчиняясь духу времени и т. д. По поводу этого разсужденія нужно сказать то же, что мы сказали и по поводу мнѣнія энциклопедистовъ, будто-бы источникъ зла слѣдуетъ

¹⁾ Apologie des Christenthums. 2-ter Band. 1895. Стр. 319.

искать въ отсутствіи правильнаго воспитанія и въ умственномъ невѣжествѣ людей. Дѣйствительно, добрый или худой примѣръ для подражанія, кружокъ товарищей, господствующіе въ обществѣ идеалы и т. д. имѣютъ важное воспитательное значеніе; что примѣры заразительны, противъ этого нельзя спорить. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію и то, что дурные примѣры не создаютъ самой грѣховной склонности, а только развиваютъ и усиливаютъ ее. Для того, чтобы человѣкъ сталъ подражать дурному примѣру, необходимо, чтобы онъ раньше уже имѣлъ способность и склонность къ такому несчастному подражанію. Если-бы такой склонности у человѣка не было отъ природы, его не могли бы увлечь никакіе примѣры. Кромѣ того, у французскихъ энциклопедистовъ остаются неразрѣшенными вопросы: откуда же происходятъ эти дурные примѣры, подражая которымъ люди становятся злыми? почему дурные примѣры увлекательнѣе добрыхъ? отчего именно *остъ* люди, признаваемые добрыми по своей природѣ, стараются подражать дурнымъ примѣрамъ? и т. д.

Наконецъ, по ученію англійскихъ деистовъ и французскихъ энциклопедистовъ, источникомъ зла признаются тѣ внѣшнія условія, среди которыхъ живутъ люди: климатъ и неурожай, бѣдность, недостатокъ работы, неудовлетворительные порядки въ общественной и государственной жизни и т. п. „Дайте людямъ совершенныя учрежденія, прекрасные законы, улучшите положеніе рабочаго класса,—и зло перестанетъ существовать!“—говорятъ мыслители этого направленія. Въ подтвержденіе своего ученія они обыкновенно ссылаются на статистическія данныя, по которымъ въ неурожайные годы бываетъ больше преступленій, чѣмъ въ урожайные, въ благоустроенныхъ государствахъ меньше преступниковъ, чѣмъ въ неблагоустроенныхъ и пр. Конечно, нельзя отрицать того, что внѣшнія условія, какъ бѣдность и безработица *усиливаютъ* количество преступленій, что законы и учрежденія общественной и государственной жизни не всегда и не вездѣ совершенны и нуждаются, для правильнаго развитія народной жизни, въ реформахъ и преобразованіяхъ. Но съ другой стороны для всякаго очевидно, что внѣшнія условія не *раздаютъ* зла, а потому и не мо-

гутъ быть признаны основнымъ источникомъ его происхожденія. Они суть только та почва, которая *благопріятствуетъ развитію* зла, вытекающаго однако же изъ совершенно иного и самостоятельнаго источника. Опытъ свидѣтельствуемъ намъ, что люди добродѣтельные и въ бѣдности, и въ неурожайные годы, и при другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не перестаютъ быть добродѣтельными,—что и несовершенныя учрежденія въ рукахъ добрыхъ и умныхъ людей оказываются болѣе удовлетворительными, чѣмъ усовершенствованныя—въ рукахъ людей безнравственныхъ и злыхъ. Самыя лучшія учрежденія оказываются дурными, какъ скоро попадаютъ въ дурныя руки. Равно какъ и наоборотъ. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ одного отечественнаго писателя (Достоевскаго), что даже бывшее крѣпостное право не было бы тѣмъ ужаснымъ зломъ, какимъ оно въ дѣйствительности было, если бы и помещики, и крестьяне въ то время были проникнуты духомъ Христовымъ и руководствовались въ своей жизни учепіемъ Христа о любви къ ближнему. И дѣйствительно, были случаи (напр. съ крестьянами Мальцева), когда крестьяне не хотѣли воспользоваться своимъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, потому что имъ жилось хорошо и безъ этого. Французскіе энциклопедисты считали наилучшимъ республиканскій образъ правленія. Но исторія ихъ отечества въ особенности доказала, что зло свободно можетъ развиваться и при этой формѣ государственнаго управленія. Не доказалъ ли панамскій процессъ, что зло въ своемъ ужасномъ видѣ можетъ господствовать даже среди избранниковъ народа,—„лучшихъ“ сыновъ страны? А Ревашоли и динамитчики? Не подлежитъ сомнѣнію то общее положеніе, что если при неблагопріятныхъ условіяхъ человѣкъ становится болѣе дурнымъ по бѣдности и нуждѣ, то при благопріятныхъ—по гордости, заносчивости и пресыщенію.

Изъ сказаннаго становится очевидно несостоятельность мнѣнія и тѣхъ мыслителей, которые слѣдуя ученію Руссо, корень зла усматриваютъ въ развитіи цивилизаціи. Дикари не имѣющіе о нашей цивилизаціи ни какого понятія, также оказываются склонными къ злу и всякаго рода безнравственнымъ поступкамъ не менѣе европейцевъ. Эгоизмъ и безчеловѣчность у нихъ даже грубѣе, чѣмъ у народовъ цивилизованныхъ.

И такъ, ученіе французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка о сущности зла и его происхожденіи было не только глубоко и основательно, чтобы могло удовлетворить вполнѣ требованіямъ нашего разума. Оно, собственно говоря, даже и не касалось вопроса объ источникѣ, изъ котораго зло происходитъ; оно имѣло въ виду лишь тѣ условія, при которыхъ зло развивается.

Недовольство міровоззрѣніемъ деизма и французскаго матеріализма было заявлено съ особенною силою въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вѣка въ Германіи. Тѣмъ не менѣе и въ Германіи действическія идеи французскихъ энциклопедистовъ пользовались весьма широкою популярностію. Тамъ ихъ старались распространять представители такъ называемаго грубаго или вульгарнаго раціонализма. *Велшгейдеръ* (1771—1849), *Рёръ* (1777—1848), *Бретшнейдеръ* (1776—1848), *Штикеръ* и др., объявлявшіе ученіе о поврежденности человѣческой природы и ея склонности къ грѣху противнымъ опыту, здравому разуму и даже Св. Писанію. Изъ нихъ *Рёръ*, на примѣръ, прямо называлъ это ученіе „выдумкою Августина“, *Штикеръ* — оскорбленіемъ Бога, ибо, по его словамъ, „кто уничижаетъ чадъ Божіихъ, тотъ уничижаетъ и ихъ Творца“, — *Бретшнейдеръ* — доктриною вредною для государственной жизни. Отрицая историческую достовѣрность библейскаго повѣствованія о грѣхопадѣніи прародителей и его послѣдствіяхъ и не признавая необходимости въ благодатномъ возрожденіи и примиреніи чловѣка съ Богомъ, нѣмецкіе раціоналисты, подобно древнему еретичу Пелагію и современнымъ имъ французскимъ энциклопедистамъ, признавали единственно важное значеніе лишь за дѣятельностію человѣческаго разсудка или *обученіемъ*. Только одно знаніе, по ихъ мнѣнію, можетъ содѣйствовать нравственному усовершенствованію чловѣка; только благодаря правильному обученію, чловѣкъ можетъ вознепавидѣть зло и стать добрымъ.

Какъ ни слабы были нѣмецкіе апологеты этого времени въ сравненіи съ апологетами французскими и англійскими, но въ значительной степени и они выполнили свою задачу. Съ достаточною силою они разоблачили ложь и пустоту какъ зане-

сеннаго изъ Англіи и Франціи деизма, такъ и нѣмецкаго раціонализма, и съумѣли оттолкнуть отъ него мыслящее общество. Къ сожалѣнію, они были безсильны защитить положительныя истины Божественнаго Откровенія или создать самостоятельное новое міровоззрѣніе, болѣе твердое и основательное, чѣмъ деизмъ или раціонализмъ. Вслѣдствіе этого у мыслящихъ людей того времени, по свидѣтельству самыхъ нѣмецкихъ историковъ, произошла такая путаница міровоззрѣній, въ которой трудно было разобраться. Все перепуталось и перемѣшалось. „Раціонализмъ сталъ супранатуралистическимъ, супранатурализмъ—раціоналистическимъ. Путаница воззрѣній и школьно-философскихъ понятій дошла до того, что никто не зналъ, къ какому разряду мыслителей онъ долженъ причислить самаго себя, а еще менѣе—другихъ“.

Ученіе представителей философіи здраваго смысла и супранатурализма.

Наступила такъ называемая эпоха нѣмецкаго *просвѣщенія* и *супранатурализма*. Въмѣсто грубаго раціонализма начала господствовать такъ называемая *популярная философія* и крайній супранатурализмъ, нерѣдко переходившій въ *мистицизмъ* и *романтику*. Супранатурализмъ ни во что ставилъ требованія разума и исключительное значеніе приписывалъ только Божественному Откровенію. Между откровеніемъ и разумомъ онъ допускалъ связь лишь механическую и внѣшнюю, не признавая вообще возможнымъ, чтобы и у возрожденнаго въ христіанствѣ чловѣка разумъ былъ въ силахъ постигать божественныя истины и дѣлать ихъ предметомъ научнаго изслѣдованія. О злѣ, его сущности и происхожденіи супранатуралисты учили только въ смыслѣ буквального пониманія Божественнаго Откровенія, не допуская никакихъ разъясненій со стороны чловѣческаго разума и совершенно умалчивая о философскихъ попыткахъ разрѣшить этотъ роковой вопросъ совершенно независимо отъ ученія христіанской церкви.

Представители такъ называемой популярной философіи также не были удовлетворены тѣми выводами, къ которымъ пришелъ нѣмецкій вульгарный раціонализмъ, отвергнувшій самую

возможность Божественнаго Откровенія вообще, а потому и не придававшій никакого значенія ученію христіанской церкви о злѣ, его сущности и источникѣ, изъ котораго оно происходитъ. Къ сожалѣнію, достигнувъ всеого развитія на почвѣ раціонализма, они были не въ силахъ совершенно отказаться отъ него. Отъ этого ихъ міровоззрѣніе носило по преимуществу эклектичeskій характеръ. Впрочемъ, въ разсужденіяхъ о злѣ и источникѣ его происхожденія они, въ своемъ большинствѣ, придерживались ученія Августина и Лейбница, хотя встрѣчаются между ними и такіе, которые стремились рѣшить этотъ вопросъ съ точки зрѣнія философскаго міровоззрѣнія Спинозы и даже французскихъ энциклопедистовъ.

Существеннымъ недостаткомъ въ разсужденіяхъ этихъ мыслителей являлось, впрочемъ, то, что Богооткровенное ученіе о происхожденіи зла въ мірѣ они хотѣли уяснить себѣ не подъ руководствомъ истинной Церкви Христовой, а подобно раціоналистамъ на основаніи лишь однихъ собственныхъ разсудочныхъ соображеній и потому нерѣдко становились въ противорѣчіе съ истинно-богооткровеннымъ ученіемъ. Въ этомъ отношеніи особенно типичнымъ представляется поведеніе *Лессинга* (1729—1781). Правда, самъ Лессингъ упорно отрекается отъ популярной философіи и философскаго направленія, извѣстнаго подъ именемъ „нѣмецкаго просвѣщенія“; во въ дѣйствительности онъ есть самый выразительный представитель этого направленія и этой легкомысленной философіи. Будучи великимъ реформаторомъ въ области національной нѣмецкой литературы, остроумнымъ критикомъ и популярнымъ прозаикомъ, Лессингъ, по своему общему міровоззрѣнію, представляетъ образецъ тогдашняго эклектическаго направленія,—и было бы весьма затруднительно опредѣлить то общее начало, изъ котораго вытекаютъ его воззрѣнія. Онъ, повидимому, покровительствовалъ раціонализму, издалъ даже извѣстные „*Wolfenbüttler Fragmente*“ Реймаруса; но едва ли кто нанесъ болѣе сильный ударъ раціонализму, чѣмъ онъ, обнаруживъ все его легкомысліе и пошлость. Лессинга называли послѣдователемъ Спинозы,—и дѣйствительно онъ, повидимому, былъ склоненъ къ пантеистическому міровоззрѣнію и не разъ высказывалъ детерми-

вистическія сужденія какъ о процессѣ развитія міровой жизни, такъ и о дѣятельности человѣка; но пантеистомъ назвать его нельзя, потому что онъ самъ не только объявлялъ себя вѣрующимъ въ бытіе личнаго Бога, но и признавалъ дѣйствіе Божественнаго Промысла какъ во внѣшней природѣ, такъ и во всей исторіи человѣчества, высоко цѣнилъ ученіе Божественнаго Откровенія о происхожденіи зла въ мірѣ, безсмертіи человѣческой души и вѣчной жизни cadaго отдѣльнаго человѣка. Лессинга считали глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, оправдывающимъ съ философской точки зрѣнія всѣ истины Божественнаго Откровенія, видѣли въ немъ христіанскаго апологета, и потому считали даже возможнымъ найти у него основанія для построенія супранатуралистической апологетики. И дѣйствительно, Лессингъ не отвергаетъ, кажется, ни одного христіанскаго догмата. Но на самомъ дѣлѣ едва-ли кто дальше стоялъ отъ истинно-христіанскаго ученія, чѣмъ Лессингъ, потому что каждому христіанскому догмату онъ приписываетъ вовсе не тотъ смыслъ, какой ему принадлежитъ. Историческою стороною христіанской религіи онъ совершенно не интересуется. Само христіанство онъ не признаетъ цѣльнымъ и законченнымъ дѣломъ божественнаго Откровенія, а лишь однимъ изъ явленій въ процессѣ человѣческаго развитія, какое значеніе принадлежитъ и всѣмъ другимъ положительнымъ религіямъ. По ученію Лессинга, уже не далеко то время, когда христіанство должно будетъ уступить свое мѣсто другой болѣе совершенной религіи. Эта новая религія, имѣющая замѣнить христіанство, начнетъ свое дѣло съ возстановленія ученія древне-греческаго философа—Платона о томъ, что добро нужно дѣлать только ради добра, а не ради какой либо награды.

Лессингъ признавалъ реальное существованіе зла въ мірѣ,— даже болѣе.—онъ признавалъ истиннымъ ученіе Божественнаго Откровенія о первородномъ грѣхѣ. Но что такое, по Лессингу, первородный грѣхъ? Сущность первороднаго грѣха Лессингъ полагалъ лишь въ томъ, что человѣкъ на первой и низшей ступени своей человѣчности не бываетъ такимъ полнымъ владыкою въ своихъ поступкахъ, чтобы быть въ состояніи свободно слѣдовать всѣмъ требованіямъ нравственнаго закона; а суц-

ность совершеннаго Иисусомъ Христомъ искупленія, по его ученію, состоитъ въ томъ, что человѣкъ получилъ отъ Бога нравственные законы и прощеніе за свое прежнее неисполненіе ихъ.

Извращеніе нравственныхъ понятій, поражающее насъ своимъ широкимъ распространеніемъ среди мыслителей XVIII вѣка, не осталось безъ вліянія даже на воззрѣніяхъ *Гердера*, *Гёте*, *Шиллера* и др. По мнѣнію, напр., *Шиллера*, первый грѣхъ, совершенный человѣкомъ, „есть безспорно счастливѣйшее и величайшее событіе во всемірной исторіи“. Въ своемъ разсужденіи „о первобытномъ человѣческомъ обществѣ по руководству Моисеева бытописанія“¹⁾ Шиллеръ говоритъ о грѣхопадении прародителей слѣдующее: „Если мы превратимъ голосъ Божій въ Эдемѣ, запретившій человѣку вкушать отъ дерева познанія, въ голосъ его инстинкта, который удалилъ его отъ этого дерева, то его мнимое непослушаніе божественной заповѣди будетъ не что иное, какъ отпаденіе отъ своего инстинкта,—слѣдовательно, первое обнаруженіе его самостоятельности, первый смѣлый шагъ его разума, первое начало его нравственнаго бытія. Это отпаденіе человѣка отъ инстинкта, которое, правда, внесло нравственное зло въ твореніе, но только для того, чтобы сдѣлать въ немъ возможнымъ нравственное добро, есть безспорно счастливѣйшее и величайшее событіе во всемірной исторіи; съ этого момента начинается человѣческая свобода; здѣсь былъ заложенъ первый краеугольный камень для его нравственности“. *Гердеръ* признаетъ библейское повѣствованіе о грѣхопадении побасенкою, аллегоріею,—и въ то же время утверждаетъ, что оно есть такой важный фактъ народной психологіи, что безъ него былъ бы совершенно не понятенъ смыслъ міровой исторіи,—безъ него человѣчество было бы то же, что книга безъ заглавія, безъ первыхъ листовъ и оглавленія²⁾. Странный взглядъ Шиллера на зло впослѣдствіи съ особенною любовію пропагандировали по-преимущественно поэты: *Мольеръ*, *Байронъ*, *Беринже* и др.

¹⁾ Срв. Люгардта Апологія христіанства. Церев. А. П. Лопухина. Спб. 1892. Стр. 864.

²⁾ Срв. Herder Sämmtliche Werke, Religion und Theologie Carlsruhe 1827. В. V. Стр. 187 и слѣд.

Но если подобное неопредѣленное броженіе возрѣній господствовало даже у такихъ недюжинныхъ умовъ, какъ *Лессингъ*, *Шиллеръ*, *Гердеръ* и ихъ друзья (*Николаи* и *Мендельсонъ*); то нетрудно себѣ представить, какая путаница понятій царила среди обыкновенныхъ смертныхъ тогдашняго времени! Казалось, говоритъ одинъ ученый, занимавшійся изслѣдованіемъ этой эпохи,—что христіанство какъ-бы исчезло съ лица земли, какъ и въ эпоху „возрожденія“; человѣчество не имѣло никакой твердой опоры для правильнаго развитія своей духовной жизни, не видѣло опредѣленной цѣли для своихъ стремленій, нигдѣ не находило себѣ удовлетворенія, утратило способность яснаго различенія добра отъ зла. Такое жалкое наследство досталось въ удѣлъ XIX-му вѣку отъ своего предшественника, и начавшаго, и кончившаго легкомысліемъ и невѣріемъ.

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ*.

(Продолженіе будетъ).

Положеніе католической церкви въ Россіи въ царствованіе императора Александра I.

(Окончаніе *).

Императоръ Александръ лично не могъ симпатизировать іезуитамъ. По натурѣ своей добрый, благородный, любящій просвѣщеніе, уважающій духовную свободу личности, онъ естественно питалъ отвращеніе ко всему, что дышало фанатизмомъ, насиліемъ и нарушеніемъ права другихъ, а этими послѣдними качествами въ изобиліи отличались іезуиты. Съ ихъ неблаговидными поступками пришлось ему встрѣтиться тотчасъ же послѣ вступленія на престолъ. Прихожане Петербургскаго костела св. Екатерины, выведенные изъ терпѣнія самоуправствомъ іезуитовъ въ завѣдываніи церковными доходами, жаловались на нихъ правительству. Въ отвѣтъ на эту жалобу послѣдовалъ Именной Высочайшій указъ, которымъ за католическимъ обществомъ въ столицѣ подтверждались всѣ привилегіи, данныя ему императрицей Екатериной и состоящія между прочимъ въ правѣ наблюдать за употребленіемъ церковныхъ суммъ; іезуиты съ этого времени должны были давать обществу отчетъ въ церковныхъ расходахъ ¹⁾). Кромѣ того, въ этомъ же самомъ указѣ было запрещено іезуитамъ умножать свои богоугодныя заведенія помимо Полоцкаго новиціата, отдавать имъ ихъ бывшія, такъ называемыя поіезуитскія, имѣнія и впускать ихъ въ Виленскій университетъ.

Папская булла о возстановленіи въ Россіи іезуитскаго ор-

---

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» за 1897 г., № 6.

¹⁾ П. С. З. XXVI, 19865.

дена, испрошенная императоромъ Павломъ, была обнародована Александромъ не вдругъ послѣ ея полученія. Съ одной стороны, плохая репутація, составившаяся объ этомъ ордѣ на основаніи многихъ неблаговидныхъ поступковъ, обнаруженныхъ еще комитетомъ по дѣлу митрополита Сестренцевича, съ другой—самъ митрополитъ, постоянный недругъ іезуитовъ, и наконецъ, личное нерасположеніе къ нимъ удерживали Александра отъ объявленія папской буллы, хотя Груберъ и самъ папа Пій VII настоятельно просили его объ этомъ. Наконецъ уже въ 1802 году, во исполненіе воли своего родителя и въ надеждѣ, что іезуиты, тронутые милостію къ нимъ императора, измѣнятъ свое поведеніе, посвятятъ свои силы на пользу государства и общества и воздержатся отъ пропаганды, въ чемъ клятвенно обѣщались и сами они, императоръ Александръ объявилъ буллу. При этомъ было поставлено условіемъ, что если іезуиты по прежнему будутъ продолжать незаконную дѣятельность, то не только будутъ лишены всякаго покровительства законовъ, но и совсѣмъ не будутъ терпимы въ предѣлахъ Россіи ¹⁾. Въмѣстѣ съ возстановленіемъ ордена былъ утвержденъ въ своемъ званіи и генераль, сначала Каро, на котораго и адресована была булла, а за смертію его хитрѣйшій изъ іезуитовъ Груберъ. Послѣ этого хитрый ордень, предводимый достойнымъ своего званія генераломъ, при содѣйствіи разныхъ вліятельныхъ особъ, между которыми главное мѣсто занималъ князь Голицынъ, сталъ получать отъ государя одну милость за другою. Такъ, въ томъ же 1802 году іезуиты были опредѣлены къ саратовскимъ колонистамъ и отркомендованы людьми „достойными“ ²⁾. Въ южныхъ колоніяхъ имъ удалось даже избавиться отъ надзора митрополита. По желанію Херсонскаго военнаго губернатора, герцога Ришелье, Голицынъ прислалъ въ Одессу восемь іезуитовъ и назначилъ визитаторомъ и начальникомъ всѣхъ католическихъ церквей въ южной Россіи аббата Николая, извѣстнаго всему тогдашнему аристократическому Петербургу за искуснаго педагога-іезуита. Митрополитъ, по настоянію Голицына, долженъ

¹⁾ См. Письмо Лопухина Груберу, написанное отъ лица императора, у Морозова 2 т. стр. 98.

²⁾ И. С. З. XXVII, 20,550.

быль удѣлить послѣднему очень значительныя духовныя права. Ему была дана власть: 1) разрѣшать вѣрныхъ во всѣхъ случаяхъ, апостольскому престолу предоставленныхъ, 2) увольнять или замѣнять простые обѣты другими богоугодными дѣлами, 3) дозволять браки въ 3 и 4 степеняхъ родства и свойства, 4) дозволять скоромную пищу духовнымъ и мірянамъ въ посты, 5) совершать литургію по домамъ, 6) совершать повсемѣстно требы, только доводя объ этомъ приходскому священнику, 7) обзрѣвать церкви по губерніямъ Херсонской и Екатеринославской и проч. ¹⁾. Не смотря на то, что іезуиты издавна выставляли то свое преимущество предъ другими священниками, что они ничего не стоили правительству, они, кромѣ земли, которой отводилось обыкновенно по 120 десят. на cadaго священника, получали казенное жалованье: при Саратовскомъ костелѣ каждый получалъ по 400 р., при Одесскомъ—по 600, при Николаевскомъ, Херсонскомъ, Симферопольскомъ, Ямбургскомъ, Зельценскомъ и Іозефтальскомъ по 300 р. въ годъ ²⁾. Въ 1811 году по просьбѣ Сибирскаго генераль-губернатора Пестеля, которому іезуиты представили всѣ выгоды, какія они могли бы принести этому отдаленному краю, было дозволено водвориться въ Сибири; какъ и въ колоніяхъ, здѣсь имъ было назначено жалованье, въ Иркутской губерніи главнымъ священникамъ по 1800 рублей и викарнымъ по 300 рублей, въ Томской губерніи главнымъ по 750 и викарнымъ по 250 рублей ³⁾. Далѣе, іезуиты добились того, что ихъ Полоцкая коллегія была возведена въ 1812 году на степень Академіи и уравнена въ своихъ правахъ съ университетами. Въ Высочайшей грамотѣ было объяснено, что такимъ возвышеніемъ іезуитской коллегіи императоръ хотѣлъ „ознаменовать особенное благоволеніе свое къ Полоцкой іезуитской коллегіи, толикую пользу принесшей воспитаніемъ юношества ⁴⁾. Академія эта, подчиненная только по имени Министерству народнаго просвѣщенія, управлялась чрезъ посредство ректора генераломъ іезуитскаго ордена. Наконецъ, къ числу

¹⁾ „О властяхъ, данныхъ аббату Николѣ“. См. у Толстаго, т. II, прилож. IX.

²⁾ Толстой, т. II, стр. 181—182, примѣч.

³⁾ Толстой, II, 184, примѣч.

⁴⁾ Толстой, II, приложение XII.

новыхъ привилегій должно быть отнесено право іезуитовъ бесплатно вести корреспонденцію, выписывать изъ заграницы безпошлинно и безъ освидѣтельствванія книги, князь Голицынъ поднималъ даже въ камитетѣ министровъ вопросъ о правѣ безпрепятственно вызывать имъ изъ заграницы нужныхъ для нихъ людей, но въ виду несогласія между членами государь этого предложенія не утвердилъ. И всѣ эти милости іезуиты получали изъ рукъ человѣка, не могущаго сочувствовать ни имъ, ни ихъ дѣятельности.....

Но чѣмъ мевѣе сочувствовалъ императоръ Александръ іезуитамъ и всѣмъ тѣмъ привилегіямъ, какія испрашивали у него ихъ покровители, тѣмъ въ большее недовольство и раздраженіе приводили его всѣ противозаконныя іезуитскія дѣйствія. Наконецъ, во вторую половину своего царствованія Александръ не выдержалъ и круто обратилъ свою милость къ іезуитамъ на гнѣвъ. Нужно замѣтить, что въ 1814 году іезуитскій орденъ былъ возстановленъ папою повсемѣстно. Это еще болѣе ободрило іезуитовъ и развязывало руки на противозаконную дѣятельность. Въ 1815 году іезуитъ Баландре публично съ кафедръ въ костелѣ Св. Екатерины попустилъ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія и восхвалялъ латинское. Даже самъ князь Голицынъ въ концѣ концовъ былъ выведенъ изъ терпѣнія безцеремонностію іезуитовъ, совратившихъ въ латинство его несовершеннолѣтняго племянника, о чемъ сдѣлалось извѣстно и государю. Эти два факта—проповѣдь іезуита Баландре и возвращеніе малолѣтняго князя Голицына, и имѣли рѣшительное значеніе въ поворотѣ отношеній государя къ іезуитамъ. Декабря 20 д. 1815 г. вышелъ Именной Указъ, въ которомъ послѣ упоминанія, что іезуиты, уничтоженные папою и изгнанные изъ всѣхъ странъ Европы, были благосклонно приняты въ Россіи, въ надеждѣ, что они вѣрностію и искреннимъ усердіемъ въ служеніи облагодѣтельствовавшему ихъ государству и народу вполне заслужатъ такое благодѣяніе, говорилось слѣдующее: „нынѣ открылось несомнѣнно, что они, не сохраняя долга благодарности, возмнили потрясать господствующую издревлѣ въ царствѣ нашемъ православную греческую вѣру, начали сдѣланную имъ довѣренность употреблять во зло:

стали порученныхъ имъ юношей и нѣкоторыя лица изъ слабѣйшаго женскаго пола отвлекать отъ нашего и прельщать въ свое вѣроисповѣданіе. Домогаться сдѣлать челоуѣка отпадшимъ отъ своей вѣры, погасить въ немъ любовь къ единовѣрцамъ, къ согражданамъ своимъ, отдѣлить духъ его отъ духа отечества, посѣять вражду и раздоръ между семействами, отторгнуть брата отъ брата, сына отъ отца и дочь отъ матери, водворить несогласіе между чадами единыя церкви,—сей же гласъ и воля миролюбиваго Бога и Единороднаго Сына Его Богочелоуѣка Христа? Въ заключеніе опредѣлялось іезуитамъ возмездіе за всѣ указанные подвиги: „выслать немедленно всѣхъ іезуитскаго ордена монаховъ изъ Петербурга, воспретя имъ въѣздъ въ обѣ столицы наши“¹⁾. Обвиненія противъ іезуитовъ высказывались въ приведенномъ указѣ такъ горячо и безапелляціонно, окончательный приговоръ былъ произнесенъ такъ рѣшительно, что іезуитамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ добровольно подчиниться грозному слову своего бывшаго благодѣтеля, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ этимъ указомъ вышло предписаніе управляющему миистерствомъ полиціи—приставить строгій караулъ къ іезуитскому дому, никого въ него не впускать и не выпускать и заготовить достаточное количество повозокъ для отправки всѣхъ іезуитовъ въ Полоцкъ, кромѣ одного или двухъ, нужныхъ для сдачи церковнаго имущества²⁾. Чтобы служба въ костелахъ столицы не прекращалась, повелѣно было митрополиту на время назначить другихъ находящихся въ Петербургѣ священниковъ, а между тѣмъ позаботиться о вызовѣ изъ за границы монаховъ другихъ орденовъ³⁾. Миистеру народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскому, было приказано взять въ свое распоряженіе іезуитское училище и прекратить его существованіе⁴⁾. Относительно имущества, оставшагося послѣ іезуитовъ, были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) новый каменный домъ обратить въ богоугодное заведеніе, а за землю, на которой онъ стоитъ и которая куплепа была като-

1) П. С. З. XXXIII, 26032.

2) П. С. З. XXXIII, 26035.

3) П. С. З. XXXIII, 26033.

4) П. С. З. XXXIII, 26034.

лическою церковію за 20 тыс. рублей, деньги возвратить изъ казны въ церковную сумму; 2) купленную іезуитами дачу оставить для богоугоднаго заведенія; 3) книги, оказавшіяся принадлежащими Императорской публичной библіотекѣ, возвратить по принадлежности, частныя требованія на нѣкоторыя изъ книгъ и вещей разсмотрѣть особо главнокомандующему въ Петербургѣ, а всѣ прочія книги оставить при церкви для употребленія въ церковномъ училищѣ; 4) найденныя въ оставшихся послѣ іезуитовъ бумагахъ три долговыя обязательства на имя купца Пирлинга въ 5700 рублей и девять билетовъ Государственнаго заемнаго банка на имя неизвѣстной особы въ 40 тыс. рублей, согласно просьбѣ генерала ордена, выдать купцу Пирлингу; 5) оставленный іезуитами на своемъ домѣ долгъ въ 241,650 рублей, если будетъ заявленъ на него искъ, обратить на прочее недвижимое имѣніе, принадлежащее ордену, помимо дома; 6) оставшіяся на нѣкоторыхъ воспитанникахъ бывшаго у іезуитовъ пансіона долгъ болѣе 14 тыс. руб. истребовать съ родителей ихъ и родственниковъ для отдачи тѣмъ, отъ которыхъ внесены были деньги за обученіе впередъ ¹⁾. Такъ іезуиты должны были оставить Петербургъ, въ которомъ нашли было радушный пріемъ себѣ и очень удобно устроились.

Но въ дѣйствительности правительство, чтобы совершенно избавиться отъ зловредныхъ іезуитовъ, должно было изгнать ихъ не только изъ столицъ, но и совсѣмъ изъ Россіи. И оно было не прочь сдѣлать это, только опасеніе, что множество латинскихъ приходовъ останется совершенно безъ духовенства на неопредѣленное время, удерживало его отъ такой рѣшительной мѣры. Между тѣмъ оно стало постепенно приготовляться къ ней. Въ 1816 году былъ сдѣланъ большой вызовъ изъ заграницы священниковъ, а бѣлорусскій генерель-губернаторъ сдѣлалъ уже предварительныя распоряженія къ удаленію іезуитовъ изъ подвѣдомственнаго ему края. Такъ, могилевскому и витебскому губернаторамъ онъ предписывалъ: 1) объявлять пріѣзжающимъ священникамъ, чтобы они не говорили о цѣли своего прибытія и распространяли слухъ, что они пріѣхали

¹⁾ И. С. З. XXXIII. 26284.

для внутреннихъ губерній, 2) вдругъ въ одинъ день смѣнить всѣхъ іезуитовъ въ Полоцкѣ, Шушѣ и Витебскѣ, 3) къ іезуитской казнѣ, архиву, физическому кабинету и проч. приложить печати, 4) снабдить іезуитовъ подводами и прогонными деньгами и проч. ¹⁾. Но правительство и послѣ этого все таки почему-то медлило прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ и только уже чрезъ четыре года Государь утвердилъ докладъ кн. Голицына объ изгнаніи іезуитовъ совершенно изъ предѣловъ Россіи. „Іезуитовъ, какъ забывшихъ священный долгъ не только благодарности, но и вѣрноподданнической присяги, и потому недостойныхъ пользоваться покровительствомъ російскихъ законовъ, выслать подъ присмотромъ полиціи за предѣлы государства и впредь ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ не впускать въ Россію“ ²⁾, такъ опредѣлена была окончательная участь іезуитскаго ордена въ нашемъ отечествѣ, неизмѣнно тяготящая надъ нимъ и до настоящаго времени.

Въ докладѣ главноуправляющаго, кн. Голицына, составленномъ, нужно сказать, весьма обстоятельно, заключавшемъ въ себѣ подробную исторію ордена въ Россіи и характеристику его на основаніи тѣхъ дѣйствій, которыхъ свидѣтелемъ было русское правительство, — въ докладѣ были выражены основныя положенія объ устройствѣ оставшихся послѣ іезуитовъ училищъ, церковныхъ имѣній и проч. Полоцкую академію рѣшено было закрыть, равно какъ и подвѣдомственныя ей училища. Кандидаты на духовныя мѣста вмѣсто іезуитскихъ училищъ должны были получать образованіе въ Епархіальныхъ семинаріяхъ и главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ, а свѣтское юношество — въ училищахъ, зависящихъ отъ университета и въ самомъ университетѣ. Всѣ наличныя деньги, бібліотеки и учебныя пособія, церковную утварь и все прочее движимое и недвижимое имѣніе іезуитскаго общества должны были принять немедленно деканы или духовные визитаторы и депутаты съ городничими, земскими исправниками и стряпчими за подписаніемъ описей сдатчиками и пріемщиками, причемъ деньги отдать въ приказы общественнаго призрѣнія, книги — въ пользу училищъ, церковную утварь, за исключеніемъ не-

¹⁾ Толстой, II, стр. 220.

²⁾ П. С. З. XXXVII, 28198.

обходимой для употребленія, запереть и запечатать, а описи недвижимыхъ имѣній доставить въ казенныя палаты. (Эти имѣнія получили названіе вторыхъ поіезуитскихъ имѣній въ отличіе отъ тѣхъ, которыя были отобраны у іезуитовъ польскимъ правительствомъ послѣ его упраздненія въ предѣлахъ Польши, и которыя назывались первымъ поіезуитскими имѣніями). Доходъ съ этихъ имѣній не долженъ былъ причисляться къ казенному, но долженъ составлять изъ себя особую статью для католическаго духовенства. Послѣ было разъяснено, что изъ этихъ доходовъ должны были уплачиваться долги, оставшіеся послѣ іезуитовъ ¹⁾. Іезуиты, не имѣвшіе на своей отвѣтственности движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, должны были отправиться за границу немедленно; отъ приходовъ же не должны были удаляться прежде, чѣмъ придутъ на ихъ мѣста другіе священнослужители. Тѣмъ изъ іезуитовъ, которые бы пожелали оставить свой орденъ, разрѣшено было оставаться въ Россіи, причемъ совсѣмъ не имѣвшіе никакихъ священныхъ степеней могли свободно возвратиться въ свое первобытное состояніе, всѣ же прочіе или поступить въ бѣлое духовенство или же въ другіе монашескіе ордена. Такимъ образомъ прекратилъ свое существованіе въ Россіи іезуитскій орденъ. При Петербургской церкви Св. Екатерины мѣсто іезуитовъ заняли доминиканы, которые должны были управлять своимъ приходомъ на основаніи Регламента 1769 года ²⁾.

¹⁾ П. С. З. XXXVII, 28518.

²⁾ П. С. З. XXXVIII, 29586. Что касается отношеній имп. Александра къ Мальтійскому ордену, то онъ, по примѣру своего родителя, остался его покровителемъ и защитникомъ, хотя отъ званія великаго магистра ордена и отказался. Петербургъ при немъ по прежнему остался главнымъ центромъ для Мальтійскихъ рыцарей, въ немъ по-прежнему составилъ и свѣтшій совѣтъ для избранія магистра ордена. Большинство голосовъ, собранныхъ отъ всѣхъ членовъ ордена изъ всѣхъ государствъ, было на сторонѣ Томаса, котораго желало видѣть магистромъ и русское правительство. Но папа, тѣснямый Наполеономъ, ни за что не соглашался утвердить этого кандидата, и, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, возбудилъ вопросъ, давно рѣшенный и отошедшій уже въ область исторіи—о законности магистратуры имп. Павла, такъ какъ онъ былъ не католикъ, отсюда—о законности его распоряженій въ этомъ званіи, о законности существованія орденскихъ пріорствъ русскаго и русско-католическаго, и, слѣдовательно, о законности самаго свѣтшаго совѣта и его правъ на избраніе кандидата въ званіе магистра Мальтійскаго ордена.

Много заботъ правительство императора Александра положило на поднятіе просвѣщенія среди католическаго населенія и главнымъ образомъ—католическаго духовенства. Первый разсадникъ духовныхъ лицъ—католическая духовная семинарія была учреждена еще во времена императрицы Екатерины при кафедрѣ могилевскаго архіепископа. Она носила названіе „Генеральной семинаріи“, и между прочимъ имѣла своей задачей готовить кандидатовъ къ приходамъ, въ которыхъ требовалось отъ священниковъ знаніе иностранныхъ языковъ, и такимъ образомъ освобождала правительство и католическое общество отъ тяжелой необходимости выписывать духовныхъ лицъ изъ-заграницы ¹⁾. Содержаніемъ этой семинаріи служилъ сборъ съ монастырей. Могилевская семинарія не была единственнымъ явленіемъ въ своемъ родѣ—по примѣру ея учреждались семинаріи и въ другихъ епархіяхъ. Императоръ Павелъ въ 1797 году издалъ указъ объ учрежденіи семинарій при церквахъ и монастыряхъ католическихъ ²⁾. Указъ этотъ впрочемъ не былъ приведенъ въ исполненіе, потому что въ слѣдующемъ же году новымъ именованнымъ указомъ было предписано оставить учрежденіе семинарій до устроенія для Курляндскаго, Эстляндскаго и Лифляндскаго рыцарствъ университета ³⁾.

Въ 1803 году императоръ Александръ особымъ актомъ утвердилъ существованіе Виленскаго университета, основаннаго еще въ 1578 году, а въ 1781 году „возобновленнаго сообразно настоящей степени познаній у просвѣщеннѣйшихъ народовъ

Такое отношеніе папы къ памяти имп. Павла было оскорбительно для русскаго правительства. Благодаря усиленнымъ хлопотамъ чрезвычайнаго русскаго посланника, папа призналъ Павла законнымъ магистромъ мальтійскаго ордена и утвердилъ все его распоряженія, по признанію новымъ магистромъ представленнаго Россіей и избраннаго большинствомъ голосовъ такъ русскій уполномоченный и не достигъ. Папа утвердилъ въ званіи магистра чловѣка нейтральнаго по отношенію къ Россіи и Франціи, избраннаго римскимъ пріорствомъ (Морошквинъ, II, 66—85). Изъ послѣдующихъ распоряженій видно, что домъ, принадлежавшій ордену, былъ взятъ подъ папескій корпусъ, оставлена только въ пять церковь и квартира для духовенства. Двумъ орденскимъ священникамъ было назначено жалованье по 600 руб. въ годъ, на церковнослужителей 800 руб., и на содержаніе церкви 3 тыс. руб. (2-е Пол. Соб. Зак. IV, 2629).

¹⁾ П. С. З. XXIII, 16820.

²⁾ П. С. З. XXIV, 18286.

³⁾ П. С. З. XXV, 18650.

Европы" ¹⁾. На содержаніе его было ассигновано 105 тыс. руб. сер. изъ доходовъ съ поіезуитскихъ имѣній. Между предметами, преподаваемыми въ немъ, было и богословіе; въ пользу профессоровъ университета были предоставлены въ капитулахъ нѣкоторыя мѣста канониковъ и настоятелей церковныхъ бенефицій. При этомъ то университетъ и была учреждена главная семинарія для католическаго духовенства. Она была высшимъ духовно-учебнымъ заведеніемъ, какъ бы духовной Академіей, въ которой получали высшее богословское образованіе кандидаты на всѣ, главнымъ же образомъ на высшія церковныя должности, не только католическихъ, но и уніатскихъ епархій. Она стояла въ самой тѣсной и неразрывной связи съ университетомъ, такъ что ректоръ послѣдняго былъ вмѣстѣ предсѣдатель семинарскаго совѣта и главный управитель ея. Средства для содержанія этой семинаріи доставляли монастыри всѣхъ епархій; освобождались отъ платы на семинарію только монастыри іезуитовъ, піаровъ, миссіонеровъ и бонифратровъ и женскіе—визитокъ и сестеръ милосердія, такъ какъ они сами занимались воспитаніемъ юношества, а также тѣ монастыри, которые съ вѣдома попечителя университета имѣли особыя училища, или же содержали на свой счетъ молодыхъ монаховъ, проходящихъ съ успѣхомъ курсъ въ самомъ университетѣ. Содержаніе семинаріи было опредѣлено въ 15 тыс. сер. ²⁾ Высшій надзоръ за семинаріей принадлежалъ католической коллегіи, которая ежегодно снаряжала ревизію; министръ народнаго просвѣщенія въ своихъ распоряженіяхъ относительно семинаріи долженъ былъ дѣйствовать по предварительному сношенію съ коллегіей, попечитель же университета, обзрѣвая этотъ послѣдній, вникалъ и въ состояніе семинаріи. Ближайшимъ образомъ завѣдывалъ семинаріей ея Совѣтъ, въ составъ котораго входили, подъ предсѣдательствомъ ректора университета, шесть членовъ—три профессора богословія, два члена Виленскаго каедральнаго капитула и одинъ уніатскій прелатъ. Совѣтъ избиралъ чрезъ каждые три года регенса семинаріи—непремѣнно духовное лицо, который утверждался

¹⁾ П. С. З. XXVII, 20701, гл. V. XVIII, XXI.

²⁾ П. С. З. XXVII, 20853.

въ своей должности коллегіей. Виленскій католическій епископъ былъ совершенно отстраненъ отъ начальствованія въ Главной Семинаріи. Курсъ наукъ въ ней былъ четырехъ-лѣтній. Всѣ обучающіеся должны были поступать непременно въ духовное званіе, „развѣ бы кто только представилъ весьма важныя и справедливыя причины“ для отказа. Воспитанники могли принимать духовный санъ и прежде окончанія, но не иначе, какъ послѣ особаго экзамена въ совѣтѣ семинаріи ¹⁾. На Главную семинарію возлагались правительствомъ большія надежды въ дѣлѣ поднятія уровня просвѣщенія среди по крайней мѣрѣ высшаго класса духовенства. При учрежденіи ея было сдѣлано распоряженіе, чтобы чрезъ десять лѣтъ никто изъ неокончившихъ въ ней курса не былъ возводимъ въ епископы, прелаты, каноники, ассесоры католической коллегіи, оффиціалы, проповѣдники при соборахъ и другихъ городскихъ приходахъ. Но фанатичное католическое духовенство, боящееся свѣта истиннаго просвѣщенія, сразу же вооружилось противъ новаго высшаго учебнаго заведенія и употребляло всѣ мѣры къ тому, чтобы добиться ея закрытія. Монашествующее духовенство уже по тому одному съ непріязнію встрѣтило учрежденіе главной семинаріи, что содержаніе ея было отнесено на счетъ монастырскихъ доходовъ. Августинскій монастырь, въ которомъ, по Высочайшему указу, должна была помѣститься семинарія, ни за что не хотѣлъ имѣть ее у себя. Только послѣ многихъ хлопотъ, послѣ уплаты этому монастырю требуемой имъ суммы денегъ и отдачи ему ковенскаго настоятельства съ костеломъ, главная семинарія заняла монастырское помѣщеніе. Не совсѣмъ одобрительное поведеніе нѣкоторыхъ воспитанниковъ перваго курса, вслѣдствіе чего семинарское начальство поставлено было въ необходимость подвергнуть исключенію нѣсколькихъ ²⁾, было поводомъ къ новымъ злораднымъ напад-

¹⁾ См. Уставъ Главной Семинаріи. II. С. 3. XXIX, 22264.

²⁾ Главными виновниками этихъ прискорбныхъ для семинаріи явленій были опять же монахи: не безъ основанія полагая, что воспитанники Главной семинаріи будутъ опасными конкуррентами на начальническія мѣста въ епархіальныхъ семинаріяхъ, монашествующіе начальники этихъ семинарій съ намѣреніемъ рекомендовали для отправленія въ Главную Семинарію учениковъ менѣе способныхъ или не совсѣмъ благонадежныхъ.

камъ на семинарію. Даже сама католическая коллегія въ одно время согласилась съ мнѣніемъ ревизовавшаго ее епископа, что она только искореняетъ духъ церковности среди духовенства, и готова была издать распоряженіе о прекращеніи ея существованія. Только благодаря заступничеству Чарторійскаго, попечителя Виленскаго учебнаго округа, по мысли и плану котораго она и была учреждена, эта семинарія не была закрыта. Заслуги этой семинаріи въ исторіи западно-русской католической, въ особенности же уніатской, церкви были несомнѣнны. Съ 1816 года, къ каковому времени она успѣла одержать побѣду надъ всѣми кознями противъ нея, направленными съ разныхъ сторонъ, и когда она снова начала свою дѣятельную жизнь послѣ 4-хъ лѣтняго перерыва по случаю нашествія французовъ на Россію, съ 1816 года начался блестящій и цвѣтущій періодъ въ жизни этой семинаріи, продолжавшійся до самаго закрытія ея въ 1832 году. Въ это-то время она и выпустила изъ своихъ стѣнъ многихъ знаменитыхъ и полезныхъ русской церкви и обществу дѣятелей. Если не все, то большая часть епископовъ, послужившихъ дѣлу воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковію въ 1839 году были питомцами этой семинаріи ¹⁾.

Другимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ бы могло получать образованіе католическое духовенство, была Полоцкая іезуитская Академія. Настоящее свое названіе (Академія) и характеръ высшаго учебнаго заведенія она получила только при Александрѣ же I-мъ въ 1812 году, до этого же времени она съ самаго своего основанія еще при польскомъ правительствѣ существовала подъ наименованіемъ коллегіи. „Желая торжественно ознаменовать, сказано было въ Высочайшей грамотѣ этой Академіи, особое благоволеніе наше къ Полоцкой іезуитской коллегіи, толикую пользу принесшей воспитаніемъ юношества, Мы предназначили возвести заведеніе сіе на степень

¹⁾ Подробности свѣдѣнія объ устройствѣ Главной Семинаріи, организаціи и составѣ ея управленія, о преподавателяхъ, внутреннемъ бытѣ ея воспитанниковъ и значеніи ея въ исторіи духовнаго просвѣщенія западнаго края см. въ статьѣ г. П. Жуковича: „Объ основаніи и устройствѣ главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ“. Христ. Чтеніе, 1887 г. Мартъ—Апрѣль.

Академіи“¹⁾. Въ другомъ указѣ мотивомъ для возведенія іезуитской коллегіи въ высшее духовно-учебное заведеніе указывается высказанное желаніе бѣлорусскаго дворянства“²⁾. По своимъ правамъ Полоцкая Академія равнялась университетамъ; въ ея вѣдѣніи находились всѣ іезуитскія училища имперіи; по учебной части она находилась въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, по административной же генерала іезуитскаго ордена, который управлялъ ею чрезъ ректора. Въ ней было три факультета: первый—языковъ, второй—свободныхъ художествъ (поэзія, риторика и пр.) и наукъ философскихъ, третій—наукъ богословскихъ. Подобно университетамъ, она имѣла свою собственную типографію. Относительно матеріальнаго содержанія въ указѣ объ ея учрежденіи было сказано: „орденъ іезуитскій, имѣя достаточныя фундуши для содержанія своихъ училищъ, никакихъ сверхъ того пособій отъ правительства на Полоцкую академію получать не будетъ“³⁾. Съ изгнаніемъ іезуитовъ вовсе изъ предѣловъ Россіи въ 1820 году прекратила свое существованіе и ихъ академія.

Общимъ же и, такъ сказать, обычнымъ мѣстомъ, гдѣ получало образованіе католическое духовенство, были епархіальныя семинаріи, объ устроеніи которыхъ много заботился просвѣщенный митрополитъ Сестренцевичъ. Онъ еще въ 1797 году представилъ на утвержденіе правительства проектъ устройства этихъ учебныхъ заведеній, которымъ всѣ они приводились къ единообразію въ управленіи и обученіи, но правительство, долго протянувъ дѣло, въ 1803 году кончило тѣмъ, что предоставило право учреждать семинаріи епархіальнымъ архіереямъ подъ высшимъ надзоромъ коллегіи. Епископы, пользуясь своимъ правомъ, безъ нужды увеличивали количество семинарій, что вреднымъ образомъ отзывалось на ихъ внутреннемъ благоустройствѣ. Въ шести католическихъ епархіяхъ во времена Александра I было 14 семинарій. Самое большее количество воспитанниковъ—62 человекъ падало на Ворненскую семинарію (въ Самогитской епархіи); изъ двухъ семинарій, находив-

1) П. С. З. XXXII, 25019.

2) П. С. З. XXXII, 24952.

3) П. С. З. XXXII, 24952, п. 6.

шихся въ самомъ городѣ Вильнѣ, въ одной было 50, въ другой—22 воспитанника; нѣкоторыя же семинаріи имѣли шесть, пять, три, даже одного воспитанника ¹⁾. Въ матеріальномъ отношеніи большая часть семинарій была недостаточно обеспечена, и происходило это не отъ того, чтобы они имѣли въ своемъ распоряженіи мало имѣній, на доходы съ которыхъ могли содержать себя, а отъ того, что имѣнія эти эксплуатировались самимъ духовенствомъ, многочисленными членами капитуловъ, денежнаго же пособія отъ правительства въ пользу этихъ семинарій не было назначено. Въ порядкѣ завѣдыванія семинаріями, равно какъ и курсъ семинарскихъ наукъ, однообразія не было. Большая часть ихъ находилась въ вѣдѣніи епископовъ, но нѣкоторыя въ вѣдѣніи монаховъ викентіевскаго общества, а двѣ виленскія семинаріи—въ вѣдѣніи особаго комитета. Относительно курса наукъ хотя и существовало постановленіе, чтобы епархіальныя семинаріи въ этомъ отношеніи сообразовались съ главной семинаріей ²⁾, но оно въ дѣйствительности не исполнялось. Преподаватели, назначаемые по усмотрѣнію епархіальнаго начальства, часто недостойно носили свое званіе. Даже верховное правительство вынуждено было обратить вниманіе на это, вслѣдствіе чего въ 1822 году главное управленіе и постановило, чтобы въ учителя семинарій назначались только лица, получившія степень доктора или магистра богословія ³⁾. Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ епархіальныя семинаріи выпускали своихъ питомцевъ съ очень невысокимъ уровнемъ образованія. Если бы нѣсколько семинарій были соединены въ одну, то тогда получилась бы двойная выгода—и въ содержаніи, и въ обученіи, но это было негодно католическимъ епископамъ, которыхъ въ свою очередь правительство, желавшее сохранять въ цѣлости каноническія постановленія римской церкви, стѣснять не хотѣло.

Что касается низшихъ школъ, находившихся въ вѣдѣніи католическаго духовенства, то ихъ было весьма много. Прежде всего, монастыри считали своею обязанностію давать духов-

¹⁾ Толстой, II, 252—253.

²⁾ П. С. З. XXVII, 21089

³⁾ Толстой, II, 256.

ное образованіе какъ всѣмъ вновь поступающимъ новиціямъ, такъ и прочимъ. желающимъ получить образованіе, и для этого имѣли какую-нибудь школу, на которую выдѣлялась известная часть отъ монастырскихъ доходовъ. Особенно много такихъ школъ было у іезуитовъ. Они кромѣ начальныхъ школъ имѣли много коллегій, пансіоновъ, училищъ, основанныхъ частными лицами, но находящихся въ ихъ завѣдываніи. Съ изгнаніемъ іезуитовъ изъ Россіи и закрытіемъ Полоцкой Академіи рѣшено было уничтожить и всѣ іезуитскія училища, только послѣ сношеній министра духовныхъ дѣлъ съ митрополитомъ оставлены были училища въ Полоцкѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ и Витебскѣ съ порученіемъ ихъ піарамъ, доминиканамъ, бернардинанъ и базиліанамъ и съ выдачею на каждое по 52 тыс. руб. изъ доходовъ съ іезуитскихъ имѣній ¹⁾. Второе послѣ іезуитовъ мѣсто по степени своего просвѣтительнаго вліянія занимали піары и миссіонеры, изъ женскихъ монашескихъ орденовъ — маріавитки, бенедиктинки и бернардинки. Нѣкоторые монастыри, не занимаясь сами образованіемъ юношества, приносили обильныя матеріальныя жертвы на это дѣло. Такъ въ 1803 году тринитары просили у правительства разрѣшенія употребить находящуюся у нихъ ²⁾ сумму, предназначенную для искупленія изъ неволи, въ количествѣ 96 тыс. злотыхъ, на заведеніе вновь и содержаніе приходскихъ училищъ въ Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ, съ выдѣленіемъ 20 тыс. на Луцкую епархіальную семинарію; правительство дало свое согласіе на просьбу трипитаровъ ³⁾. Монахи кармелиты съ разрѣшенія правительства дали обѣщаніе ежегодно отпускать изъ доходовъ своего монастыря 10 тыс. польскихъ злотыхъ на содержаніе въ училищахъ десяти бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей ⁴⁾. Всѣ остальные монашескіе ордева, не содѣйствуя развитію образованія денежными пособіями, и сами мало занимались школьнымъ дѣломъ. Но о послѣднемъ, какъ справедливо замѣчаетъ гр. Д. А. Толстой, и сожалѣть особенно нечего ⁴⁾, потому что

¹⁾ П. С. З. XXXVIII, 28863.

²⁾ П. С. З. XXVII, 21089.

³⁾ П. С. З. XXVIII, 21208.

⁴⁾ „Рем. кат.“ II, 292.

невѣжественные монахи своимъ учительствомъ не только не могли содѣйствовать развитію истиннаго просвѣщенія, но укореняли многія суевѣрія и заблужденія. Было много учреждено училищъ при приходскихъ церквахъ. Въ луцкой епархіи духовенство на общемъ своемъ собраніи въ 1803 году постановило, чтобы при каждой приходской церкви существовало училище ¹⁾. Въ 1819 году, по представленію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, была учреждена при Виленскомъ университетѣ и особая семинарія для приготовленія приходскихъ учителей. Она рассчитана была на 20 человѣкъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, по окончаніи котораго воспитанники обязаны были прослужить по назначенію университета извѣстное количество лѣтъ; эти учителя, по мысли учредителей семинаріи, должны быть вмѣстѣ органистами при церквахъ и управителями церковнаго пѣнія ²⁾.

Для уясненія нѣкоторыхъ реформъ Александровскаго царствованія нужно сказать нѣсколько словъ объ отношеніи императора къ власти папы.

Императоръ Александръ во взглядѣ на отношеніе папы къ католическимъ русскимъ подданнымъ въ сущности не отличался отъ своихъ предшественниковъ. Подобно имъ, онъ признавалъ за папой только духовную власть надъ русскою католическою церковію и требовалъ, чтобы всѣ присылаемыя имъ буллы были передаваемы по назначенію чрезъ посредство правительства. Первую мысль онъ очень ясно высказалъ въ рескриптѣ графу Бутурлину, назначенному полномочнымъ министромъ въ Римѣ (по обстоятельствамъ не отправившемуся). „Если тѣ государства, писалъ Александръ въ этомъ рескриптѣ, гдѣ католическая религія есть господствующая, почли необходимымъ и позволительнымъ поставить предѣлы папской власти у нихъ, тѣмъ болѣе прилично ограничить ее въ Россіи, гдѣ католицизмъ только терпимъ.... Власть папы должна быть чисто духовною и не касаться свѣтской власти подъ какимъ бы то ни было предлогомъ“ ³⁾. Что же касается второй мысли,—о передачѣ

¹⁾ П. С. З. XXIX. 22605, § 2.

²⁾ П. С. З. XXXVI, 27875.

³⁾ Толстой, II, 404—406.

папскихъ буллъ чрезъ посредство русскаго правительства, то она была неоднократно подтверждаема въ спеціальныхъ Высочайшихъ указахъ ¹⁾).

Но признавая нужнымъ, въ видахъ государственныхъ, оставить за папой только исключительно духовную власть надъ русскою католическою церковію, императоръ Александръ на дѣлѣ произвольно расширялъ предѣлы этой власти и придавалъ папѣ авторитетъ гораздо большій, чѣмъ всѣ его предшественники. Слѣдуя въ своихъ отношеніяхъ къ иновѣрнымъ подданнымъ началамъ самой широкой вѣротерпимости, руководствуемый молодыми, хотя умными и энергичными, но мало опытными и увлекающимися правителями, императоръ, самъ молодой и увлекающійся, въ самомъ же началѣ своего царствованія прямо и сознательно отказался отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ въ пользу папы. Задумавъ привести дѣла по управленію католической церкви къ большому благоустройству, онъ въ основу предпринимаемыхъ реформъ положилъ новый, неизвѣстный дотолѣ принципъ—согласованіе постановленій правительства съ каноническими правилами римской церкви. Первое его „Положеніе для духовнаго и церковнаго правительства римско-католическаго закона“ носило уже отпечатокъ этого принципа. По разсмотрѣніи его Сенатъ выразился о немъ, что оно „сближается къ образу государственнаго правленія и къ каноническимъ правамъ“ ²⁾, и поставилъ это свойство не въ число недостатковъ, а достоинствъ новаго положенія. И дѣйствительно, вся система управленія католическою церковію при императорѣ Александрѣ носила двойственный характеръ. Съ одной стороны, въ ней находились пункты, составленные прямо въ интересахъ русскаго государства и государственной власти, съ другой—такіе, которые стояли въ прямомъ противорѣчьи съ ними и имѣли въ виду очевидно католическіе церковные каноны. Вотъ нѣкоторые примѣры. Коллегіальная форма управленія католическою церковію въ Россіи была учреждена въ видахъ чисто государственныхъ и стояла въ противорѣчьи съ правилами римской церкви, по которымъ власть въ церкви

¹⁾ П. С. З. XXVII, 20939, 21078.

²⁾ П. С. З. XXVI, 20053.

можетъ принадлежать только епископамъ, но назначеніе въ коллегію большинства членовъ не правительствомъ, а посредствомъ выбора самимъ же духовенствомъ было очень выгодно для папъ, потому что духовенство являлось всегда защитникомъ своихъ собственныхъ интересовъ, а вмѣстѣ и папскихъ, противъ притязаній на нихъ со стороны власти государственной. Митрополитъ Сестреничъ, дѣйствовавшій всегда въ интересахъ государства, какъ извѣстно, протестовалъ противъ выборнаго начала въ католической коллегіи, но безуспѣшно. Главное же управленіе, во главѣ котораго было поставлено свѣтское лицо, было учрежденіемъ опять чисто государственнымъ и совершенно противоканоническимъ, съ которымъ вслѣдствіе этого совсѣмъ никогда не могъ примириться Римъ. Другой примѣръ. Монашескіе ордена правительство не подчинило епархіальнымъ архіереямъ—это согласно съ канонами римской церкви, но въ то же самое время монахамъ не дозволено было сношаться со своими заграничными генералами,—это сдѣлано въ видахъ чисто государственныхъ. Или: всѣ епархіальныя семинаріи (кромя двухъ виленскихъ) были поставлены въ исключительную зависимость отъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ, хотя для лучшаго благоустройства они нуждались въ спеціальныхъ органахъ. Главная же семинарія при Виленскомъ университетѣ управлялась особымъ совѣтомъ, совершенно независимо отъ Виленскаго епископа,—первое согласно съ практикой Рима, что же касается втораго, то какъ самое учрежденіе Главной семинаріи, такъ и управленіе ею было прямо противоканоническимъ. Не приводимъ другихъ примѣровъ, потому что, думаемъ, и изъ приведенныхъ достаточно ясно вытекаетъ та мысль, которую и слѣдовало доказать ими, именно, что результатомъ стремленій правительства сообразовать свои интересы съ требованіями римскаго двора явилась не дѣйствительно примирительная система, а простое лавированіе между двумя указанными крайностями. Да иначе и быть не могло. Правительство въ данномъ случаѣ задавалось цѣлями очевидно недостижимыми. Чтобы русская католическая церковь получила истинно каноническое устройство, для этого правительство должно было совершенно отказаться отъ своей законода-

тельной роли по отношенію къ ней, должно было предоставить ее себѣ самой, или, что то же, отдать въ безконтрольное распоряженіе римскаго первосвященника. Но такое самопожертвованіе со стороны русскаго правительства было уже невозможнымъ. Это было уже для него раздѣленіемъ на ся и опаснымъ подкопомъ подъ самаго себя. Самый прямой и послѣдовательный исходъ изъ этого положенія—совершенное отстраненіе чуждой для Россіи папской власти. Такъ поступала по отношенію къ папству Мудрая устроительница католической церкви въ русскомъ государствѣ, такъ же по примѣру ея дѣйствовалъ и Павелъ I, пока не увлеченъ былъ іезуитами. Но императоръ Александръ, вопреки своему слову царствовать по духу и по сердцу своей бабки, въ данномъ случаѣ, будучи увлеченъ началами широкой вѣротерпимости, не послѣдовалъ ей.

Желаніемъ Александровскаго правительства согласовать свои дѣйствія съ интересами папскаго двора объясняются и всѣ частныя случаи изъ области ихъ взаимныхъ отношеній, на первый взглядъ странные и непонятные. Такъ, здѣсь находятъ свое объясненіе то обстоятельство, что правительство обращалось за согласіемъ папы въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, какіе могли бы быть рѣшены исключительно имъ самимъ. Выше было сказано, что пользуясь пребываніемъ въ Петербургѣ папскаго нунція (въ 1803 году) правительство возбудило вопросъ объ усиленіи правъ митрополита и епископовъ. Такъ какъ всѣ испрашиваемыя полномочія относились къ области административнаго управленія католическимъ духовенствомъ, то само правительство и могло бы предоставить ихъ митрополиту и епископамъ, не нуждаясь въ согласіи нунція и папы. Но лица, стояція во главѣ управленія католическою церковію, не хотѣли рѣшиться на это. Когда въ первый разъ чрезъ нунція Ареццо папа отказалъ въ ихъ просьбѣ, то они продолжали беспокоить папу уже чрезъ пословъ въ Римѣ и только чрезъ много лѣтъ добились выполненія очень небольшой доли своихъ желаній¹⁾).

¹⁾ Интересно, какъ оправдывали Александровскіе правители свои отношенія къ папѣ. Вотъ слова одного изъ нихъ: „Государь императоръ изволюетъ согласиться сдѣлать нѣкоторыя справедливыя измѣненія въ нашихъ требованіяхъ (относительно новыхъ правъ епископовъ), потому что онъ не имѣлъ никогда намѣре-

Признаніемъ за папой значительной доли вліянія на дѣла русской католической церкви объясняются, далѣе, и всѣ тѣ явленія, когда папа рѣшался не только присылать въ Россію буллы незаконнымъ путемъ—безъ вѣдома правительства, но и въ буллахъ, присылаемыхъ чрезъ правительство, помѣщать такія мысли и дѣлать такія распоряженія, которыя были не совмѣстимы съ достоинствомъ государственной власти и противорѣчили основнымъ государственнымъ законамъ. Буллы, присылаемыя контрабанднымъ путемъ, были нерѣдки въ царствованіе Александра I. Онѣ адресовались на имя разныхъ католическихъ епископовъ, монаховъ и даже частныхъ лицъ. Появленіе ихъ было между прочимъ поводомъ къ изданію указовъ, запрещающихъ непосредственныя сношенія съ папой. Что же касается тѣхъ буллъ, которыя хотя и присылались чрезъ посредство правительства, но наполнялись незаконными распоряженіями, то онѣ хотя при прохожденіи чрезъ правительственную редакцію были уже очищаемы отъ всѣхъ неугодныхъ правительству добавленій, но важно то, что папа осмѣливался присылать такія буллы и правительство принимало ихъ. Такъ, въ 1814 году въ буллахъ на поставленіе Полоцкаго епископа и его сѣффрагановъ папа дерзнулъ измѣнить формулу присяги, утвержденную императрицей Екатериной. Онъ самовольно включилъ въ нее клятвенное обѣщаніе преслѣдовать всѣхъ, не принадлежащихъ къ латинской церкви, не распоряжаться духовными имѣніями безъ воли папы; слова, вставленныя Екатериной, что всѣ обязательства, даваемые новопоставляемымъ епископомъ папѣ, не противорѣчатъ обязанностямъ вѣрноподданнаго, были вычеркнуты, а вмѣсто нихъ поставлены слѣдующія: „если бы какой епископъ рѣшился посвятить во епископа безъ принятія присяги по формѣ, теперѣ доставленной, и они на то согласились бы, то какъ посвятившій епископъ, такъ и но-

---

ли паровать то, что составляетъ дѣло совѣсти, этого священнаго источника правды и порядка какъ въ общественномъ быту, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ (Толстой, II, 172). Такъ обр., устройство администраціи кат. ц. въ Россіи безъ вмѣшательства папы русскіе правители считали противнымъ совѣсти. Конечно, слѣдовать въ своихъ поступкахъ голосу совѣсти очень похвально, но въ данномъ случаѣ благородные русскіе правители впадали уже въ крайность.

вопосвященные подвергнутся отлученію отъ церкви“¹⁾. Русское правительство, какъ и слѣдовало ожидать, не дало хода такой буллѣ и отослало ее обратно, а вмѣсто нея папа прислалъ другую, въ которой уже не было вышеуказанныхъ мѣстъ. Въ 1824 году папа Левъ XII прислалъ буллу, въ которой, извѣщая русскихъ католиковъ о своемъ избраніи на папскій престолъ, поучалъ ихъ, что вѣротерпимость есть слѣдствіе ложной философіи. Эта булла также не была допущена въ Россіи²⁾. Въ другихъ буллахъ на поставленіе епископовъ папы наказывали имъ разсылать миссіонеровъ для привлеченія невѣрныхъ и искорененія ересей, дозволяли епископамъ владѣть нѣсколькими бенефиціями и пр. Всѣ такія мѣста вычеркивались изъ буллъ, если они находились въ самомъ текстѣ ихъ, или же оставлялись въ архивахъ, когда помѣщались въ отдѣльныхъ посланіяхъ, присоединяемыхъ къ булламъ.

Наконецъ, во взаимныхъ отношеніяхъ русскаго правительства къ римскому двору при Александрѣ I явилась еще совершенно новая особенность, это учрежденіе посольствъ русскаго въ Римѣ и папскаго въ Петербургѣ. „Его Императорское величество, сказано было въ указѣ 1803 года, послѣдую неослабной бдительности, съ каковою печется о благоденствіи всѣхъ своихъ подданныхъ безъ различія вѣры, соизволилъ назначить министра къ римскому двору, для ходатайства во всѣхъ случаяхъ, касающихся до духовныхъ потребъ римскихъ католиковъ имперіи его“³⁾. Графъ Кассини, жившій въ Римѣ въ качествѣ генеральнаго консула, былъ назначенъ повѣреннымъ при римскомъ дворѣ, а въ то же время аббатъ Бенвенутти, находившійся въ Россіи, былъ признанъ повѣреннымъ въ дѣлахъ римскаго престола при русскомъ дворѣ⁴⁾. Въ 1804 году официальные сношенія между дворами совершенно прекратились⁵⁾, по винѣ папы, выдавшаго Наполеону Вернега, французца, принявшаго русское подданство. Послѣ десятилѣтняго перерыва сношенія возобновились. Въ 1814 году баронъ Тюиль былъ на-

1) Толстой, II, 333.

2) Толстой, II, 334.

3) П. С. З. XXVII, 21078.

4) Толстой, II, 400—401.

5) П. С. З. XXVIII, 21421.

значенъ полномочнымъ министромъ при римскомъ дворѣ, а въ 1817 году его смѣнилъ Италинскій.

Цѣлю учрежденія посольствъ, по смыслу вышеприведеннаго указа, было желаніе правительства облегчить сношенія съ папой католиковъ, живущихъ въ Россіи. Правительство въ данномъ случаѣ брало на себя посредничество въ сношеніяхъ съ Римомъ и вмѣстѣ возлагало на свои плечи всѣ тѣ труды и хлопоты, которыя необходимо соединялись съ этимъ дѣломъ. Кромѣ этого, при учрежденіи посольствъ правительство могло имѣть и другую цѣль, именно положить коонецъ непосредственнымъ сношеніямъ русскихъ католиковъ съ римскимъ дворомъ. Теперь всякій, нуждающійся въ папѣ, долженъ былъ заявлять о своей нуждѣ чрезъ католическую коллегію министерству иностранныхъ дѣлъ, оно же поручало удовлетвореніе ея посламъ, которые, имѣя своимъ специальнымъ дѣломъ взаимныя сношенія между дворами, выполняли порученія безъ всякаго замедленія. Поэтому можно думать, что посольства были учреждены въ видахъ чисто государственныхъ. Папскій посолъ не имѣлъ никакой власти надъ русскою католическою церковію. Поэтому то папы и недовольны были этимъ новымъ учрежденіемъ,—они желали имѣть не простаго посла при русскомъ государѣ, а нунція, т. е. представителя своей власти для русскихъ католиковъ. Желаніе папы въ одно время едва даже не осуществилось. Императоръ Александръ далъ было уже и свое согласіе на учрежденіе нунціатуры, уже выѣхалъ изъ Рима и папскій нунцій на новое мѣсто служенія—въ Петербургъ, но все таки не устроилось такъ, какъ хотѣлъ папа. Дѣло въ томъ, что Александръ, соглашаясь на принятіе нунція, хорошо не зналъ истиннаго назначенія папской нунціатуры въ иностранныхъ государствахъ, и выведенъ былъ изъ своего невѣдѣнія только тогда, когда нунцій Ареццо, архіепископъ севекійскій, былъ въ Вѣнѣ на пути въ Петербургъ. Теперь Александръ отказался отъ своего согласія, и только потому, что нунцій былъ на пути, рѣшилъ принять его въ качествѣ простаго временнаго посла, прибывшаго поздравить императора съ вступленіемъ на престолъ.—Такъ папы и въ рассматриваемое, благоприятное для нихъ время, не успѣли достигнуть выпол-

ненія своего давнишняго желанія имѣть свою нунціатуру въ Россіи и должны были довольствоваться простымъ посольствомъ. Русское правительство своимъ посламъ, назначаемымъ въ Римъ, давало предписанія въ духѣ уваженія къ началамъ Ватикана. Въ депешѣ гр. Нессельроде было сказано напр. (въ 1822 г.): „никогда ваше превосходительство не будете стараться о достиженіи успѣха въ своихъ переговорахъ во вредъ внутреннимъ расположеніямъ достопочтеннаго первосвященника, главнаго властителя и распорядителя судебъ римско-католической церкви во всемъ мірѣ“¹⁾).

Итакъ, все, повидимому, говоритъ за то, что отношеніе императора Александра къ католической церкви было не только снисходительнымъ, но даже покровительственнымъ. Въ организаціи управленія ею онъ старался сохранить неприкосновенными каноническія начала римской церкви, а въ личныхъ сношеніяхъ съ папой выражалъ почти искреннее дружественное расположеніе къ нему. Но не отрицая совершенно этого, мы однако должны сказать, что въ общемъ политика императора Александра въ отношеніи къ католичеству имѣла свои совершенства, но во многомъ уступала политикѣ Екатерины Великой и была ничуть не ниже политики императора Павла. Александровское правительство все время стояло на высотѣ своего положенія и при своей уступчивости вполне сохранило свое достоинство и авторитетъ предъ папой и католическою церковію. Очень много въ его пользу говоритъ уже то одно, что оно сохраняло и нѣсколько разъ подтверждало основное положеніе—о сношеніяхъ папы съ русскими католиками не иначе, какъ чрезъ посредство правительства. Католическая церковь въ предѣлахъ Россіи по прежнему изолировалась отъ всего католическаго міра, освобождена была отъ непосредственнаго вліянія папы и находилась въ исключительной зависимости отъ русскаго правительства. Поводовъ для вмѣшательства папы въ дѣла русскихъ католиковъ было указано очень мало, именно—посвященіе епископовъ, сложеніе монашескихъ обѣтовъ и браки въ близкихъ степеняхъ родства. Организациія управленія като-

¹⁾ Толстой, II, 183.

лическою церковію въ общемъ была такою, какая вполнѣ соотвѣтствовала интересамъ русскаго государства и православной церкви. Наконецъ, убѣдительнымъ доказательствомъ того, что русское правительство временъ Александра I покровительствовало католичеству очень умѣренно, въ предѣлахъ благоразумія, а самъ императоръ вовсе не ставилъ католичество выше православія, какъ думаютъ утверждать нѣкоторые ¹⁾, является то, что католическая пропаганда какимъ бы то ни было способомъ строго преслѣдовалась. Запрещалась совращать въ католичество не изъ православія только, но изъ всѣхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ ²⁾ и нехристіанскихъ ³⁾. Изгнаніе іезуитовъ главнымъ образомъ за пропаганду было однимъ изъ проявленій строгаго отношенія правительства къ католичеству. Если можно въ чемъ обвинять Александровское правительство, такъ развѣ только въ томъ, что оно въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, напр., министра духовныхъ дѣлъ, кн. Голицына, холодно относилось къ своей обязанности сдерживать дѣятельность представителей католичества въ предѣлахъ законности и, такимъ образомъ, само же подавало поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны ихъ.

Итакъ, Александровское правительство безъ всякой нужды допустило въ русской католической церкви дѣйствіе римскихъ каноновъ, но не въ этомъ его главная ошибка, — оно слишкомъ ослабило свой собственный надзоръ за католическимъ духовенствомъ.

К. Богословскій.

¹⁾ Въ 1860 году вышла брошюрка на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „О стремленіяхъ къ католицизму русскаго общества“. Неизвѣстный авторъ высказываетъ въ ней обидную для памяти Александра Благословеннаго клевету, будто онъ хотѣлъ перейти въ католичество и только смерть помѣшала ему осуществить свое желаніе. Генераль Мишо, рассказываетъ въ ней, отъ имени Александра I явился къ папѣ Льву XII и просилъ его прислать въ Россію уполномоченнаго священника для присоединенія его къ римской церкви. Папа для этой цѣли назначилъ сначала аббата Мавра Капелларц, но когда тотъ отказался, избранъ былъ французсканецъ Оріоли. Но во время сборовъ этого священника въ путь въ Петербургъ получено было извѣстіе о смерти Государя. Письменные документы, по словамъ этой же статьи, генераль Мишо передалъ пьемонтскому епископу Кюнео, а потомъ, по смерти Мишо, были отосланы имп. Николаю. (Русскій Архивъ 1870 г. стр. 1811--1818).

²⁾ П. С. З. XXXIII, 26043; XXVII, 20837 и др.

³⁾ П. С. З. XXVI, 19937.

О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ДУХОВНЫХЪ АКАДЕМІЙ.*)

Въ Январской книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ появилась статья, настаивающая на возвращеніи къ спеціализаціи академическаго образованія въ духѣ Толстовскаго Устава, когда меньшинство предметовъ читалось всѣмъ студентамъ академіи, а большая часть ихъ распределена была по тремъ группамъ. Самое распределеніе въ помянутой статьѣ предполагается иное, нежели въ 69-мъ году; предметы философскіе должны въ ней получить характеръ спеціальности, а большинство историческихъ (даже библейская археологія)—сдѣлаться общеобязательными. Основаніемъ къ такому проекту предлагается понятіе о поступающихъ въ академіи студентахъ, какъ совершенно сложившейся умственной силѣ, направленной къ изученію извѣстныхъ, опредѣленныхъ отраслей академической науки и уже перезрѣвшей для того, чтобы подчинять свою мысль усвоенію всей полноты разнообразныхъ богословскихъ курсовъ. Теперешній уставъ, взирающій на студентовъ, какъ на учащихъ, а не какъ на изучающихъ, не какъ на молодыхъ ученыхъ, является по мысли автора причиной тому, что студенты, не подчиняясь его насилію надъ желательнымъ для каждаго направленіемъ ученой дѣятельности, становятся равнодушны къ академической наукѣ и, теряя уравновѣшенную настроенность, не могутъ уже

---

*) Предлагаемая статья затрогиваетъ весьма важный вопросъ въ нашей духовно-учебной жизни и можетъ вызывать разнообразныя сужденія. Мы помещаемъ ее именно въ виду важности вопроса и серьезности основной мысли писателя, хотя и не можемъ принять на себя отвѣтственности относительно нѣкоторыхъ частныхъ мнѣній предлагаемой статьи. *Ред.*

такъ усердно готовится въ учителя предъизбраннаго ими предмета семинарскаго преподаванія.

Статья эта насъ страшно поразила своею совершенною неприспособленностью къ современной академіи. Можно подумать, что она написана воскресшимъ мертвецомъ, погребеннымъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, или человѣкомъ, прилетѣвшимъ къ намъ съ луны. Благодаря Бога, идеи автора этой статейки очень далеки отъ мыслей Святѣйшаго Синода, который на дняхъ разослалъ по академіямъ распоряженіе, чтобы еще двѣ спеціальности историческаго отдѣленія (обличенія раскола и инославія) сдѣлались общеобязательными предметами академическаго курса и такимъ образомъ все менѣе и менѣе оставляетъ мѣста для спеціализаціи предметовъ.

Въ статьѣ „Христіанскаго Чтенія“ болѣе всего поражаетъ или лучше сказать возбуждаетъ улыбку взглядъ на студентовъ, какъ на молодыхъ ученыхъ съ совершенно сложившимся спеціальнымъ ученымъ интересомъ. Мы хорошо знаемъ студентовъ академіи въ продолженіи 16-ти послѣднихъ лѣтъ и можемъ смѣло увѣрить автора статьи, что такого отзыва нельзя дать не только о тѣхъ юношахъ, которые поступаютъ въ академію, но и о тѣхъ, которые оканчиваютъ академическій курсъ. Развѣ трое, четверо кандидатовъ богословія въ каждомъ курсѣ выходятъ съ опредѣленнымъ ученымъ интересомъ, а большинство ихъ, прощаясь съ академіей, прощаются вообще со всякой наукой и при томъ вовсе не по той причинѣ, что попадаютъ въ безкнижныя захолустья, ибо и тѣ, которые остаются въ столичныхъ городахъ, очень рѣдко представляютъ собою исключенія изъ общаго ученаго индифферентизма, который объясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что съ прекращеніемъ спроса на какую нибудь работу, прекращается и эта послѣдняя. Пора знать автору и то обстоятельство, что изъ 50—70 оканчивающихъ курсъ кандидатовъ богословія едва десятая часть поступаетъ въ учителя семинарій, да еще половина въ учителя духовныхъ училищъ мужскихъ и женскихъ, а четыре десятыхъ распределяются на мѣста іерейскія или совершенно свѣтскія.

Но можетъ быть сотрудникъ „Христіанскаго Чтенія“ не же-

лаеть вѣрить нашей характеристикѣ? Въ такомъ случаѣ пусть онъ войдетъ въ общество студентовъ третьяго курса весною и посмотритъ, какую кто темѣ взялъ для курсоваго сочиненія. Здѣсь представляется полная свобода личному почину каждаго. И что-же? Двѣ трети студентовъ бѣгаютъ отъ профессора психологіи къ профессору догматическаго богословія, отъ этого, къ преподавателю еврейскаго языка или исторіи русской церкви и уговариваются съ каждымъ относительно курсовой темы, пока, наконецъ, какая нибудь случайность не опредѣлитъ для студента выбора между работой о Ефремѣ Сиринѣ, или о протопопѣ Аввакумѣ, или объ ассоціаціи представленій въ связи съ вопросомъ о свободѣ воли, или объ исторіи еврейскаго алфавита.

Когда мы учились въ академіи, то дѣйствовалъ еще Уставъ 69-го года и господствовало, такъ называемое, *историческое направленіе*. Сущность этого направленія заключалась въ томъ, что представители его издѣвались надъ богословіемъ и философіей и слегка перемигивались съ Тюбингенской школой. При наименѣе религіозномъ настроеніи юношества въ то время, исторія занимала ихъ по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, изучая какіе-нибудь акты по исторіи Западнаго Края или Церковныхъ Имуществъ, можно было быть наименѣе богословомъ и почти сливаться съ работавшими на двухъ факультетахъ университета; а во вторыхъ, можно было представить изъ себя маленькаго Штрауса, если не въ исторіи жизни Спасителя, то въ исторіи Нерукотвореннаго Образа, или Іоанна Архіепископа Новгородскаго, или, наконецъ, представить какого-нибудь русскаго расколоучителя Іоанномъ Гусомъ, либо Лютеромъ. Но главная приманка подобныхъ работъ заключалась въ дешевомъ достиженіи магистерства или сотрудничества въ историческомъ или хотя бы провинціальномъ изданіи. Такимъ образомъ нѣкоторые дальновидные юноши, особенно изъ Западнаго Края, едва ли не съ перваго курса обзаводились огромными польскими старыми книгами или актами и съ чрезвычайно важнымъ видомъ копались четыре года надъ исторіей какого-нибудь никому ненужнаго польскаго сейма. Это

были представители того, довольно популярнаго въ то время типа, который на вопросъ:

Ты хочешь-ли быть генераломъ,
Иль скромнымъ русскимъ либераломъ?

отвѣчаютъ: „и то, и другое, и то, и другое!“ И потомъ сравнительно скоро исполняютъ свое благочестивое желаніе. Эти очевидно юноши и представляютъ собою предметъ нѣжныхъ заботъ разбираемой статьи.

Мы, собственно, ничего не имѣли бы противъ такого совмѣщенія генеральства и либерализма, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эти будущія Превосходительства не совмѣщали богословской степени съ тѣмъ вопіющимъ невѣжествомъ во всякомъ богословіи, въ которомъ въ значительной степени были повинны почти всѣ академики Толстовской эпохи, а эти скороспѣлые спеціалисты въ особенности. Отъ подобнаго невѣжества академики только отчасти избавлены Уставомъ 84-го года, сдѣлавшимъ общеобязательными такія необходимыя для богослова науки, какъ патристика, догматика, нравственное богословіе и пр.; предметы эти сотрудики „Христ. Чтенія“ опять желаютъ сдѣлать спеціальными и возвратитъ академіи къ прежнему невѣжеству въ богословіи. Позволяемъ себѣ высказать эту мысль со всей малороссійской простотой, потому что нами руководитъ въ данномъ случаѣ одна только благожелательность.

Мы сказали, что отъ помянутаго невѣжества академіи освобождены лишь отчасти. И это совершенно вѣрно, къ сожалѣнію. Невѣжество это сказывается въ области первоисточниковъ христіанской вѣры и богословской науки, а незнаніе первоисточниковъ всегда является причиной ученаго безсилія, неспособности ни къ какому ученому творчеству, которое наблюдается въ добрыхъ трехъ четвертяхъ всего печатнаго богословскаго добра.

Какіе же первоисточники мы разумѣемъ? Во-первыхъ, Священное Писаніе, а во-вторыхъ—Святоотеческія творенія. Дальше можно вести рѣчь о церковныхъ канонахъ, о твореніяхъ богослужебныхъ, о древнихъ церковныхъ историкахъ, объ учительской древне-русской письменности и т. д. Правда соответствующую

щіе этимъ познаніямъ предметы преподаются въ академіяхъ, но во-первыхъ въ слишкомъ малыхъ дозахъ, при коихъ и наименовать-то не успѣешь священныхъ или особенно святоотеческихъ книгъ, а во-вторыхъ не содержаніе послѣднихъ, а либо апологія, либо ихъ внѣшняя библіографическая и палеографическая исторія бываетъ предметомъ преимущественнаго вниманія преподавателя.

А между тѣмъ молодые люди, слушающіе, напр., подробнѣйшую исторію полемики между разными Карлывановичами о томъ, два-ли было пророка Исаяи, или одинъ, самаго-то содержанія пророческой книги вовсе не знаютъ, кромѣ двухъ ея изреченій: „се дѣва во чревѣ приметъ“, да: „яко овча на заколеніе ведеса“, и пр., при чемъ послѣднее изреченіе многіе студенты спутаютъ со словами пророка Іереміи. О невѣжествѣ нашемъ въ твореніяхъ святоотеческихъ и говорить не стоитъ; изъ Мужей Апостольскихъ и Апологетовъ еще кое—что знаютъ, а какъ дойдетъ дѣло до догматистовъ, экзегетовъ и аскетовъ, то хошь шаромъ покати. Отсюда бѣдность религіозныхъ представленій, отсюда малоспособность къ проповѣдничеству и молченіе на возраженія толстовцевъ и сектантовъ. Откровенное признаніе въ богословскомъ невѣжествѣ Толстовской эпохи можно читать въ рефератѣ предсѣдателя общества Р. Нравств. Просвѣщенія, свящ. Орнатскаго въ Церковномъ Вѣстникѣ за 91-й или 92-й годъ. А о значеніи святоотеческой начитанности см. послѣднія книжки „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, гдѣ Тамбовскій миссіонеръ Д. Боголюбовъ рассказываетъ, какъ онъ на голову разбилъ баптистовъ, *прочитавъ* имъ ученіе о благодати преп. Іоанна Кассіана.

Куда же клонится наша рѣчь? Конечно въ совершенно противоположную сторону, чѣмъ статья „Христіанскаго Чтенія“. Не о спеціализаціи академическихъ курсовъ должна быть наша забота, но о повышеніи общаго богословскаго образованія, о замѣнѣ множества наукъ, усвоенныхъ отъ нѣмцевъ, болѣе солиднымъ изученіемъ Св. Писанія и Св. Преданія. Такъ, вза-мѣнъ Библейской Археологіи и Библейской Исторіи можно было бы устроить нѣсколько кафедръ по истолкованію Библии, такъ чтобы преподаваніе ея продолжалось—на всѣхъ четырехъ курсахъ

по 4 лекціи въ недѣлю и такимъ образомъ усвоивался бы подробно весь Канонъ свящ. книгъ. Также точно и святоотеческія творенія должно изучать при такомъ же количествѣ лекцій и учебныхъ годовъ при помощи нѣсколькихъ профессоровъ, отдѣливъ большую часть лекцій отъ Церковной Исторіи и церковно-практическихъ наукъ, которыя все равно никакого практическаго значенія въ академіяхъ не имѣютъ. Можно бы и преподавателямъ богословскихъ системъ часть лекцій своихъ уступить въ пользу патрологовъ, ибо эта область науки, т. е. систематизація такъ застыла въ несродныхъ нашему православію схоластическихъ формахъ, что и самый талантливый умъ профессора ничего почти не прибавитъ къ семинарскому учебнику.

Но можетъ быть насъ обвинять въ желаніи сдѣлать изъ академистовъ начетчиковъ? Напротивъ, мы надѣемся, что при такомъ изученіи первоисточниковъ богословской науки наши академисты изъ начетчиковъ въ области нѣмецкихъ бездарныхъ компиляцій достигнутъ самодѣтельности въ богословствованіи православномъ, а не полулютеранскомъ,—если только академія *сохранитъ* интересъ къ философскимъ наукамъ, *подыметъ* интересъ къ изученію литературы, особенно отечественной, по которой лучше всего можно ознакомиться съ нравственными нуждами общества, — если, далѣе, *усвоитъ* принципъ самодѣтельнаго практическаго участія студентовъ въ церковномъ учительствѣ и церковной жизни, какъ весьма разумно предлагалъ нѣкій г. Посторонній въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за прошлый годъ;—и, наконецъ, если *освободится* отъ совершенно ненужнаго балласта лекцій по классическимъ языкамъ и иностраннымъ, гражданскимъ исторіямъ, существующимъ только для проформы, при полномъ безучастіи къ нимъ *предполагаемыхъ* слушателей.

Тогда не понадобится никакихъ Отдѣленій и Группъ, кромѣ развѣ Миссіонерской при Казанской Академіи, о которой, впрочемъ, не берусь судить, потому что ничего не знаю о ней.

Старобѣльскій.

Удовлетворительно ли объясняется фактъ одобренія и мученія совѣсти у детерминистовъ?

Въ XVII столѣтїи, съ развитіемъ точныхъ, положительныхъ наукъ, сопровождавшимся многими открытіями въ области естествознанія, выдвинутъ былъ, въ качествѣ научной аксіомы, принципъ причинности. Этотъ же принципъ, безъ всякаго измѣненія его въ естественно-научной постановкѣ (т. е., въ смыслѣ закона механическаго, абсолютно необходимаго сдѣянія между собою міровыхъ явленій, какъ причинъ и слѣдствій), совершенно ирраціонально перенесенъ былъ, ради однообразія научно-философской мысли XVII ст. ¹⁾, изъ области точнаго, положительнаго, научнаго знанія въ сферу нравственно-психологическихъ явленій человѣческой жизни,—такую сферу, гдѣ, по собственному искреннему сознанію ученыхъ позитивнаго направленія, „чрезвычайная сложность феноменовъ представляетъ наибольшія трудности для уловленія существующей здѣсь причинности“ ²⁾. Логически—неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подобнаго распространенія идеи механической причинности и на сферу свободныхъ дѣйствій человѣка было появленіе въ области этики научной теорїи, извѣстной подъ именемъ детерминизма. Явившійся въ томъ-же XVII стол. (если не считать сроднаго ему по духу восточно-религіознаго фатализма), детерминизмъ

¹⁾ Т. е. научно-оправдываемаго убѣжденія въ единствѣ и однообразїи міроваго цѣлаго, которому должна соответствовать одна цѣльная, согласная въ своихъ частяхъ, рассматривающая все подъ однимъ угломъ зрѣнїя, построенная по однимъ и тѣмъ-же законамъ и приемамъ мысли, систематически—округленная система знанїя.

²⁾ Гербертъ Спенсеръ. См. Основанія науки о нравственности, гл. IV стр. 62.

въ настоящее время довольно распространенная и принимаемая теорія, нашедшая себѣ поклонниковъ даже въ средѣ ученыхъ юристовъ ¹⁾. Ученіе детерминистовъ, называемыхъ иначе нецессарианцами (отъ *necessarius*—необходимый), въ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ. Если обобщить системы детерминистовъ, то это будетъ моральная теорія, утверждающая, что всѣ намѣренія, желанія и рѣшенія человѣческой воли, вообще, всѣ феномены сознательно-духовной жизни человѣка необходимо, безъ всякаго участія личной инициативы, опредѣляются предшествующей исторіей индивидуума ²⁾ и всѣми разнообразными вліяніями, которымъ онъ подлежалъ непосредственно предъ совершеніемъ поступка, такъ что его дѣйствіе неизбежно должно было произойти такъ, какъ оно произошло. Артуръ Шопенгауеръ, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ и настойчивыхъ нѣмецкихъ детерминистовъ, неоднократно повторяетъ, что каждый человѣческій поступокъ есть неизбежное и неустранимое слѣдствіе двухъ факторовъ: прирожденнаго характера и наступившаго мотива ³⁾. Намъ нѣтъ нужды излагать въ детальныхъ подробностяхъ ученіе детерминизма, ибо это не входитъ въ нашу прямую задачу. Въ данномъ случаѣ мы можемъ ограничиться простымъ замѣчаніемъ, что послѣдовательное проведеніе детерминистическаго принципа не только въ теоріи, но и въ жизни, способствуя воспитанію самаго крайняго пессимизма, убивая всякое желаніе жизни, какъ лишенной всякаго разумнаго смысла, объявляетъ явную смерть всякой нравственной и юридической отвѣтственности, ведетъ къ отрицанію наказаній, дѣлаетъ совершенно непонятными и необъяснимыми чувства раскаянія, стыда, угрызений совѣсти и т. д. Тѣмъ не менѣе детерминисты усиливаются отстаивать свою теорію; они надѣются, что фактъ одобренія и мученія совѣсти удовлетворительно можетъ быть объясненъ и съ ихъ точки зрѣнія. Остановимся же своимъ внима-

¹⁾ Напр. Н. Полетаевъ (соч. Объ основаніяхъ вѣщенія по началамъ положительной философіи) и указываемые имъ: Н. Гротъ, А. Кястиковскій, П. Ковалевскій и др.

²⁾ Т. е. тѣми психическими связями, которыя порождены предшествующими опытами,—или въ продолженіе жизни индивидуума (Бэнтъ), или въ продолженіе общей предшествующей жизни, накопленные результаты которой организовались и уложались въ организациі этого индивидуума (Спенсеръ).

³⁾ Артуръ Шопенгауеръ. Двѣ основныя проблемы этики. Переводъ Черниговца. Изданіе второе, стр. 83.

ніемъ на детерминистическомъ ученіи о совѣсти, т. е., на одобреніяхъ и угрызеніяхъ совѣсти. Развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, говорить съ детерминистической точки зрѣнія о мученіяхъ и одобреніяхъ совѣсти, развѣ можно, не нарушая естественнаго чувства правды, предполагать ихъ у человѣка, дѣйствія котораго совершаются помимо его личной инициативы, механически или автоматически, который самъ является пассивнымъ созерцателемъ всего съ нимъ совершающагося, для котораго, по словамъ Шопенгауера, „иногда, при затруднительномъ выборѣ, собственное рѣшеніе, словно чужое, остается глубокой тайной, пока не осуществится“¹⁾. Но, съ другой стороны, развѣ можно было замолчать такой крупный душевный фактъ, какъ одобреніе и мученіе совѣсти, которую нельзя заглушить у человѣка никакими псевдо-моральными теоріями, которая является неумолимымъ и неумолчимъ судьей каждаго человѣческаго поступка. И вотъ, чтобы не разойтись до крайности съ коренными нравственными убѣжденіями всего человѣчества, чтобы прикрыть, хотя отчасти, всю ложь и фальшь своей доктрины, и детерминисты даютъ въ своихъ сочиненіяхъ мѣсто объясненію и обоснованію вышеуказаннаго нравственнаго явленія, хотя всѣ подобныя объясненія оказываются для здравой мысли совершенно несостоятельными. Задача настоящей работы и состоитъ въ томъ, чтобы, насколько возможно, показать всю несостоятельность подобныхъ объясненій. Мы постараемся доказать, что объясненія факта одобренія и мученія совѣсти, какія находимъ у отдѣльныхъ представителей детерминизма, утверждаются на довольно шаткихъ, достаточно не продуманныхъ и критически не вровѣренныхъ основаніяхъ и кромѣ того заключаютъ въ себѣ много другихъ существенныхъ недостатковъ: онѣ извращаютъ природу, смыслъ и значеніе совѣсти, противорѣчатъ даннымъ опыта и общечеловѣческаго сознанія

¹⁾ А. Шопенгауеръ. Двѣ основныя проблемы этики, стр. 71. Прямо послѣ приведенныхъ словъ Шопенгауеръ продолжаетъ: „выборъ часто рѣшаетъ иначе, чѣмъ мы предполагали“. (а) Послѣдовательность должна бы заставить детерминистовъ обратиться къ „неумѣяемости матеріалистовъ, которые, какъ, на примѣръ, Rothe и на подстолбѣтія раньше его Grammer, совѣтовали и самое слово „совѣсть“ изъять изъ научнаго употребленія, видя въ этомъ употребленіи простую привычку (Angewohnung), обязанную своимъ происхожденіемъ ложному образованію. См. у Martin Kähler „Das Gewissen“ seit 2 und 7.

и въ заключеніе всего оставляютъ безъ всякаго объясненія много явленій нравственнаго порядка.

Исторія научной мысли не мало знаетъ крупныхъ защитниковъ детерминизма, оставившихъ намъ свои сочиненія. Проф. Ю. Полетаевъ въ своемъ трудѣ: „Объ основаніяхъ вмѣненія по началамъ положительной философіи“ на стр. 106 указываетъ въ числѣ детерминистовъ Гоббса, или Гоббеса, Шольтена, Бэна, Геффдингга, Юма, Локка, Глазера, Шнейдера, Спенсера, Рибо, Мюрстерберга, Мерсьера, Феррьера, изъ русскихъ Кистяковскаго, Грота, Ковалевскаго и др. Мы не будемъ подвергать критическому анализу взгляды всѣхъ этихъ детерминистовъ, такъ какъ это заняло-бы слишкомъ много мѣста и времени. Въ предѣлахъ настоящей статьи мы ограничимся изложеніемъ и по-сильною критикою воззрѣній на интересующій насъ вопросъ четырехъ болѣе настойчивыхъ и рѣшительныхъ защитниковъ детерминизма: Бэна и Спенсера, Шольтена и Шопенгауера.

Итакъ, посмотримъ, прежде всего, насколько основательно объясняется фактъ одобренія и мученія совѣсти въ утилитарной морали Бэна и Спенсера ¹⁾. Объясненіе процессовъ совѣсти съ логическою послѣдовательностію опредѣляется у перваго понятіемъ о совѣсти и ученіемъ объ эволюціи нравственнаго сознанія. Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить здѣсь, что докторъ Бэнъ въ своихъ моральныхъ произведеніяхъ не опредѣлилъ ясно и точно границы или объемъ понятія совѣсти, вслѣдствіе чего и самый терминъ „conscience“ не имѣетъ у него строго-опредѣленнаго, спеціально-точного значенія. Можно лишь

¹⁾ Здѣсь умѣстно замѣтить разъ навсегда, что въ объясненіе факта одобренія и мученія совѣсти входитъ, по нашему мнѣнію, рѣшеніе двухъ основныхъ вопросовъ: 1) вопроса о происхожденіи или образованіи движеній совѣсти и 2) о природѣ и сущности этихъ движеній. Рѣшеніе послѣдняго вопроса, въ свою очередь, подготавливается рѣшеніемъ двухъ другихъ, болѣе частныхъ вопросовъ: именно, вопроса о томъ, насколько широка сфера обнаруженій нравственнаго чувства (этотъ вопросъ указывается намъ въ виду того, что Бэнъ и Спенсеръ, какъ увидимъ ниже, значительно служатъ, выражаясь юридическимъ языкомъ, сферу компетенціи совѣсти), и во вторыхъ, какое внутреннее содержаніе процессовъ совѣсти,—суть ли они элементарныя, неразложимыя душевныя состоянія или довольно сложныя психическія феномены и, если сложныя, то въ какихъ первоначальныхъ элементахъ они состоятъ;—другимъ словомъ, какой эмоціальный составъ совѣсти и измѣняется-ли онъ, или нѣтъ, въ связи съ постепенной формацией ея. Со всѣхъ этихъ сторонъ мы изложимъ и рассмотримъ ученіе Бэна и Спенсера и другихъ детерминистовъ.

съ вѣроятностью предположить, что подъ названіемъ „conscience“ Бэнъ разумѣлъ всю область нравственнаго сознанія, включая сюда, какъ одинъ изъ главныхъ, существенныхъ моментовъ, и то сложное волненіе пріятнаго или мучительнаго характера, сопровождающее и сливающееся съ оцѣнкою человѣческихъ дѣйствій на основаніи идеала, или, по другому опредѣленію, то сознаніе движеній нравственнаго чувства по поводу отдѣльных намѣреній и поступковъ человѣка, признаваемыхъ свободными и отвѣтственными, которому по преимуществу присвоено въ наукѣ названіе совѣсти. Такъ понимаемая совѣсть неоднократно опредѣляется у Бэна, какъ отображеніе (въ душѣ человѣка) или идеальное подобіе (an ideal resemblance) внѣшняго авторитета, или какъ facsimile (искусственное воспроизведеніе въ сознаніи) того закона или правленія, подъ которымъ мы живемъ ¹⁾. Совѣсть не предшествуетъ авторитету, — (все равно будетъ-ли это общественный, правительственный или личный авторитетъ), а слѣдуетъ и подражаетъ ему, ²⁾ т. е. реализуется и санкціонируется авторитетомъ. Какой смыслъ подобныхъ опредѣленій совѣсти? Они ясно показываютъ, что Бэнъ совѣсть не смотрѣлъ на совѣсть, какъ на самостоятельную, примитивную нравственную функцію, которая въ своемъ источникѣ и основѣ коренится въ глубинѣ человѣческаго духа и, будучи вполне понятнымъ выраженіемъ врожденной нравственной потребности, можетъ быть независима въ своихъ отправленияхъ отъ внѣшнихъ условныхъ вліяній, въ родѣ санкціонированнаго государственною властью закона или установившагося общественнаго мнѣнія. Напротивъ, по его мнѣнію, совѣсть не имѣетъ никакого зародыша или отголоска въ душѣ человѣка ³⁾ и необходимо складывается, поэтому, по типу

¹⁾ См. у А. Мальцева. Нравственная философія утилитаризма стр. 144 прим. 1. стр. 150 стр. Подобнымъ образомъ на совѣсть, какъ на отраженіе общественнаго мнѣнія (Widerschein der öffentlichen Meinung), смотритъ Vilmar. см. „Das Gewissen“. Martin Kähler, seite 192.

²⁾ А. Мальцевъ. Нравственная философія утилитаризма стр. 150.

³⁾ Правда, нѣкоторыя выраженія Бэна заставляютъ принимать, повидному, подобное положеніе съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Бэнъ говорилъ, что чувствованія, имѣющія у человѣка форму одобренія и неодобренія, которыми характеризуется и совѣсть, могутъ совпадать и совпадаютъ у человѣка съ природными импульсами личной пользы, или благоразумія и симпатіи. (Психологія Бэна стр.

того, чисто внѣшняго, авторитета, которому, по условіямъ своего положенія, человѣкъ подчиняется въ жизни, какъ мощной, непобѣдимой силѣ. Какъ точный снимокъ, или внутренней оттискъ внѣшняго авторитета, совѣсть одобряетъ и не одобряетъ только то, что хвалитъ и порицаетъ этотъ послѣдній, и въ своихъ приговорахъ не можетъ выйти (по крайпей мѣрѣ у большинства людей) изъ границъ подчиненія ему. Но какимъ образомъ предписанія и правила внѣшняго авторитета переводятся на языкъ сердца, какимъ путемъ голосъ закона становится у человѣка и голосомъ его личной совѣсти? По теоріи Бена, это явленіе или лучше—возникновеніе нравственнаго чувства совершается постепенно, подъ вліяніемъ разнообразныхъ факторовъ и благодаря ассоціирующей (по смежности) дѣятельности разсудка. Въ первое время жизни пооднократныя и настойчивыя приказанія родителей и воспитателей, являющихся въ дѣтскую пору жизни единственными для насъ авторитетами, дѣлать одно и не дѣлать другого оставляютъ въ душѣ глубокой слѣдъ въ видѣ чувства принужденія, которое и соединяется съ извѣстными дѣйствіями. А такъ какъ по условіямъ домашняго воспитанія каждое дѣйствіе, смотря по достоинству, сопровождается одобреніемъ и наградой, или порицаніемъ и наказаніемъ, то естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является то, что чувство принужденія, соединившееся съ извѣстными дѣйствіями, усиливается въ одномъ случаѣ ожидаемымъ удовольствіемъ одобренія и награды, соединяющимъ награждаемыя дѣйствія съ чувствомъ внутренняго довольства, въ другомъ—представленіемъ неизбѣжнаго порицанія и наказанія, соединяющимъ также запрещаемыя дѣйствія съ чувствомъ отвращенія къ нимъ, неодобренія

344), но нужно замѣтить, что подобныя импульсы теряютъ свое самостоятельное значеніе, когда рѣчь идетъ о совѣсти, о ея нравственномъ значеніи, какъ нравственнаго одобренія и неодобренія, какъ внутренней санкціи нашей нравственной обязанности, такъ какъ по ученію того-же Бена характеристическая особенность совѣсти волишь тождественна съ воспитаніемъ подъ извѣстнымъ правленіемъ или авторитетомъ и нравственность *вообще*, какъ извѣстный человѣческій институтъ, не создается *необходимо* на почвѣ природныхъ импульсовъ, которые не имѣютъ своего критерія или мѣрила въ умѣ каждаго индивидуума и которыми ни одинъ человѣкъ не опредѣляется въ ихъ чистомъ видѣ (Исих. Бена стр. 343—344). Хорошо, если предписанія внѣшняго авторитета совпадаютъ съ этими природными импульсами, но они могутъ и не совпадать.

ихъ. Вслѣдствіе практики, чувства одобренія или неодобренія, соединившіяся подобнымъ образомъ съ извѣстными дѣйствіями, все крѣпчѣ и неразрывнѣе ассоціируется съ ними, такъ что, въ концѣ концовъ, возникаютъ сами собою въ душѣ при одномъ представленіи себѣ извѣстнаго дѣйствія и этимъ самымъ превращаются въ его внутреннюю, бессознательно и неувовимо быстро совершающуюся, оцѣнку ¹⁾). Эти чувствованія, являющіяся у человѣка съ тѣмъ или другимъ характеромъ или тономъ, предъ совершеніемъ и по совершеніи поступка,—чувствованія, которыя, развившись въ сердцѣ, создаютъ собою надежную гарантію исполненія предписаній внѣшняго авторитета, признаваемыхъ обязательно нормою поведенія, и могутъ быть названы одобреніемъ или мученіемъ совѣсти.

На низшей, первичной ступени нравственнаго развитія, когда мотивомъ для исполненія предписаній закона служитъ страхъ наказанія и желаніе награды, подобныя имъ чувства остаются единственными и основными ингредиентами и въ составѣ волненій совѣсти. Совершая поступокъ, запрещаемый внѣшнимъ авторитетомъ, человѣкъ терзается отъ представленія грядущаго наказанія, въ обратномъ случаѣ, онъ внутренно наслаждается удовольствіемъ ожидаемой награды. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ нравственнаго сознанія, пріобрѣтенное расположеніе исполнять предписанія внѣшняго авторитета изъ страха наказанія и въ ожиданіи награды усиливается и видоизмѣняется привхожденіемъ новыхъ элементовъ: именно, желанія доставить удовольствіе и страха опечалить людей, авторитетъ которыхъ мы признаемъ. Тогда и въ эмоціальному составѣ совѣсти происходитъ перемѣна, онъ осложняется новыми чувствами. Человѣкъ, нарушая предписанія авторитета, терзается теперь не только отъ страха ожидающаго его наказанія, но и отъ мучительнаго сознанія того, что своимъ неисполненіемъ закона онъ опечаливаетъ своего законодателя. Съ другой стороны, и исполненіе предписаній авторитета радуетъ его

---

¹⁾ Волненія одобренія и неодобренія, говоритъ Бэнъ, локализируются теперь въ предметахъ, какъ ихъ постоянныя свойства. „Дѣйствія, которыя долгое время были соединены въ душѣ съ страданіями и наказаніями, разсматриваются, какъ обладающія *безкорыстнымъ* отвращеніемъ; они представляются причиняющими страданіе на ихъ собственный счетъ“ (Психологія Бена стр. 345).

не только потому, что онъ предвкушаетъ заслуженную награду, но, главнымъ образомъ, потому, что онъ сознаетъ, что исполненіемъ закона онъ доставитъ удовольствіе своему законодателю. Существенная перемѣна происходитъ въ нравственномъ сознаніи человѣка, когда подъ вліяніемъ умственнаго развитія и „накопленія знаній, способствующихъ устраненію всевозможныхъ предрасудковъ и проливающихъ новый свѣтъ на вещи“, мы дѣлаемся способными и разсудочно оцѣнивать достоинство поступка, его необходимость и значеніе, независимо отъ санкціонировавшаго его авторитета ¹⁾. Нравственное сознаніе пріобрѣтаетъ тогда отдѣльное, самостоятельное значеніе, независимо отъ какихъ-либо, прежде дѣйствовавшихъ въ немъ, внѣшнихъ санкцій ²⁾. Тогда индивидуальная совѣсть человѣка выходитъ изъ слѣпаго, рабскаго подчиненія внѣшнему авторитету и подчиняется авторитету разума. Личный разумъ подвергаетъ критикѣ правила, усвоенныя въ дѣтствѣ, и авторитетъ ихъ и самъ создаетъ другія, болѣе разумныя, руководясь непремѣнно идеею общественной пользы. Чувство уваженія, относимое прежде къ внѣшнему авторитету, переносится на личный разумъ и ассоціируется съ нимъ безъ всякаго посредства ³⁾. Совѣсть, складываясь теперь по типу разума, одобряетъ и не одобряетъ только то, что хвалитъ и порицаетъ, съ точки зрѣнія общественной пользы, здравый разсудокъ человѣка, хотя-бы послѣднему въ его нравственно-законодательныхъ предписаніяхъ пришлось стать въ противорѣчіе съ прѣжнимъ авторитетомъ. И въ составѣ совѣсти, соотвѣтственно выдвинутому теперь разумнымъ сознаніемъ человѣка утилитарному мотиву нравственнаго поведенія, основными чувствами являются: въ состояніи спокойствія совѣсти—чувство удовольствія при представленіи пользы отъ своихъ поступковъ, въ состояніи возмущенія совѣсти—мучительное чувство неудовольствія, отвращенія при непосредственномъ представленіи общественнаго вреда отъ своихъ поступковъ. На этой высшей ступени

¹⁾ А. Мальцевъ. Нравственное ученіе утилитаризма, стр. 148.

²⁾ *Op. cit.* с. 147. Бэнъ называетъ такое сознаніе—независимою и самообразовавшеюся совѣстью (*The Selfformed, or Independent Conscience*).

³⁾ См. Вѣра и Разумъ за 1891 г. № 11 ст. В. А. Снегирева „Нравственное чувство“ стр. 464.

правственнаго развитія стоитъ лишь ограниченное меньшинство, такъ какъ большинство людей не развивается умственно настолько, чтобы возбуждаться своими собственными интеллектуальными мотивами. Ученіе о нравственномъ чувствѣ Спенсера во многомъ напоминаетъ ученіе о томъ-же .его ученаго предшественника—доктора Бана. Подобно ему, Спенсеръ не признавалъ за нравственнымъ чувствомъ врожденности, примитивности въ томъ смыслѣ, что оно входитъ, какъ одинъ изъ существенно-необходимыхъ признаковъ, въ самое понятіе о природѣ человѣка и не отдѣлимо отъ него. Но, съ другой стороны, въ отличіе отъ всѣхъ предшествующихъ ему утилитаристовъ, Гербертъ Спенсеръ допускалъ, что это нравственное чувство въ зародышевой, или такъ называемой эмбриологической формѣ, въ скрытомъ (latent) состояніи, дается уже въ самой структурѣ человѣческаго организма, съ какимъ онъ является въ міръ, такъ что въ предѣлахъ личной жизни человѣка, его личной опытности, это чувство не создается искусственно, а лишь оживаетъ, раскрывается и развивается со стороны своей опредѣленности, отчетливости и силы. Подобный взглядъ, около котораго и группируются, главнымъ образомъ, всѣ черты отличія въ объясненіи Спенсеромъ процессовъ совѣсти сравнительно съ предшествующими утилитаристами, обуславливался у него тѣмъ, что онъ разсматривалъ человѣка не просто, какъ отдѣльную, особую единицу, стоящую изолированно отъ всѣхъ предыдущихъ, но въ тѣсной связи со всѣми ими, какъ члена извѣстнаго цѣлаго ряда ¹⁾. Отсюда человѣкъ не могъ представляться ему, какъ *tabula rasa* въ нравственномъ смыслѣ. Защищая теорію наследственности въ области физической и психической организаціи, Спенсеръ училъ, что всѣ приемы и опыты поведенія, бессознательно—накопленные въ массѣ предшествующихъ поколѣній, всѣ мысли и чувствованія, руководившія поступками предковъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ моральнаго развитія, не пропадаютъ безслѣдно для индивидуума, изъ всей этой хаотической груды опытовъ слагается одно очень массивное, но и очень смутное чувство, въ которомъ можно различать только общій характеръ пріят-

¹⁾ А. Мальцевъ. Нравственная философія утилитаризма стр. 170—171.

наго или мучительнаго ¹⁾). Оно и есть, такъ сказать, эмбрионъ процессовъ совѣсти. Изъ этой общей массы чувства, изъ этого органическаго предрасположенія къ извѣстнымъ только дѣйствіямъ и нерасположенія къ другимъ, не имѣющаго пока никакого нравственнаго значенія, вырастаетъ въ предѣлахъ личной жизни человѣка уже опредѣленное со стороны своей силы и качества нравственное чувство, которое обладаетъ значительнымъ регулирующимъ и руководящимъ вліяніемъ въ практической дѣятельности человѣка и благодаря которому послѣдній часто сознательно отрывается отъ удовлетворенія однихъ потребностей во имя другихъ. Въ развитыхъ натурахъ оно усиливается до степени органическаго отвращенія къ однимъ поступкамъ и непосредственнаго влеченія къ другимъ и тогда, разсуждаетъ Спенсеръ, оно можетъ руководить ими столь-же самопроизвольнымъ, непринужденнымъ и вполнѣ соразмѣрнымъ образомъ, какъ руководятъ ими теперь ощущенія ²⁾). Какимъ-же образомъ совершается подобное раскрытіе и развитіе нравственнаго чувства или совѣсти до такой максимальной степени? Оно совершается постепенно, въ прямой зависимости отъ разнообразныхъ факторовъ, обусловливающихъ собою, въ тотъ или другой моментъ нравственнаго развитія личности, такое, а не иное, содержаніе совѣсти и эмоціальный составъ ея. Въ первое время сознательной жизни, при весьма слабомъ развитіи умственныхъ способностей, природные нравственные импульсы, заложенные въ нервной организаціи индивидуума, поддерживаются, питаются, такъ сказать, умственнымъ представленіемъ себѣ „внѣшнихъ, по выраженію Спенсера, случайныхъ, искусственныхъ послѣдствій своихъ поступковъ, т. е., общественныхъ или правительственныхъ наказаній, которыми только и можетъ мотивироваться теперь человѣкъ по состоянію своего умственнаго развитія“. Страхъ подвергнуться общественнымъ или правительственнымъ взысканіямъ за нарушеніе извѣстныхъ правилъ поведенія, выработанныхъ жизненною практикою общества или санкціонированныхъ верховною властію и, съ другой стороны, желаніе заслужить извѣстными дѣйствіями общественное одо-

¹⁾ А. Мальцевъ. Нравственная философія утилитаризма. стр. 184.

²⁾ Основанія науки о нравственности Герберта Спенсера. Глава VII, стр. 160.

бреніе или награду усиливаетъ природные слабыя импульсы къ нимъ и сообщаетъ имъ опредѣленную, отчетливую эмоціалную форму. Въ движеніяхъ совѣсти ясно отмѣчаются теперь волненія страха наказаній и удовольствія награды; ими пока и исчерпывается все содержаніе совѣсти, которой, какъ видимъ, нельзя еще приписать строго-нравственнаго характера. Дальнѣйшее осложненіе содержанія совѣсти, усиливающее интенсивность движеній нравственнаго чувства, получается на дальнѣйшей ступени умственнаго развитія, съ образованіемъ вѣры въ то, что требованія общественныхъ обычаевъ и предписанія государственной власти суть заповѣди Божества, карающаго непослушаніе Ему и награждающаго повиновеніе. Но и здѣсь движенія совѣсти не имѣютъ еще моральнаго характера ¹⁾. Подобный характеръ пріобрѣтаютъ они тогда, когда, подъ вліяніемъ пробудившейся симпатіи и особеннаго чувства „любви къ безпомощному“, человѣкъ вырабатываетъ себѣ новый мотивъ поведенія, оставляющій позади всѣ прежніе,—именно, когда при самоопредѣленіи къ дѣятельности онъ начинаетъ руководствоваться не внѣшними, случайными послѣдствіями поступковъ въ видѣ общественно-политическихъ и религіозныхъ наказаній, а его внутренними, необходимыми послѣдствіями для счастья ближнихъ ²⁾. Это истинно-нравственное побужденіе, по которому человѣкъ не рѣшается на какое-нибудь дѣло безъ предварительнаго, живаго воспроизведенія въ своемъ сознаніи ближайшихъ или отдаленныхъ послѣдствій своего поступка для счастья ближнихъ ³⁾, побужденіе, сначала очень слабо пробивающееся изъ среды общественно-политическихъ и религіозныхъ побужденій, но съ теченіемъ времени дѣлающееся вполне самостоятельнымъ, яснымъ и господствующимъ ⁴⁾, совершенно преобразуетъ эмоціальный составъ совѣсти. Страхъ общественно-политическихъ и религіозныхъ наказаній не слышится болѣе въ голосѣ нравственнаго чувства; его мѣсто заступаютъ волненія удовольствія и неудовольствія отъ живаго воспріятія общественной пользы или вреда отъ своихъ поступковъ. На

1) См. у А. Мальцева. Нравственная философія утилитаризма, стр. 175—176.

2) А. Мальцевъ. Нравственная философія утилитаризма, стр. 181—182.

3) Ibidem.

4) Г. Спенсеръ. Основанія науки о нравственности. Глава VII, стр. 159.

этой высшей ступени нравственнаго развитія, соотвѣтствующей и солидному умственному развитію, выростають органическое отвращеніе къ однимъ поступкамъ и непосредственное влеченіе къ другимъ,—здѣсь-же дѣлается возможнымъ и то идеально-нравственное состояніе, когда нравственные чувства, являясь на сцену въ должныхъ размѣрахъ, въ должномъ мѣстѣ и въ должное время, будутъ руководить людьми такъ-же, какъ ощущенія ¹⁾, когда удовольствія и страданія, порождаемыя нравственными чувствами, стануть, подобно тѣлеснымъ удовольствіямъ и страданіямъ, побудителями и сдерживателями, столь хорошо приспособленными по своей силѣ къ требованіямъ жизни, что нравственное поведеніе станетъ просто естественнымъ поведеніемъ ²⁾.

Мы показали, насколько возможно, какъ объясняютъ Бэнъ и Спенсеръ явленіе одобренія и мученія совѣсти со стороны его происхожденія и условій постепеннаго развитія и формировки. Нельзя не видѣть, что въ ихъ объясненіи этотъ могучій феноменъ въ нравственной жизни человѣка какъ-то блѣднѣетъ, тускнѣетъ, теряетъ все свое нравственное величіе и весь свой таинственно-чудный характеръ, который заставлялъ наивную мысль человѣка видѣть въ процессахъ совѣсти голосъ какой-то внѣшней, сверхъестественной силы, немолчно раздающейся въ душѣ человѣка. Конечно, это не было строго научное, а скорѣе наивное объясненіе волненій совѣсти, но также венаучной кажется намъ и другая крайность, въ которую впадаютъ рассматриваемые нами утилитаристы,—стремленіе объяснить происхожденіе совѣсти чисто естественнымъ путемъ и придать ей вполнѣ человѣческой характеръ, обосновывая ея образованіе и развитіе на однихъ внѣшнихъ, эмпирическихъ данныхъ. Въ ряду утилитаристовъ Спенсеръ не заслуживалъ-бы, повидимому, подобнаго упрека, такъ какъ онъ допускалъ, что нравственное чувство, путемъ бессознательнаго усвоенія индивидуумомъ массы моральныхъ опытовъ, накопленныхъ предшествующими поколѣніями, дается въ скрытомъ состояніи въ самой нервной организаціи человѣка, но и онъ, все

¹⁾ Г. Спенсеръ. Основанія науки о нравственности. Глава VII. стр. 160.

²⁾ Гербертъ Спенсеръ. Основаніе науки о нравственности, стр. 163.

таки защищая подобный взглядъ, который, самъ по себѣ, весьма произволенъ и лишенъ серьезныхъ научныхъ основаній¹⁾, стоялъ, въ существѣ дѣла, на сторонѣ отрицанія врожденности за нравственнымъ чувствомъ, такъ какъ не относилъ его, какъ мы уже указывали, къ числу признаковъ, существенно неотдѣлимыхъ отъ самаго понятія о человѣческой природѣ, что единственно только и отвѣчаетъ истинѣ. Бѣнъ между тѣмъ, какъ мы видѣли, уже настойчиво и усиленно доказываетъ то положеніе, что человѣкъ рождается, какъ *tabula rasa* въ нравственномъ смыслѣ, что нравственное чувство или совѣсть не имѣетъ никакого зародыша въ душѣ человѣка и движенія его поэтому искусственно создаются по типу признаваемого людьми внѣшняго авторитета. Не вдаваясь пока въ подробности и не разбирая въ частностяхъ это положеніе Бѣна, замѣтимъ, что подобная, чисто естественная, точка зрѣнія на происхожденіе совѣсти положительно незаконна и невозможна. Прежде всего самымъ опытомъ жизни наглядно свидѣтельствуется тотъ фактъ, что съ первымъ проявленіемъ сознательной жизни человѣкъ уже застаётъ въ себѣ нравственный законъ, который первоначально выражается у него не въ какихъ либо теоретическихъ понятіяхъ о нравственности, а именно во внутреннемъ чувствѣ, въ голосѣ совѣсти и эти первоначальныя обнаруженія нравственнаго чувства всегда суть непосредственныя обнаруженія, предваряющія всякое другое содержаніе нравственнаго сознанія. Кромѣ того, самая устойчивость и, если можно такъ выразиться, живучесть совѣсти, не умирающей у людей при самыхъ, повидимому, неблагоприятныхъ условіяхъ для своего развитія, то уваженіе, которое заставляетъ насъ склоняться въ чувствѣ нѣкотораго умиленія предъ обнаруженіями ея у самаго отъявленнаго злодѣя, тотъ авторитетъ, который признаютъ за голосомъ совѣсти всѣ люди безъ исключенія и, наконецъ, та могучая, непобѣдимая нравственная сила совѣсти, которая часто самаго закоренѣлаго преступника обращаетъ на путь честной жизни,—все это, кажется, совершенно не объяснимо, если не предположить, что процессы совѣсти не

1) См. объ этомъ въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1889 годъ статью С. Говорова: „Эволюціонная теорія въ примѣненіи къ наукѣ о нравственности“. Стр. 208—209.

суть искусственный продуктъ человѣческаго развитія, возникающій въ силу общественнаго и государственнаго порядка, какъ думаетъ Бэнъ, а коренятся гораздо глубже, въ самой природѣ человѣческаго духа, въ нравственныхъ задаткахъ его натуры, хотя подобно всѣмъ другимъ психическимъ феноменамъ развиваются по общимъ законамъ этого развитія, въ зависимости отъ разнообразныхъ внѣшнихъ условій, между которыми несомнѣнно имѣютъ значеніе и свою долю вліянія и указываемые утилитаристами факторы: воспитаніе, авторитеты, общественное законодательство и т. п.

Переходя ближе и рассматривая частнѣе положеніе Бэна, мы видимъ, что въ основѣ его лежитъ совершенно невѣрная, странная мысль, противорѣчащая дѣйствительному существу дѣла ¹⁾. Намъ кажется, что не внѣшнее законодательство реализуетъ и санкціонируетъ совѣсть, а, напротивъ, эта послѣдняя является источникомъ закона, а онъ по отношенію къ ней ея продуктомъ и реализаціей. Исторія свидѣтельствуетъ, что всѣ извѣстныя гражданскія законодательства опредѣлялись въ своемъ содержаніи всѣмъ религіозно-моральнымъ строемъ народной жизни, его исторически-сложившимися и глубоко-укоренившимися въ общественномъ нравственномъ сознаніи моральными воззрѣніями; поэтому, всякій устанавливавшійся въ обществѣ правовой порядокъ не былъ новымъ и неожиданнымъ для народа, нигдѣ не появлялся въ силу какихъ-нибудь нарочитыхъ узаконеній и преднамѣренно сознательной дѣятельности государственной власти. Нигдѣ также и не измѣнялось законодательство представителями власти совершенно произвольно, безъ всякаго вниманія къ народной совѣсти. Такъ и должно быть по самому существу дѣла. Въ дѣлѣ нравственности, говоритъ протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, нѣтъ и не можетъ быть такихъ примѣровъ, внушеній, законовъ и преданій, которые могли-бы вліять на насъ только какъ нѣчто внѣшнее, не имѣя за себя свидѣтельства нашего чувства и собственнаго внутренняго

¹⁾ Не говоримъ о томъ, что подобный, настойчиво-отстаиваемый Бэномъ, взглядъ его на происхожденіе совѣсти уподобляетъ жизнь биржѣ, на которой гофмаклеръ, т. е., представитель законодательной власти опредѣляетъ безъаналогично, по своему произволу, цѣну (курсъ) нашихъ поступковъ. (Нравствен. философія утилитаризма. Мальцева стр. 305).

опыта, не находя въ немъ подтвержденія себѣ; только эти собственные опыты и чувства составляютъ основу нашего сочувствія слову и примѣру другихъ и дозволяютъ имъ вліять на наши дѣйствія. А эти собственные опыты суть всегда случайныя, только по поводу отдѣльныхъ нашихъ дѣйствій возникающія, субъективныя возбужденія нашего нравственнаго чувства ¹⁾. Всякій внѣшній или объективный законъ только потому получаетъ общее признаніе и силу, что ему предшествовали субъективно-индивидуальныя свидѣтельства нравственнаго чувства и работа мысли надъ этимъ содержаніемъ чувства. Поэтому нравственность можетъ, до извѣстной степени, не нуждаться въ законѣ, нравственное чувство можетъ до извѣстной степени замѣнить законъ, но законъ никогда не можетъ обойтись безъ нравственнаго чувства, ибо только оно даетъ предписаніямъ и требованіямъ его жизненную силу и внутренній авторитетъ истины; гдѣ нѣтъ свидѣтельства нравственнаго чувства въ пользу закона, тамъ не онъ господствуетъ, а его буква и внѣшняя физическая сила, тамъ не можетъ быть рѣчи о нравственной жизни ²⁾.

Складываясь по типу, указанному закономъ или предписаніями отдѣльныхъ авторитетныхъ лицъ, совѣсть, по Бэну, и въ своихъ приговорахъ не должна выходить изъ границъ подчиненія имъ. Она одобряетъ и не одобряетъ, хвалитъ и порицаетъ, награждаетъ миромъ и наказываетъ мучительною болью только за то, что считаетъ добоомъ и зломъ общественный или личный авторитетъ. Но если, не признавая никакой силы и значенія за высказанными сейчасъ соображеніями, согласиться съ подобнымъ утвержденіемъ Бэна, составляющимъ прямой логическій выводъ изъ разсмотрѣннаго нами взгляда на законъ, какъ источникъ совѣсти, тогда придется совершенно отказаться отъ всякаго раціональнаго обоснованія того, какимъ образомъ индивидуальная совѣсть можетъ протестовать противъ закона, которому всецѣло обязана своимъ возникновеніемъ? Допустима-ли такая логическая несообразность, чтобы слѣдствіе отрицало свою собственную причину или основаніе? Правда

1) І. Д. Янышевъ. Православно-христіанское ученіе о нравственности стр. 41.

2) *Op. cit.* с. 43.

Бэнъ de facto допускаетъ это для ограниченаго числа умственно-развитыхъ лицъ, у которыхъ, по его мнѣнію, совѣсть является уже въ формѣ совершенно свободнаго, спеціально-индивидуальнаго чувства, иногда противорѣчащаго авторитету и руководимаго только здравымъ разумнымъ сознаніемъ полезности извѣстныхъ дѣйствій для другихъ, независимо отъ всякихъ стороннихъ указаній. Но подобная уступка со стороны Бэна, допущенная имъ не въ пользу для высказаннаго имъ общаго положенія, является, прямо таки, логическою непоследовательностью, не вытекающею изъ его ученія о нравственности вообще и о совѣсти въ частности. Въ самомъ дѣлѣ, если нравственность всецѣло покоится на извѣстномъ институтѣ, если ея не существуетъ внѣ законодательныхъ актовъ общественной власти, если, по Бэну, даже худой законъ—все-же законъ и несправедливое нравственное правило остается, все-таки, нравственнымъ правиломъ и должно считаться таковымъ всякимъ вѣрнымъ гражданиномъ ¹⁾, то совершенно необъяснимо, почему человѣкъ можетъ опротестовывать нѣкоторыя постановленія закона *во имя нравственнаго чувства*, какимъ образомъ индивидуальная совѣсть позволяетъ предпочитать себѣ авторитетъ личнаго разума авторитету государственной власти, тѣмъ болѣе, что высокая степень умственнаго развитія не выводитъ человѣка изъ подъ опеки закона, нарушеніе котораго, хотя-бы и одобряемое собственнымъ нравственнымъ сознаніемъ человѣка, не освобождаетъ его отъ правительственныхъ взысканій, „опасенія которыхъ, по Бэну, всего легче и могутъ входить въ нравственное чувство и при томъ въ качествѣ особенно выдающагося свойства“ ²⁾. А между тѣмъ такіе протесты, такія возмущенія индивидуальной совѣсти противъ извѣстныхъ легальныхъ дѣйствій—фактъ общезвѣстный, который часто повторяется на глазахъ у всѣхъ и игнорировать который нѣтъ никакой возможности. Подобные факты неоднократно отмѣчались и отмѣчаются въ свѣтской литературѣ, служа сюжетомъ многихъ отдѣльныхъ литературныхъ статей и рассказовъ. Изъ многихъ примѣровъ укажемъ для оправданія своей мысли хотя на одинъ примѣръ, который ясно сохранился въ

¹⁾ Психологія Бэна. Стр. 342.

²⁾ См. Психологія Бэна, стр. 344.

нашей памяти. Въ журналѣ „Русская Мысль“ за 1894 годъ въ майской книжкѣ помѣщенъ рассказъ А. Стринуберга подъ заглавіемъ: „Мученія совѣсти“. Сюжетъ рассказа взятъ изъ французско-германской войны 1870—71 года. Авторъ мастерски описываетъ психическое состояніе молодого германскаго поручика фонъ-Блейхредера, получившаго изъ штаба оффиціальное приказаніе казнить смертію захваченныхъ его отрядомъ французскихъ „вольныхъ стрѣлковъ“, сидѣвшихъ въ плѣну въ Марлотѣ. Какъ офицеръ, связанный долгомъ службы, онъ хорошо понималъ, что неисполненіе приказанія отдастъ его въ руки военнаго суда и испортитъ его карьеру, но, какъ человѣкъ, по своему естественному чувству, онъ не одобрялъ подобное приказаніе, такъ какъ не смотрѣлъ на плѣнныхъ глазами прусскаго правительства, не считалъ этихъ несчастныхъ жертвъ соціальной вражды двухъ государствъ достойными такой безчеловѣчной расправы и ужасался при одной мысли, что ему, а не кому нибудь другому, придется сдѣлаться невольной причиной ихъ смерти. Мучительное состояніе духа усилено было въ немъ бесѣдой съ однимъ сельскимъ пасторомъ, со слезами на глазахъ и съ рыданіемъ въ голосѣ просившимъ улучшить какъ-нибудь судьбу этихъ несчастныхъ людей. Блейхредеръ отказывается хлопотать предъ правительствомъ объ улучшеніи участи плѣнныхъ и въ страшномъ волненіи, сбиваясь почти на каждомъ словѣ, отдаетъ распоряженіе о разстрѣляніи схваченныхъ, молодому поручику. Объявить приговоръ плѣннымъ онъ проситъ пастора, такъ какъ не чувствуетъ въ себѣ достаточно силы для того, чтобы сдѣлать это самому. Отдавши приказаніе, Блейхредеръ съ небольшимъ отрядомъ быстрымъ маршемъ удаляется въ сосѣдній лѣсъ, чтобы не быть свидѣтелемъ преступной сцены. Здѣсь, въ лѣсу, онъ сталъ ужасно мучиться нравственно и страдать. „Жизнь казалась ему убійственно-жестокою со всѣми ея противорѣчіями, съ ея вѣчною двойственностью, а сама природа—необыкновенно несчастною въ своей безсознательной невольной дремотѣ“. Душевные страданія усиливаются по мѣрѣ приближенія времени разстрѣла. Возвратившись домой, поручикъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ и физически,

и нравственно. Онъ не хотѣлъ (скорѣе не могъ) выслушать доклада дежурнаго фельдфебеля объ исполненіи приказанія, не могъ ничего ѣсть, не смотря на вкусный обѣдъ и свое крайнее утомленіе. Ему казалось, что всѣ готовы обвинить его въ смерти несчастныхъ плѣнныхъ и съ этимъ страннымъ вопросомъ онъ обращался къ нѣкоторымъ изъ окружавшихъ его лицъ. Наконецъ онъ впалъ въ мучительную горячку. Приглашенный пасторъ, говоритъ авторъ, осмотрѣлъ больного, вѣрно опредѣлилъ, что онъ боленъ *урызненіями совѣсти*, хотя и исполнилъ свой долгъ—долгъ военно-государственной службы. Черезъ нѣсколько дней больной впалъ въ сумасшествіе. Этотъ рассказъ, который мы передали ради его интереса, въ подробностяхъ, показываетъ, что исполненіе служебнаго долга, оправданіе предъ закономъ не всегда оправдываетъ человѣка предъ судомъ его личной совѣсти, которая въ своихъ приговорахъ стоитъ выше всякаго закона, хотя-бы санкціонированнаго высшею властью. Кромѣ приведеннаго примѣра мы можемъ указать на другое жизненное явленіе, имѣющее въ данномъ случаѣ болѣе частное значеніе, но тѣмъ не менѣе въ корнѣ опровергающее положеніе Бэна,—на отношеніе, напр., офицеровъ къ военнымъ дуэлямъ, узаконеннымъ для нихъ съ нѣкотораго времени верховною властью. Часто, не смотря на всѣ увѣщанія товарищей, на горькіе упреки въ отсутствіи гражданскаго мужества, благородной гордости, враждующія стороны не соглашаются „драться“ между собою по чисто нравственнымъ мотивамъ, во имя совѣсти, хотя подобные отказы весьма часто ужасно вредятъ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Съ точки зрѣнія Бэна, утверждающаго, что „произвольно придуманныя (путемъ государственныхъ узаконеній) различныя учрежденія, независимо отъ того или другого общеобязательнаго нравственнаго кодекса, могутъ образовать въ субъектѣ путемъ ассоцірованія ихъ съ наказаніемъ или порицаніемъ извѣстное психическое состояніе, неразличимое (indistinguishable) отъ нравственнаго чувства, ¹⁾ что „нѣтъ ни одного дѣйствія, какъ-бы тривіально оно ни было, которое не могло-бы быть возве-

¹⁾ А. Мальцевъ. Нравственная философія утилитаризма, стр. 150.

дено на степень дѣйствія нравственнаго и справедливаго общественнымъ императивомъ, ¹⁾ подобное явленіе также необъяснимо.

Разобранное сейчасъ положеніе Бэна съ логическою необходимостью должно было приводить его къ ограниченію сферы обнаруженій нравственнаго чувства или совѣсти областью тѣхъ дѣйствій и отношеній человѣка, которыя вошли въ обще-обязательный нравственно-юридическій кодексъ и ясно указываются тамъ, какъ нравственно одобрительныя и неодобрительныя. Но съ подобнымъ ограниченіемъ, суженіемъ сферы дѣятельности совѣсти, какъ нравственной функціи, намъ кажется, нельзя согласиться по двумъ основаніямъ: прежде всего, оно противорѣчитъ личному внутреннему опыту cadaго, который ясно свидѣтельствуетъ, что всякій человѣческій поступокъ, независимо отъ того, предусмотрѣнъ онъ или нѣтъ въ обще-обязательномъ нравственно-юридическомъ законѣ, всякое даже отдѣльное намѣреніе находитъ себѣ (у нравственно здороваго человѣка) непосредственную, внутреннюю оцѣнку въ голосѣ совѣсти, къ которому каждый постоянно прислушивается, надъ которымъ невольно задумывается и которому придаетъ часто больше значенія въ дѣлѣ нравственнаго самоопредѣленія, чѣмъ трезвымъ доводамъ логическаго разсудка.

Во вторыхъ, мы не можемъ согласиться съ подобнымъ ограниченіемъ сферы обнаруженій нравственнаго чувства областью легальныхъ дѣйствій, потому что подобное ограниченіе, разъ мы признаемъ въ немъ дѣйствительный фактъ, а не ложную гипотезу, самовольно придуманную представителями утилитарной морали, создавало-бы серьезныя неудобства для cadaго въ нравственно-практическомъ отношеніи, такъ какъ оставляло-бы его въ большинствѣ жизненныхъ случаевъ безъ надежнаго руководства, которое помогало-бы человѣку вѣрно подмѣтить и опредѣлить въ этихъ случаяхъ свой нравственный долгъ, свои нравственныя обязанности. Внѣшній законъ, какой-бы характеръ онъ ни носилъ, по самому существу своему, какъ нѣчто общее, отвлеченное и объективное, не можетъ

¹⁾ Психологія Бэна, стр. 346.

быть богатъ подробностями, не можетъ формулировать и регламентировать собою правила поведенія отдѣльнаго лица во всѣхъ случаяхъ жизни и при всѣхъ возможныхъ для него обстоятельствахъ и потому *de facto* представляетъ собою далеко не полный сводъ отдѣльныхъ правилъ поведенія. Довольствуясь такимъ собраніемъ житейскихъ правилъ, какъ единственнымъ критеріемъ нравственнаго самоопредѣленія, человекъ весьма часто не нашеть-бы въ немъ требуемаго опредѣленнаго руководства, рѣшенія вопроса, какъ поступить,—особенно во всѣхъ, сколько нибудь сложныхъ положеніяхъ жизни, предъявляющихъ ему одновременно на выборъ цѣлую сумму самыхъ разнородныхъ требованій, изъ которыхъ каждое, само по себѣ, законно и заслуживаетъ признанія въ извѣстныхъ предѣлахъ. А между тѣмъ изъ этихъ именно, ждущихъ отъ нравственнаго закона своего точнаго и быстрого разрѣшенія, сложныхъ положеній и слагается преимущественно вся жизнь сколько-нибудь развитаго, стоящаго въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ окружающему, человека. Не эти сложные положенія, представляющія собою коллизію самыхъ разнородныхъ нравственныхъ требованій, составляютъ исключеніе и въ жизни такого человека, а наоборотъ тѣ рѣдкія, простыя положенія, въ которыхъ путь для воли ясно и несомнѣнно указываетъ однимъ какимъ-либо требованіемъ высшаго нравственнаго закона. Считать всѣ подобныя положенія и случаи, не предусмотрѣнныя въ законѣ, нравственно-безразличными утилитаристъ, подобный Бэну, не можетъ, такъ какъ каждое дѣйствіе человека, каждый его поступокъ неизбѣжно сопровождается извѣстными послѣдствіями, такъ или иначе, вредно или благотѣльно, отъзывающимися въ общей экономіи соціальнаго организма. Положеніе, какъ видимъ, создается для него весьма затруднительное, выходъ изъ котораго возможенъ въ томъ только случаѣ, если допустить, что каждое дѣйствіе и намѣреніе человека, благодаря постоянно совершающемуся, хотя часто и бессознательно, акту сравненія ихъ съ присущимъ каждому изъ насъ нравственнымъ идеаломъ, находитъ себѣ такую или иную оцѣнку въ движеніяхъ нравственнаго чувства.

Обращаясь къ эмоціальному составу совѣсти, мы видимъ,

что по теоріи Бэна и Спенсера этотъ составъ постепенно измѣняется въ зависимости отъ эволюціи нравственнаго сознанія, опредѣляемой въ свою очередь степенью умственной зрѣлости. На первой низшей ступени развитія нравственнаго сознанія, соотвѣтствующей и весьма слабому умственному развитію, чувство удовольствія въ ожиданіи награды и мучительное чувство страха въ ожиданіи наказаній являются единственными и основными элементами въ составѣ совѣсти. Съ теченіемъ времени эти элементы осложняются чувствомъ уваженія къ законодателю (Бэнъ), „или религіознымъ почтеніемъ къ закону, какъ выраженію воли высшаго существа, карающаго и милующаго людей“ (Спенсеръ). У большинства людей развитіе совѣсти и не идетъ дальше этихъ чувствъ. У нѣкоторыхъ-же натуръ, созрѣвшихъ умственно настолько, чтобы самостоятельно оцѣнивать поступки по ихъ значенію и достоинству, при сильномъ развитіи чувства симпатіи, достаточномъ для того, чтобы аффектировать нашу природу представленіемъ людскаго горя и счастья, указанные чувства совершенно умолкаютъ, такъ какъ теряютъ всякую силу создавшіе и поддерживавшіе ихъ низшіе нравственные мотивы; мѣсто ихъ заступаютъ чувства удовольствія и неудовольствія отъ наглядно-живого и сознательно яснаго представленія утилитарно-эвдемонистическаго значенія своихъ поступковъ.

Разрѣшеніе вопроса объ эмоціальномъ составѣ совѣсти страдаетъ въ теоріяхъ Бэна и Спенсера весьма крупными недостатками. Для правильнаго рѣшенія этого вопроса необходимо прежде всего прочно установить и опредѣлить общій основной критерій оцѣнки моральнаго достоинства человѣческихъ поступковъ, произвольно отражающейся для каждаго во внутреннемъ чувствѣ, въ голосѣ совѣсти. И личный опытъ, и общечеловѣческое сознаніе одинаково убѣждаютъ насъ въ томъ, что такимъ критеріемъ служитъ неизбѣжно ирисущій каждому изъ насъ нравственный идеалъ, свободно создаваемый творческою фантазіею человѣка и логически выражающійся у каждаго въ понятіяхъ о добромъ и зломъ. Въ своей совѣсти человѣкъ прежде всего находитъ оцѣнку своихъ поступковъ со стороны идей добра или зла. Одобряемые внутреннимъ голосомъ по-

ступки онъ называетъ не иначе, какъ добрыми, неодобряемые — злыми, каковыя атрибуты не прилагаются имъ ни къ какимъ другимъ явленіямъ въ мірѣ. Такъ какъ содержаніе идей добра и зла, являющихся основой и средствомъ оцѣнки человѣческихъ поступковъ, не можетъ быть отождествлено съ содержаніемъ идей пользы и вреда (сначала понимаемыхъ человекомъ въ узкомъ смыслѣ личнаго счастья—эгоистически—утилитарный принципъ оцѣнки, свойственный низшей ступени нравственнаго развитія,—а потомъ обнимающихъ въ своемъ содержаніи благо цѣлаго общества—такъ называемый универсально-утилитарный принципъ оцѣнки поступковъ, свойственный высшей ступени нравственнаго развитія), выдвигаемыхъ Бэпомъ и Спенсеромъ въ качествѣ вполнѣ естественнаго, единственно-возможнаго и законнаго мѣрила человѣческихъ поступковъ, отсюда и чувствованія совѣсти, порождаемыя сознаниемъ добра или зла въ своихъ дѣйствіяхъ, не могутъ совпадать съ эмоціями, имѣющими въ своей основѣ приложеніе къ человѣческой дѣятельности утилитарно-эвдемонистической мѣрки. „Понятіе о добрѣ, какъ оно дано прямому наблюденію у всѣхъ людей, стоящихъ на всѣхъ ступеняхъ развитія,—говоритъ В. А. Снегиревъ, не заключаетъ въ себѣ прямо и непосредственно идеи пользы или счастья, блаженства, наслажденія и т. п., какъ думаютъ защитники эвдемонизма и утилитаризма. Въ его содержаніи, прежде всего, открывается сознанію идеи возвышенія, силы, превосходства,—словомъ, совершенства дѣйствія, отражающаго въ себѣ возвышеніе, превосходство—совершенство дѣйствующей духовной особы или личности. Полезность, споспѣшествованіе счастью единичному и общему мыслится при этомъ, какъ нѣчто само собою являющееся съ добромъ, какъ естественная прибавка его главному содержанію, или какъ естественное, необходимое и само собою понятное его послѣдствіе. Подобнымъ-же образомъ въ содержаніи понятія о нравственномъ злѣ прямо и непосредственно нѣтъ идеи вреда, страданія, несчастія. И въ немъ, прежде всего, уму открывается и дается идея паденія, униженія, болѣзненнаго разстройства—словомъ несовершенства творящей зло личности, отражающагося въ самомъ дѣйствіи. Вредъ, стра-

даніе, бѣдствіе, разрушеніе единичнаго и общаго благополучія и счастья опять мыслятся, какъ нѣчто само собою являющееся за злымъ дѣйствіемъ, какъ его естественное и необходимое послѣдствіе. Все это—послѣдствіе зла, а никакъ не сущность, не составная часть его“¹⁾. Отсюда ясно, что основными, центральными, такъ сказать, чувствами въ содержаніи совѣсти, обуславливаемомъ оцѣнкою поступковъ по принципу добра и зла, являются чувства самоуваженія, нравственнаго довольства собою, или недовольства собою и даже презрѣнія и отвращенія къ самимъ себѣ. Утилитаристы, подобныя Бэну и Спенсеру, высказываясь за эгоистически-утилитарную и универсально-утилитарную оцѣнку человѣческихъ поступковъ, какъ единственно-законную и возможную для человѣка на различныхъ ступеняхъ его нравственнаго развитія, перенося центр тяжести съ человѣческой личности, проявляющей въ сознательныхъ поступкахъ свою собственную нравственную энергію и настроеніе, исключительно на послѣдствія поступковъ, не могутъ указывать и не указываютъ въ составѣ совѣсти подобныхъ чувствъ²⁾, придавая первенствующее значеніе чувствамъ, имѣющимъ въ своей основѣ утилитарно-эвдемонистическую подкладку. И мы, съ своей стороны, не хотимъ утверждать того, что эти послѣднія чувства³⁾ не находятъ себѣ мѣста въ эмоціальномъ составѣ совѣсти; по нашему мнѣнію, они занимаютъ здѣсь второстепенное мѣсто и значеніе и появляются въ содержаніи совѣсти не въ силу какого нибудь точнаго и нагляднаго вычисленія такихъ-то послѣдствій поступка для личнаго и общественнаго благополучія, какъ думаютъ утилитаристы, а благодаря присущей всѣмъ намъ, въ силу естественнаго чувства нравственной правды, твердой увѣренности въ томъ, что *доброе* дѣло не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ и вредныхъ послѣдствій, а *злое* дѣло неминуемо сопровождается ими,—слѣдовательно, появляются въ

1) В. А. Снегиревъ. Психологія, стр. 568 ср. журн. Вѣра и Разумъ за 1891 г. 13 книга, стр. 1.

2) Концентрирующихся около самой человѣческой личности.

3) Сюда относятся: чувства одобренія, доброй славы со стороны другихъ людей, чувство удовольствія отъ увѣренности въ общественной пользѣ своихъ поступковъ и противоположныя имъ чувства: страха наказаній, стыда предъ людьми, неудовольствій отъ воспріятія идеи общественнаго вреда въ своихъ поступкахъ.

прямой и непосредственной зависимости отъ предшествующей оцѣнки поступковъ по принципу добра и зла ¹⁾. Указываемую утилитаристами основу происхожденія этихъ чувствъ мы не можемъ допустить потому, что ни одинъ человѣкъ не въ состоянїи не только математически точно и аксіоматически вѣрно высчитать, но даже предвидѣть ближайшія и отдаленныя послѣдствія своихъ поступковъ. „Предвидѣніе послѣдствій, говоритъ Астафьевъ, дано въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ человѣку; жизнь при томъ такъ часто обманываетъ всѣ наши расчеты и столько въ самомъ этомъ, предвидѣніи сомнѣній и колебаній, что рѣшительно невозможно опредѣлить границу, до которой можетъ и должно идти наше предвидѣніе. Тотъ, кто рѣшился-бы дѣйствовать, лишь вполне и несомнѣнно предвидя всѣ послѣдствія дѣйствія и окончательно оправдавъ только разумомъ ту или иную цѣль его,—тотъ вѣчно рассуждалъ-бы и колебался, но ни одного дѣйствія не совершилъ-бы во всю жизнь“ ²⁾. Въ силу этого и нравственное чувство никогда не произнесло-бы своего рѣшительнаго, окончательнаго, твердо устойчиваго приговора, не оцѣнило-бы ни одного дѣйствія съ точки зрѣнія общественной пользы или вреда.

Въ заключеніе всего замѣтимъ, что исключительно-утилитарная оцѣнка человѣческихъ поступковъ, защищаемая Бэномъ и Спенсеромъ, и порождаемая ею чувствованія не могутъ имѣть, сами по себѣ, моральнаго характера и, если-бы онѣ един-

¹⁾ Отсюда мы видимъ, что чувствованія, входящія въ составъ совѣсти, находятся въ тѣсной взаимной связи между собою, возникаютъ въ прямой зависимости другъ отъ друга и имѣютъ одинъ источникъ своего происхожденія. Въ виду этого мы должны признать, что эмоціальный составъ совѣсти въ сущности всегда остается однимъ и тотъ-же. Это не позволяетъ намъ согласиться съ защищаемой Бэномъ и Спенсеромъ теоріей постепеннаго измѣненія эмоціальнаго состава совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, несправедливо было-бы сказать, что чувство страха, напр., не входитъ въ составъ волеиной совѣсти у всесторонне развитаго человѣка и, съ другой стороны, что это-же самое чувство у человѣка, не высоко стоящаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніи является единственнымъ и основнымъ ингредиентомъ или моментомъ въ процессѣ возмущенія совѣсти, обращающимъ и самый этотъ процессъ въ простое, неразложимое нравственное явленіе. Можно говорить лишь о томъ, какое чувство изъ числа постоянно присутствующихъ въ совѣсти является преобладающимъ, болѣе рѣзко обозначается въ ряду другихъ въ тотъ или другой моментъ нравственнаго развитія—и только.

²⁾ П. Е. Астафьевъ. Чувство, какъ нравственное начало, стр. 6, прим. 1.

ственно только наполняли собою содержаніе совѣсти, они лишили-бы ее значенія *нравственной* функціи, указывающей человѣку моральное достоинство его поступка, такъ какъ не всякое дѣйствіе, хорошее, нравственное по своимъ послѣдствіямъ, можетъ быть таковымъ съ субъективной стороны, т. е., быть вмѣнено въ заслугу дѣйствующему лицу. При оцѣнкѣ нравственнаго достоинства поступковъ, по общему мнѣнію, нужно обращать главное вниманіе на намѣренія, на внутреннія побужденія, опредѣлявшія человѣка къ дѣйствию. Поступокъ, какъ поступокъ, взятый изолированно отъ нравственнаго мотива, вызвавшего его, есть ни болѣе, ни менѣе какъ трата физическихъ или умственныхъ силъ, не претендующая ни на какую моральную оцѣнку. Пусть попытается человѣкъ заставить свою совѣсть пріятно для него откликнуться, наградить его тѣмъ удовольствіемъ, которое единственно одна она въ состояніи давать людямъ, когда онъ дѣлаетъ добро, руководясь желаніемъ получить отъ этого удовольствіе или пользу и тогда онъ увидитъ, что совѣсть не исполнитъ его надеждъ. Мало того, если въ немъ она еще не умерла совершенно, то онъ скорѣе всего можетъ рассчитывать на внутреннее тревожное состояніе, какъ слѣдствіе протеста совѣсти противъ эгоистическаго, своекорыстнаго отношенія его къ добру, противъ неуваженія требованій нравственнаго чувства.

А. П.

(Окончаніе будетъ).

Библейское ученіе о твореніи міра и естественно-научная теорія міровой эволюціи.

(ПО ДЮТОА-ГАЛЛЕРУ).

(Окончаніе *).

II.

Космогоническимъ положеніямъ, выведеннымъ на основаніи естественныхъ наукъ, повидимому, противорѣчитъ ботаника и зоологія. По крайней мѣрѣ, преимущественно эти двѣ естественныя науки Дарвинъ приводитъ въ доказательство своей эволюціонной системы. Гипотеза Дарвина не есть новость. Еще Анаксимандръ Милетскій, жившій въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х., думалъ, что человѣкъ вышелъ изъ океана. Въ среднихъ вѣкахъ Галь, а въ прошломъ столѣтіи Кальметъ, де Майлье, Робине и Кантъ пытались объяснить образованіе видовъ послѣдовательной дифференціаціей нѣсколькихъ прототиповъ. Въ началѣ нашего столѣтія Ламаркъ, Окенъ и Шубертъ полагали, что низшія морскія животныя произошли изъ морскаго ила, а высшія возникли вслѣдствіе послѣдовательнаго усовершенствованія низшихъ. Идея естественнаго подбора, въ видѣ простаго предположенія, была выражена также Уэльсомъ въ 1813 г. и Спенсеромъ въ 1852 г., а происхожденіе человѣка отъ обезьяны высказано Линкомъ (1821) и Германомъ (1828). Позднѣе Уоллесъ (1856) изложилъ опредѣленнымъ образомъ гипотезу, будто различныя современные виды растеній и животныхъ составляютъ

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1897 г. № 6.

высочайшія степени непрерывнаго усовершенствованія нѣсколькихъ первобытныхъ типовъ. Въ то же самое время (1859) Дарвинъ издалъ первый изъ своихъ главныхъ трудовъ: *Происхожденіе видовъ и естественный подборъ*, и въ немъ представилъ ученому міру разработанную методическую систему о происхожденіи растений и животныхъ. Для царства растительнаго онъ признавалъ три или четыре, а для царства животнаго четыре или пять первобытныхъ типовъ, названныхъ имъ родоначальными (progenitor) и даже предполагалъ возможность существованія одного прототипа для обоихъ царствъ, все же считая его *созданнымъ*. Отъ этихъ родовыхъ типовъ посредствомъ эволюціи, длившейся милліоны вѣковъ (эту эволюцію вмѣстѣ съ Ляйалемъ онъ считалъ совершившеюся безъ переворотовъ), произошли всѣ виды, какъ ископаемые, такъ и живущіе въ настоящее время ¹⁾. Съ цѣлью придать своей системѣ болѣе прочныя основанія, Дарвинъ широко развилъ двѣ теоріи: о естественномъ подборѣ и борьбѣ за существованіе, которыя были едва начертаны его предшественниками. Первая изъ нихъ, которая можетъ быть примѣнима только къ царству животному, заключается въ томъ, что индивидуумы отличавшіеся отъ первобытнаго типа какою нибудь особенностью, надѣлены были способностью къ размноженію большею, чѣмъ тѣ, которые были сходны съ первобытнымъ типомъ, такъ что эти особенности, вначалѣ случайныя, черезъ извѣстное число поколѣній сдѣлались постоянными и установили отличительные признаки родовъ и видовъ. Для пріобрѣтенія наиболѣе правдоподобныхъ доказательствъ своей теоріи о борьбѣ за существованіе, примѣнимой, по его мнѣнію, какъ къ растеніямъ, такъ и къ животнымъ, Дарвинъ особенно останавливается на томъ предположеніи, что индивидуумы, не обладавшіе выдающимися признаками, должны были быть слабѣе, вслѣдствіе чего легко ослабѣвали послѣ кратковременной борьбы, а потомъ и совершенно исчезали. Это предположеніе дарвинисты считаютъ причиной того, что среди ископаемыхъ находятъ весьма мало промежуточныхъ формъ. По мнѣнію Дарвина, дифференціаціи сильно способствовало пере-

¹⁾ Дарвинъ, Происхожденіе видовъ и проч.

селеніе въ разныя отдаленныя страны растительныхъ и животныхъ типовъ, гдѣ они подверглись другимъ условіямъ существованія, какъ почвы, такъ и питанія и климата. Изъ всего этого изложенія системы Дарвина ясно, что онъ смотритъ на видъ, какъ на форму измѣнчивую и неопредѣленную, которую лучше было бы совсѣмъ вычеркнуть изъ научной терминологіи.

При первомъ своемъ появленіи эта книга была принята съ энтузіазмомъ большинствомъ ученыхъ. Послѣдователи Дарвина постарались еще болѣе развить его систему, и въ особенности смѣло распространяли ея послѣднія заключенія о происхожденіи человѣка. За Гексли и Перти, которые въ 1863 г. первыя высказали предположеніе о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, быстро послѣдовали по этому пути: Геккель (1863 г., *Generelle Morphologie der Organismen* и въ 1868 г. *Naturliche Schöpfungsgeschichte*), Тютль (1868, *Origin and antiquity of physical man*), Бюхнеръ (1868, *Vorlesungen über die Darwinische Theorie*), Томассенъ (1869 г. *Enthüllungen aus der Urgeschichte*), Брока (1870, *Ordre des primates*) и Спилеръ (1870, *Entstehung der Welt und Einheit der Naturkräfte*). Самъ Дарвинъ долго не рѣшался отвѣтить на этотъ трудный вопросъ. Онъ сдѣлалъ это только въ 1871 году въ своемъ послѣднемъ главномъ сочиненіи: *О происхожденіи человѣка и половомъ подборѣ*, въ каковомъ сочиненіи онъ производитъ человѣка отъ узконосыхъ обезьянъ, возводя его генеалогическое дерево черезъ двутробоку и рыбу до асцидій. По этому поводу Дарвинъ произнесъ слѣдующія свои слова: „Мы совсѣмъ не должны стыдиться нашего происхожденія. Человѣкъ, рожденный отъ животного, поставленъ выше человѣка, возникшаго изъ персти“. А въ другомъ мѣстѣ Дарвинъ говоритъ слѣдующее: „Невозможно опредѣлить, въ какомъ періодѣ постепенно восходящей органической лѣстницы человѣкъ сдѣлался безсмертнымъ“¹⁾. Можно думать однако же, что здѣсь говорится о безсмертіи только для приличія, иначе трудно понять подлинный смыслъ этихъ словъ.

Среди многочисленныхъ ученыхъ, болѣе или менѣе ратовавшихъ за теорію Дарвина, какъ напр. Штраусъ, Шопен-

¹⁾ Дарвинъ, *Происхожденіе человѣка*.

гауеръ, Фогтъ, Дорнъ, никто съ такой тщательностью не старался установить генеологию различныхъ классовъ животныхъ, какъ Геккель. Между низшими инфузоріями *монерами*, состоящими только изъ простой клѣточки, и человѣкомъ онъ признаетъ существованіе восемнадцати промежуточныхъ типовъ, изъ которыхъ восемь чисто гипотетическихъ, т. е., никогда не находимыхъ и слѣдовательно, не существовавшихъ въ природѣ, и измышленныхъ только для восполненія пробѣловъ предполагаемой животной лѣстницы. Въ виду того, что послѣднія изслѣдованія доказали невозможность происхожденія человѣка отъ нынѣ извѣстныхъ видовъ обезьянъ, какъ ископаемыхъ, такъ и живущихъ, дарвинисты изобрѣли вымышленный типъ обезьянъ, отъ которыхъ будто-бы произошелъ, съ одной стороны, человѣкъ, а съ другой,—обезьяны, извѣстныя намъ въ настоящее время. Геккель помѣщаетъ этихъ первобытныхъ обезьянъ на материкѣ, существовавшемъ, по его предположенію, между Мадагаскаромъ и Зондскими островами, и этотъ материкъ онъ называетъ Лемуріей. По его мнѣнію, на этомъ материкѣ, первобытныя обезьяны, мало по малу, измѣнились въ обезьянъ настоящаго времени съ одной стороны и въ человѣческихъ существъ—съ другой; потомъ Лемурія погружилась въ воду вмѣстѣ съ послѣдними изъ нашихъ предковъ. Дарвинъ указываетъ мѣсто для этого развитія въ Центральной Африкѣ, Шпильеръ въ Гренландіи ¹⁾, Унгеръ въ Штиріи ²⁾. Для доказательства же близкаго родства человѣка съ обезьяной, Фогтъ указываетъ на микроцефаловъ, настаивая на той мысли, что этотъ особенный родъ идіотовъ, лишенныхъ дара слова и неспособныхъ къ умственному развитію, вслѣдствіе незначительной величины черепа и зачаточнаго развитія мозга, представляетъ первобытный типъ обезьянъ и составляетъ то, что называется возвращеніемъ къ предкамъ, или атавизмомъ. Геккель, Фогтъ и нѣкоторые другіе полагаютъ, что отъ первобытныхъ обезьянъ произошло нѣсколько человѣческихъ паръ, которые были предками различныхъ человѣческихъ расъ. Дар-

¹⁾ Spiller, *Entstehung der Welt und Einheit der Naturkräfte*, 1870.

²⁾ Unger et Schmid. *Das Alter des Menschengeschlechts und das Paradies*, 1866.

винъ, Ляйэлль, Гексли и Уоэллесъ, напротивъ, предполагаютъ существованіе только одной пары. Въ своей *Neure Schöpfungsgeschichte* (1875) Додель изъ Цюриха доходитъ даже до того, что выраженіе *первый человекъ* признаетъ безсмыслицей; такъ какъ въ сущности никогда не было перваго человѣка, потому что переходъ отъ обезьяны къ человѣку былъ незамѣтенъ. Въ такомъ противорѣчивомъ видѣ эволюціонная теорія существуетъ и въ наше время.

Конечно мы изложили только теоретическую или отвлеченную сторону ея; но достаточно указать на нѣкоторые факты, чтобы увидѣть, что она противорѣчитъ и тѣмъ естественнымъ наукамъ, на которыхъ думаетъ утверждаться.

И прежде всего, она противорѣчитъ современной химіи. Если Дарвинъ, какъ мы видѣли, говоритъ еще о творческомъ актѣ и даже о безсмертіи человѣка, хотя это и плохо вяжется съ его эволюціонною системою; то крайніе послѣдователи и ученики его говорятъ уже о вѣчности химическихъ элементовъ и вообще силъ природы и въ нихъ ищутъ причину первоначальнаго возникновенія жизни растительной и животной. Но вѣчность химическихъ элементовъ, по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ современной химіи, есть гипотеза, которой совершенно противорѣчитъ спектральный анализъ. Именно этотъ анализъ показываетъ, что на солнцѣ существуютъ такія элементы, которыхъ нѣтъ на землѣ, съ другой стороны, на землѣ мы находимъ такіе элементы, какъ на примѣръ кислородъ и азотъ,—которыхъ нѣтъ на солнцѣ. Какъ можно объяснить это явленіе, если земля есть сплошная масса, оторвавшаяся отъ солнца вслѣдствіе центробѣжной силы матеріи? Откуда произошло это различіе однородной и вѣчной массы? Мы не говоримъ уже о томъ, что гипотеза вѣчнаго матеріальнаго атома не выдерживаетъ строгой критики и не подтверждается никакими физическими опытами.

Главное же, эволюціонная теорія не можетъ объяснить намъ начала жизни на нашей планетѣ. Дарвинистическая протоплазма, изъ которой будто бы путемъ эволюціи послѣдовательно развивается наша флора и фауна, также таинственна и непостижима, какъ и дѣятельность *жизненной силы*. Если хи-

мія можетъ произвести нѣкоторые продукты выдѣленія живаго организма; то она рѣшительно не можетъ образовать ни одного изъ видовъ альбумина, отличающагося сложнымъ строеніемъ, и ни одного изъ видовъ сахара, составляющаго продуктъ жизненнаго синтеза. Что такое жизнь?—на этотъ вопросъ біологія не даетъ намъ никакого отвѣта при всѣхъ своихъ блестящихъ успѣхахъ за послѣднее время. Все, что она можетъ сказать въ этомъ отношеніи, это то, что жизнь есть дѣйствіе неизвѣстнаго агента, неизвѣстной силы, оказывающихъ свое вліяніе на неодушевленную и инертную матерію, властвующихъ надъ физическими законами природы, и призывающихъ ихъ къ новой дѣятельности.

Но обратимся къ ботаникѣ и зоологіи, на которыхъ дарвинисты главнымъ образомъ хотятъ основать свою теорію. Приведемъ прежде всего факты, благопріятствующіе имъ, и за тѣмъ перейдемъ къ фактамъ, противорѣчающимъ ихъ теоріи. Простое сопоставленіе этихъ фактовъ всего лучше выяснитъ намъ неудовлетворительность этой теоріи.

Въ ботаникѣ дарвинисты представляютъ намъ главнымъ аргументомъ своимъ борьбу за существованіе и измѣненіе растений. Неоспоримо, что растенія и деревья часто соперничаютъ между собою изъ за почвы, на которой произрастаютъ. Нѣкоторыя сорныя травы, если только не заботятся объ ихъ уничтоженіи, покрываютъ всѣ воздѣланныя растенія, и наконецъ совсѣмъ заглушаютъ ихъ. Въ Альпахъ часто наблюдаютъ, что болѣе обыкновенныя растенія, спустя нѣсколько лѣтъ, вытѣсняють другихъ, растущихъ въ меньшемъ числѣ въ той же мѣстности и находящихся въ условіяхъ менѣе благопріятныхъ для оплодотворенія и размноженія. Такъ напр. ель съ красной корой, успѣшно растущая на всевозможныхъ почвахъ и легко переносящая измѣненія альпійскаго климата, заглушаетъ всѣ другіе виды, напр. лиственницу, сосну и ель съ бѣлой корой, когда они растутъ на одной съ нею мѣстности. Что же касается измѣненія растений, то мы можемъ посредствомъ культуры и искусственнаго оплодотворенія произвести отъ дикаго вида растенія самыя разнообразныя разновидности, которыя спустя нѣсколько лѣтъ становятся отдѣльными породами; потому что отличительные ихъ признаки передаются посредствомъ сѣмянъ. Для

примѣра можно упомянуть только о бегоніяхъ, колеоляріяхъ, пелларгоніумахъ, розахъ, георгинахъ (культивированныхъ съ 1802 г.), анютиныхъ глазкахъ (съ 1687 г.), крыжовникѣ (съ 1786 г.) и наконецъ о безчисленныхъ разновидностяхъ яблокъ и грушъ¹⁾. Ботаническая географія вообще представляетъ многочисленныя примѣры видовъ весьма близкихъ другъ къ другу, взаимно замѣняющихся: другъ друга въ различныхъ мѣстностяхъ или слѣдующихъ другъ за другомъ на различныхъ географическихъ высотахъ. На горахъ, напримѣръ, тропической Америки растетъ нѣсколько родовъ европейскіхъ растений, на Огненной землѣ растутъ отъ 40 до 50 видовъ растений, встрѣчающихся въ различныхъ странахъ, какъ Европы, такъ и Америки; многія растенія Гималая и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ горныхъ хребтовъ Индіи, Цейлона и Явы взаимно замѣняютъ другъ друга и служатъ повтореніемъ европейскіхъ формъ. Въ Новой Голландіи произрастаютъ нѣсколько родовъ и видовъ европейскіхъ растений; нѣкоторыя растенія южной Австраліи распространяются отъ острова Борнео черезъ Малаккскій полуостровъ и Индію до Японіи. На Абиссинскихъ горахъ мы встрѣчаемъ одни виды, происшедшіе изъ Европы, а другіе изъ мыса Доброй Надежды. Нѣкоторыя растенія Камерона и Гвинейскаго залива весьма сходны съ Абиссинскими²⁾.

Наконецъ, мы находимъ даже въ естественной системѣ растеній много группъ и разрядовъ, переходящихъ незамѣтнымъ образомъ отъ одного къ другому, и образующихъ какъ бы непрерывныя ряды. Низшія лютиковыя растенія, напримѣръ, приближаются къ нѣкоторымъ формамъ грибовъ, другія же, напротивъ, составляютъ переходъ ко мхамъ, а эти послѣдніе къ тайнобрачнымъ сосудистымъ (хвощамъ и папоротникамъ). Съ этими послѣдними непосредственно соприкасаются явнобрачныя голосѣмянныя и проч., и проч.

Дарвинисты думаютъ, будто всѣ эти ряды произошли отъ нѣсколькихъ первобытныхъ типовъ, а эти послѣдніе, въ болѣе отдаленную геологическую эпоху, произошли отъ одного про-

1) Sachs, *Lehrbuch der Botanik*, 1876, p. 916.

2) Dalton Hooker. *Consideration sur les fleurs insulaires*. (Ann. sc. nat. 5 serie, IV p. 266).

тотна съ весьма простой структурой. Само собой разумѣется, что для подобнаго измѣненія дарвинисты предполагаютъ чрезвычайно продолжительное время, которое эти ученые опредѣляютъ не тысячами, а милліонами лѣтъ.

Подобные же аргументы дарвинисты почерпаютъ и изъ царства животныхъ. Они полагаютъ, что борьба за существованіе обнаруживается здѣсь еще напряженнѣе, нежели въ царствѣ растительномъ; потому что различные виды животныхъ ведутъ войну между собою, и сильнѣйшіе стремятся уничтожить слабѣйшихъ, это во-первыхъ. Естественный подборъ, не существующій въ мірѣ растительномъ, присоединяется, по ихъ словамъ, къ борьбѣ за существованіе въ царствѣ животномъ, такъ что болѣе сильные индивидуумы, обладающіе болѣе или менѣе выдающимися особенностями, почти только одни размножаются, и ихъ отличительные признаки закрѣпляются потомъ спустя нѣсколько поколѣній. Въ самомъ дѣлѣ, искусственнымъ подборомъ произведены различныя породы нашихъ домашнихъ животныхъ (лошадей, быковъ, овецъ, козъ, собакъ, кошекъ, кроликовъ, голубей, утокъ, куръ, канареекъ и пр.).

Въ географическомъ распространеніи видовъ животныхъ, дарвинисты ищутъ новыхъ фактовъ для подтвержденія своей теоріи, находя, что животныя легче, чѣмъ растенія, могутъ переселяться изъ одной страны въ другую. Многочисленные виды животныхъ, замѣняющихъ другъ друга въ различныхъ странахъ (верблюды и дромадеръ, левъ и пума, двурогій и однорогій носороги, байбакъ и сурокъ, лебедь европейскій и лебедь австралійскій и разные нырки), тоже служатъ, по ихъ мнѣнію, доказательствомъ того, что нѣсколько представителей известнаго вида, переселившись въ отдаленную страну, мало по малу, подъ вліяніемъ пищи и климата, измѣнились настолько, что въ состояніи были образовать новые виды.

Другое явленіе, приводимое дарвинистами въ подтвержденіе своей системы, замѣтное болѣе въ мірѣ животномъ, чѣмъ въ мірѣ растительномъ, состоитъ въ *приспособленіи отправления* (*l'adaptation fonctionnelle*). Раньше Дарвина большинство натуралистовъ признавало, въ силу телеологическаго принципа, что всѣ органы прирожденны у всякаго индивидуума, и развиваются съ самаго начала появленія зародыша, точно соотвѣт-

ствуя своимъ будущимъ отправленіямъ. Ламаркъ же, а потомъ Дарвинъ и его послѣдователи утверждали напротивъ, что нѣкоторые индивидуумы, перенесенные въ новую среду, могутъ приспособляться къ ней, и ихъ органы претерпѣваютъ мало по малу измѣненія, соотвѣтствующія ихъ новымъ отправленіямъ. Такъ напр. водяныя животныя могутъ постепенно сдѣлаться сухопутными; ихъ плавники могутъ превратиться въ ноги, а жабры—въ легкія. Такимъ же путемъ и сухопутныя животныя могли превратиться въ водяныхъ, т. е., регрессивнымъ измѣненіемъ ихъ конечностей. Дарвинисты, такимъ же образомъ, объясняютъ и такъ наз. „*mimicry*“, т. е., сходство многихъ насѣкомыхъ, гусеницъ, птицъ, ящерицъ, змѣй съ предметами (сухими и зелеными листьями, стволами деревьевъ, и цвѣтами), на которыхъ они обыкновенно живутъ. Дарвинисты предполагаютъ, что среди предковъ этихъ животныхъ нѣкоторые исключительные индивидуумы, измѣнившись вышеуказаннымъ образомъ, могли, въ борьбѣ за существованіе, избѣгнуть преслѣдованья своихъ враговъ, и пережить остальныхъ однородныхъ съ ними животныхъ. Въ силу этого-то закона нѣкоторые беззащитные мотыльки, формой и цвѣтомъ крыльевъ стали сходными съ аналогичными съ ними видами, способными выбрасывать струю жидкости, которая защищаетъ ихъ отъ преслѣдователей. Жесткокрылыя насѣкомыя своею формой напоминаютъ нѣкоторыхъ пчель, а бабочки—нѣкоторыхъ ось¹⁾ и проч.

Кромѣ того, дарвинисты придаютъ большое значеніе переходнымъ формамъ, насколько ихъ можно наблюдать между отрядами и классами животныхъ, въ особенности при новѣйшихъ морскихъ раскопкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣдніе годы было найдено извѣстное число акалефовъ, которые, по видимому, позволяютъ установить непрерывный рядъ, начинающійся простѣйшими полипьяками и простирающійся до самыхъ сложныхъ медузъ. Переходныя формы можно находить и среди другихъ животныхъ.

Въ этомъ отношеніи наибольшій для насъ интересъ представляетъ высшій¹⁾ отдѣлъ животныхъ, позвоночныхъ. Перво-

¹⁾ Klaus, *Lehrbuch der Zoologie*, 1892 p. 153.

бытнымъ позвоночнымъ дарвинисты считаютъ организованную рыбу, *Amphioxus lanceolatus*, у которой спинной мозгъ и спинной хребетъ находятся въ столь зачаточномъ состояніи, что они имѣютъ видъ двухъ шнурковъ, головного мозга совсѣмъ нѣтъ, сосудистая система и пищеварительный каналъ имѣютъ видъ двухъ трубокъ. Восходя къ слѣдующему типу миногъ, отъ миногъ до рыбъ съ хрящевымъ скелетомъ, потомъ до рыбъ съ костистымъ скелетомъ, организація этихъ животныхъ становится все совершеннѣе и наконецъ доходитъ до рыбъ, снабженныхъ легкими и составляющихъ переходъ къ амфибіямъ. Амфибіи, въ свою очередь, представляютъ восходящій рядъ отъ низшихъ хвостатыхъ тритоновъ, саламандръ, жабъ и наконецъ лягушекъ. Другой восходящій рядъ состоитъ изъ высшихъ позвоночныхъ. Послѣ высшихъ пресмыкающихся—крокодиловъ, у которыхъ сосудистая система организована такимъ образомъ, что нижняя часть тѣла получаетъ смѣшанную кровь (какъ у пресмыкающихся), а верхняя часть тѣла получаетъ чистую артеріальную кровь (какъ у млекопитающихъ), слѣдуютъ ископаемая птицы Америки (*Odontocalces* и *Odontotormes* и *Archeopteryx*), составляющія переходъ къ нынѣ живущимъ птицамъ. Если-бы мы не имѣли отпечатковъ перьевъ этихъ ископаемыхъ птицъ, то мы съ большимъ трудомъ причислили бы ихъ къ птицамъ; потому что строеніе ихъ таза и хвоста сильно напоминаютъ пресмыкающихся. И вотъ на основаніи открытія *Archeopteryx'a* Мильнъ Эдварсъ Младшій уже произнесъ слѣдующія парадоксальныя слова: „Птицы суть не что иное, какъ чрезвычайно измѣненныя пресмыкающіяся“.

Гораздо труднѣе находить промежуточные типы между млекопитающими; но дарвинисты употребляютъ всѣ усилія наполнить этотъ пробѣлъ. Упомянемъ здѣсь о собакѣ-куницѣ, собакѣ-гигантѣ, ай-ай, соединяющія грызуновъ съ лемурами; объ американской *antilo—capra*, имѣющей рога полые какъ у антилопы, но теряющей ихъ ежегодно, подобно оленямъ; находятъ посредствующіе типы между толстокожими и жвачными. Ученый Марчъ открылъ въ Америкѣ между ископаемыми фенакодами (*phénacodes*) (съ пятью копытами въ видѣ ногтя) и лошадыю (однокопытною) пять промежуточныхъ формъ ¹⁾ и пр. и пр. Но и

¹⁾ Klaus, *Lehrbuch*, etc. p. 921.

этого недостаточно. Сознавая слабость своихъ аргументовъ, дарвинисты стараются подкрѣпить свое ученіе и другими естественно-научными фактами, или лучше—измышленіями. Такова напримѣръ, развитая Геккелемъ теорія подъ именемъ онтогеніи или филогеніи. Она состоитъ въ томъ, что, по его мнѣнію, млекопитающія, въ своемъ зародышевомъ развитіи, воспроизводятъ типы всѣхъ низшихъ животныхъ, такъ что они сначала имѣютъ видъ червя, потомъ рыбы, амфибіи, пресмыкающагося. Теорія опирается на то, что первые зачатки органовъ естественно имѣютъ весьма простое строеніе и совершенствованіе ихъ организаціи достигается только мало по малу. Такимъ образомъ у зародыша спинной хребетъ представляетъ только простой хрящевой шнурокъ; жаберныя щели зародыша соотвѣтствуютъ жабернымъ отверстіямъ миногъ; сердце зародыша въ началѣ имѣетъ только одинъ желудочекъ, какъ у рыбъ. Но все это, конечно, совсѣмъ не доказываетъ, будто предки млекопитающихъ были черви, рыбы, амфибіи и пресмыкающіяся. Теорія Геккеля потерпѣла полнѣйшее пораженіе.

Мы довольно подробно остановились на естественно-научныхъ доводахъ, приводимыхъ дарвинистами въ подтвержденіе своей теоріи. Мы не перечислили всѣхъ частныхъ фактовъ, на которые они ссылаются. Но полагаемъ, что перечисленіе этихъ фактовъ не увеличило бы силы ихъ главныхъ доводовъ, на которые мы указали съ научною добросовѣстностію. Теперь перейдемъ къ фактамъ, говорящимъ *противъ* теоріи Дарвина.

Прежде всего, къ нашему великому удивленію мы должны замѣтить, что для приданія большей вѣроятности своей системѣ дарвинисты, въ своихъ сочиненіяхъ и конференціяхъ, прибѣгали не только къ неточностямъ, но даже и къ настоящей поддѣлкѣ. Такъ напр. Геккель считаетъ, что двусѣмянодольныя безлепестныя существовали въ тріасовой эпохѣ, а сростнолиственныя появились только въ третичномъ періодѣ, тогда какъ оба эти разряда растеній одновременно появляются въ мѣловой формаціи. Кромѣ того, Бишофъ, Гисъ и Семперъ доказали, что произведенные Геккелемъ разрѣзы дождеваго червя и амфиоксуса, а также и рисунки зародышей млекопитающихъ были поддѣльные, и въ одномъ случаѣ три клише

одного и того же препарата были показаны имъ подъ тремя разными названіями; яичекъ же слона и кита, о которыхъ онъ думаетъ, что они такой же величины, какъ и яички мыши и кошки, до сихъ поръ еще не видѣлъ и не нарисовалъ ни одинъ ученый. По силѣ изслѣдованій Лушка, Вирхова и Эби, касающихся теоріи микроцефаловъ, Фогтъ долженъ былъ признаться въ томъ, что никогда не производилъ изслѣдованія мозга микроцефала, а основалъ свои заключенія просто на измѣреніяхъ нѣсколькихъ череповъ, ¹⁾ и публично отрекся отъ болшей части своихъ прежнихъ утверженій. Переходимъ теперь къ научнымъ доводамъ противъ дарвинистовъ.

Нельзя отрицать того, что борьба за существованіе встрѣчается у растений и животныхъ, но она никакимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ въ пользу дарвинизма. Для поддержки этой теоріи было удобно предполагать, будто переходныя формы между видами и родами были уничтожены при этой борьбѣ. Но пока мы не находимъ этихъ переходныхъ формъ ни среди живущихъ, ни среди ископаемыхъ животныхъ, мы не имѣемъ никакого права утверждать, что эти переходныя формы дѣйствительно существовали. Правда въ нашихъ заведеніяхъ для разведенія животныхъ производится подборъ; но въ природѣ у животныхъ, живущихъ въ дикомъ состояніи, часто наблюдаютъ совершенно обратное, и мы не можемъ возводить въ законы природы, управляющіе созданіемъ типовъ, въ теченіе тысячилѣтій, исключительныхъ условій, искусственно устроенныхъ волею человѣка. Далѣе, у всѣхъ почти рыбъ и нѣкоторыхъ группъ низшихъ животныхъ подборъ совершенно невозможенъ вслѣдствіе особенныхъ условій метанія яицъ. Наконецъ Брока, Миваръ, Негели, Морицъ, Вагнеръ и Нандинъ представили Дарвину такія возраженія, что онъ принужденъ былъ настолько ограничить свое ученіе о подборѣ, что его можно считать теперь совершенно оставленнымъ. Негели совершенно справедливо указываетъ на слѣдующее главное доказательство противъ Дарвина: естественный подборъ, въ строеніи и жизни организмовъ, *предполагаетъ уже такую предсуществоющую дифферен-*

¹⁾ *Archiv für Anthropologie*, V p. 496; VII p. 239—241; *Ausland*, 1872 p. 994.

циацию, которую никакимъ образомъ не могутъ представлять весьма ограниченные виды первобытныхъ типовъ, даже въ томъ случаѣ, если бы число индивидуумовъ было очень значительно ¹⁾. Клаусъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ теоріи Дарвина, принявъ во вниманіе всѣ доводы, говорящіе въ пользу ея, все таки счелъ своимъ долгомъ заявить, что невозможно, съ помощью только теоріи подбора, постигнуть великаго закона эволюціи живыхъ существъ ²⁾.

Другой авторитетный дарвинистъ, Вильямъ Томсонъ, говоритъ, что гипотеза естественнаго подбора не даетъ настоящаго представленія объ эволюціи въ органической природѣ. „Я глубоко убѣжденъ, продолжаетъ онъ, что въ нашихъ современныхъ изслѣдованіяхъ по біологіи очень часто опускается изъ виду существованіе опредѣленнаго плана, мы окружены со всѣхъ сторонъ яркими доказательствами дѣйствія разумной причины, и если по временамъ нашъ умъ и впадаетъ въ сомнѣніе, то за то потомъ гѣмъ съ большею энергіею возвращается къ убѣжденію, что все въ природѣ подчиняется какой-то свободной волѣ, что все живущее зависитъ отъ единой вѣчной причины“. Но пойдѣмъ далѣе.

Мы уже сказали выше, что въ природѣ, независимо отъ вмѣшательства человѣка, стремленіе къ размноженію разнообразностей, превращающихся потомъ въ виды черезъ наследственную передачу своихъ отличительныхъ признаковъ, встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Изъ растений это стремленіе встрѣчается преимущественно у ежевики, розъ, ястребики, гдѣ можно отличить виды трехъ разрядовъ; кромѣ того, у бесплодныхъ гибридовъ двухъ разрядовъ. Изъ животныхъ мы замѣчаемъ многочисленныя различія; въ особенности въ цвѣтѣ у птицъ, жуковъ и мотыльковъ; но здѣсь потомки также всѣ плодовиты, тогда какъ настоящіе гибриды, встрѣчающіеся впрочемъ рѣдко, бесплодны. Въ обонхъ царствахъ намъ извѣстны виды, стоящіе весьма близко другъ къ другу, отличительные черты которыхъ весьма тонки, но предоставленные самимъ себѣ и не подвергаясь куль-

¹⁾ Negeli, *Entstehung und Begriff der naturhistorischen Art*, 1865.

²⁾ Klaus, *Zoologie*, p. 202.

турѣ, они остаются безъ измѣненія въ теченіе столѣтняго наблюденія, не смотря на перемѣну различныхъ климатическихъ условій. Такимъ же образомъ почти двѣсти лѣтъ тому назадъ изъ Америки въ Европу было вывезено нѣкоторое число сорныхъ травъ, которые размножились вездѣ и не произвели ни малѣйшей разновидности. Растенія, находимыя въ египетскихъ муміяхъ, и тѣ, которыя существовали въ ледяную эпоху, а теперь встрѣчающіяся только въ Альпахъ, всѣ сохранили свои первобытныя особенности. Царство животныхъ представляетъ намъ совершенно аналогичныя факты. Намъ извѣстны двѣ прѣсноводныя одностворчатыя раковины, и около ста морскихъ одностворчатыхъ раковинъ третичной и мѣловой формацій, и нѣсколько губокъ, коралловъ и морскихъ ежей, существующихъ еще въ настоящее время, хотя и подъ южпymi широтами, и всѣ они совершенно не измѣнились. Такъ что, чѣмъ больше мы изучаемъ ископаемые остатки растеній и животныхъ, тѣмъ менѣе открываемъ у видовъ стремленіе къ произведенію разновидностей. Но и это еще не все.

Если географическое распространеніе растеній, какъ мы видѣли, доставляетъ, повидимому, нѣкоторыя данныя въ пользу дарвинизма, за то относительно міра животныхъ оно представляетъ намъ множество совсѣмъ необъяснимыхъ фактовъ. Такъ напр., фауна острововъ Азорскихъ, Канарскихъ и Зеленаго мыса представляетъ европейскій характеръ, островъ Мадера имѣетъ улитокъ и жуковъ, принадлежащихъ собственно ей. Флора и фауна острововъ Голапагосскихъ совершенно особенная. То же можно сказать и объ островѣ Св. Елены и Сандвичевыхъ островахъ. Борнео, Ява, Суматра, Филиппинскіе острова, Японія, Формоза рѣзко отличаются другъ отъ друга и отъ ближайшаго материка. Начиная съ Ломбокскихъ острововъ и Целебеса черезъ Австралію мы находимъ также спеціальную фауну, сходную съ фауной Восточной Индіи только относительно летучихъ мышей и бабочекъ. Новая Зеландія и Мадагаскаръ имѣютъ также свои особенныя фауны, тогда какъ флора Новой Зеландіи сходна съ флорой Южной Америки ¹⁾.

1) Klaus. *Zoologie* p. 189.

Другой замѣчательный фактъ, громко говорящій противъ дарвинизма, заключается въ томъ, что гибриды, происходящіе отъ двухъ разныхъ видовъ, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ, очень рѣдко бываютъ плодовиты; а если это иногда и случается, то ихъ потомки неизбѣжно угасаютъ черезъ весьма незначительное число поколѣній. Немногія существующія исключенія, составляютъ продуктъ намѣреннаго разведенія и намѣренной культуры. Извѣстно, что гибриды двухъ видовъ нѣкоторыхъ растений давали иногда зрѣлыя сѣмена, ростки которыхъ, при тщательномъ уходѣ, сохраняютъ жизненность. Кролики-зайцы, разводимые теперь, въ большомъ числѣ во Франціи, произошли отъ тщательной искусственной культуры. Подобные же опыты съ муломъ до сихъ поръ не достигли никакого успѣха. *Метисы* же, т. е., потомки индивидуумовъ породъ, но не видовъ, всегда бываютъ плодовитыми. Нѣкоторыя разновидности домашнихъ животныхъ, уже не могущихъ спариваться съ первобытнымъ типомъ, какъ напр. порогвайская домашняя кошка, бразильская морская свинка, кроликъ съ острова Порто-Санто близъ Мадеры суть также потомки ограниченной искусственной культуры небольшого числа индивидуумовъ ¹⁾).

Во всякомъ случаѣ,—и это особенно важно для насъ,—до сихъ поръ не могли представить ни одного научнаго факта въ подтвержденіе измѣненія одного вида въ другой; такъ что всякій добросовѣстный натуралистъ долженъ признать неизмѣняемость вида, несмотря на все стремленіе дарвинистовъ сдѣлать его непостояннымъ и придать ему все болѣе и болѣе неопредѣленное значеніе.

Новымъ доказательствомъ ложности гипотезы Дарвина можетъ служить отсутствіе переходныхъ формъ между различными классами растений и животныхъ, какъ нынѣ живущихъ, такъ и ископаемыхъ. Правда, раньше мы указали на нѣкоторыя переходныя формы, съ помощью которыхъ какъ будто можно установить непрерывные ряды нѣкоторыхъ растений и животныхъ; но пробѣлы, существующіе между отдѣльными семействами и отрядами, несравненно многочисленнѣе. Въ числѣ

¹⁾ Klaus, *Zoologie*, p. 138.

растений, представляющихъ одиночные типы, которыхъ невозможно подвести подъ какую либо классификацію, находятся нѣкоторыя группы грибовъ и водорослей—водяныхъ односѣмянодольныхъ. Изъ двусѣмянодольныхъ—кактусовыя, ремнецвѣтниковыя, гречишныя, бегоніи. Въ царствѣ животныхъ изъ одиночныхъ группъ, мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ губокъ, коловратокъ, нѣкоторыхъ двустворчатыхъ и одностворчатыхъ моллюсковъ, весь отдѣлъ головоногихъ и пр. Изъ насѣкомыхъ: вѣерокрылыхъ, нѣкоторыя группы рыбъ и многихъ ископаемыхъ. То же мы встрѣчаемъ и среди пресмыкающихся. Между амфибіями и пресмыкающимися существуетъ пропасть, которую до сихъ поръ не могло восполнить ни одно изъ открытыхъ ископаемыхъ. Зародыши рыбъ и амфибій не имѣютъ ни оболочки, ни зародышевой плевры, и ихъ почки не претерпѣваютъ никакой метаморфозы, тогда какъ эти двѣ особенности высшаго развитія, равно какъ и легочное дыханіе, существуютъ у всѣхъ пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Вслѣдствіе этого Геккель, для установленія полной генеологіи царства животныхъ, долженъ былъ придумать такое число промежуточныхъ формъ, которое никогда не существовало. Но это уже не наука, а фантастическія измышленія.

Но и это не все. Между главными классами обоихъ царствъ существуютъ такія значительныя различія, что они не могутъ быть уничтожены никакой промежуточной формой. Растенія явнобрачныя, голосѣмянныя не приближаются къ высшимъ или сосудистымъ тайнобрачнымъ; односѣмянодольныя и двусѣмянодольныя, въ образованіи своихъ зеренъ и способѣ проростанія и роста, представляютъ совершенно разнородные типы. У животныхъ мы встрѣчаемъ подобныя же различія: у лучистыхъ, кольчатыхъ, двустворчатыхъ и одностворчатыхъ моллюсковъ весь желтокъ яйца составляетъ зародышъ; тогда какъ у высшихъ животныхъ только небольшая часть желтка составляетъ зародышъ, а остальная часть служитъ для питанія этого послѣдняго въ первый періодъ его развитія; этотъ питательный желтокъ у головоногихъ находится на головѣ; у суставчатыхъ (насѣкомыхъ, ракообразныхъ, паукообразныхъ) на спинѣ, у позвоночныхъ на животѣ зародыша. Подобныхъ пробѣловъ нельзя наполнить никакими измышленіями.

Именно къ измышленіямъ надобно причислить и тѣ милліоны лѣтъ, при посредствѣ которыхъ дарвинисты надѣются объяснить превращеніе первичной протоплазмы въ разнообразныя формы животныхъ и растеній, существующихъ теперь. Правда геологія говоритъ намъ о многихъ тысячелѣтіяхъ для образованія напримѣръ, осадочнаго слоя въ 30 сантим.; но она ничего не знаетъ о началѣ жъизни и превращеніи однихъ видовъ растеній и животныхъ въ другіе. При томъ же дарвинистическіе милліоны лѣтъ не совпадаютъ съ исчисленіями физиковъ и математиковъ. Извѣстно, что нагрѣтые предметы постепенно теряютъ сообщенную имъ температуру и что для ихъ охлажденія требуется болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по роду элементовъ, составляющихъ эти тѣла. Поэтому можно вычислить приблизительную температуру земнаго шара, какъ до появленія біологическихъ условій жизни, такъ и послѣ этого. Но эти вычисленія, довольно вѣроятныя при современномъ нашемъ знавіи физическихъ законовъ, совершенно противорѣчатъ миѳическимъ милліонамъ лѣтъ дарвинистовъ. Словомъ, дарвинистическая теорія превращенія видовъ есть гипотеза, противорѣчащая естественно-научнымъ фактамъ.

Но переходимъ къ дарвинистическому ученію о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Достоверно ли оно? Безусловно нѣтъ. Происхожденіе человѣка отъ обезьяны не можетъ считаться достовернымъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Всѣ нынѣ живущія обезьяны, такъ же какъ и ископаемыя, послѣдовательно оказались не могущими быть предками человѣка; такъ что для допущенія этой теоріи дарвинистамъ нужно было придумать несуществовавшихъ обезьянъ. Но это напрасно. Вместимость черепа высшихъ обезьянъ равняется отъ 915 до 920 ст³, вместимость же черепа нѣкоторыхъ негровъ и Неандертальскаго черепа равняется 1835 до 1840 ст³.

На чемъ въ сущности основывается теорія происхожденія человѣка отъ обезьянъ? Конечно, на аналогіяхъ, на сходствѣ человѣческаго тѣла съ организмами этихъ животныхъ. Но обо всѣхъ этихъ аналогіяхъ справедливо говоритъ Вирховъ, что если, напримѣръ, посмотрѣть на голову негра, то можно пожалуй сказать, что онъ похожъ на овцу или пуделя; а между

тѣмъ, на сколько извѣстно, никто еще не высказалъ мысли, что негры происходятъ отъ овецъ или отъ собакъ. И однако же негры раздѣляютъ съ овцами и пуделями наслѣдственную передачу спеціального качества спирального и рунообразного строенія волосъ. Не смотря на это, ихъ головы не имѣютъ никакого сходства съ головами названныхъ животныхъ.

Теорія Дарвина противорѣчитъ далѣе выводамъ и другихъ наукъ. Недавнія этнологическія и лингвистическія изслѣдованія позволяютъ думать, что крайнее варварство и полное отсутствіе цивилизаціи, встрѣчающіяся у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ центральной Африки, представляютъ не первобытное состояніе, а результатъ упадка. „Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорилъ Вирховъ въ 1892 году, распространено было мнѣніе, что среди теперешнихъ человѣческихъ расъ существовало нѣсколько такихъ, которыя будто бы остались на первобытной низшей ступени организаціи. Но въ настоящее время всѣ эти расы были предметомъ тщательныхъ изслѣдованій, и мы знаемъ, что они имѣютъ такую же организацію, какъ и мы сами, а иногда даже высшую, сравнительно съ такъ называемыми высшими расами. Мнѣніе Карла Фогта, что микроцефальные люди представляютъ собою обезьяновидныхъ животныхъ, происшедшихъ вслѣдствіе атавизма, въ настоящее время совершенно оставлено, съ тѣхъ поръ какъ ученые пришли къ тому убѣжденію, что голова и черепъ микроцефаловъ отличаются очевидными признаками патологической формаціи, то есть, вырожденія“. По мнѣнію же ученаго епископа Ватели ни одна дикая или варварская нація не могла достигнуть цивилизаціи своими собственными силами, безъ помощи болѣе культурныхъ народовъ. Витней и Максъ Мюллеръ считаютъ, что первобытное состояніе человечества представляло собой состояніе дѣтства, но не варварства. Ученые послѣдователи Дарвина, какъ напр. Гельвальдъ, Каспари и послѣдніе изслѣдователи первобытныхъ пещеръ утверждаютъ, что даже люди современные сѣверному оленю оставили слѣды религіозныхъ обрядовъ. Во время собранія натуралистовъ въ Висбаденѣ (въ 1873 г.) Вирховъ сказалъ, что археологическія изслѣдованія не обнаружили никакого слѣда людодѣства у ди-

карей до историческаго періода: напротивъ, большая часть дикарей настоящаго времени должна считаться остаткомъ прежнихъ цивилизованныхъ расъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Бушмены и Готтентоты дошли до настоящаго своего положенія вслѣдствіе упадка. Дикія племена представляютъ изъ себя вырождающіяся племена; они суть народы устарѣвшіе, не имѣющіе отечества, потомки племенъ, жившихъ нѣкогда въ другихъ странахъ ¹⁾. Здѣсь, слѣдовательно, мы должны видѣть не восходящую, а нисходящую линію цивилизаціи, вопреки ученію дарвинистовъ.

Далѣе, усилія дарвинистовъ уничтожить значеніе языка тоже оказались напрасными. Способность человѣка выражать свою мысль словами, составляетъ преимущество даже выродившихся и варварскихъ народовъ, и эта только способность, за исключеніемъ всѣхъ другихъ анатомическихъ особенностей, совершенно отличаетъ человѣка отъ обезьяны. На основаніи этихъ фактовъ современные намъ натуралисты уже говорятъ: не смотря на органическое сходство человѣка съ другими твореніями, существуетъ однако одна ясная черта, которая отдѣляетъ человѣка отъ животныхъ, это—*наслѣдственность*, передающая дѣтямъ качества родителей. Никогда мы не видѣли, чтобъ отъ обезьяны родился человѣкъ, или обезьяна отъ человѣка; никогда мы не видѣли животныхъ, обладающихъ членораздѣльною рѣчью.

Наконецъ мы подошли къ главному доказательству, опровергающему теорію Дарвина, которое представляетъ намъ палеонтологія. Оно заключается въ томъ, что различные главные разряды обоихъ царствъ природы въ различныя геологическія эпохи и періоды появляются непосредственно и одновременно, а не послѣдовательно и постепенно, какъ надобно было бы предположить по теоріи Дарвина.

Мы могли бы привести множество фактовъ, подтверждающихъ это положеніе; но не желая распространяться въ подробностяхъ, не дѣлаемъ этого; полагаемъ, что въ большемъ или меньшемъ объемѣ они извѣстны и не спеціалистамъ. Во вся-

¹⁾ Zoekler, *Geschichte der Beziehungen*, etc. II p. 748.

комъ случаѣ, палеонтологія подтверждаетъ ихъ съ полною убѣдительностію ¹⁾).

Такимъ образомъ палеонтологія стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчїи съ восходящимъ рядомъ типовъ Геккеля, и его онтогенія животныхъ находится въ полнѣйшемъ разногласїи съ этою наукою. Клаусъ, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ послѣдователей Дарвина и Геккеля, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ результатовъ, относящихся къ этому предмету, окончиваетъ вступленіе къ своей зоологіи слѣдующими словами: „Проблема внутреннихъ причинъ бытія и эволюціи живыхъ существъ остается все таки не разрѣшенной. Объясненіе послѣдовательности видовъ медленной и постепенной передачей, также какъ и принципы подбора и приспособленія отправления, по сравненію съ еще неразрѣшенной великой проблемой эволюціи, могутъ быть сравнены съ доскою, поддерживающею на водѣ утопающаго, безъ которой онъ неизбежно долженъ бы былъ погрузиться въ воду“ ²⁾).

На основанїи всѣхъ вышеуказанныхъ фактовъ и соображеній современные натуралисты теперь стали уже гораздо осторожнѣе въ своихъ сужденїяхъ объ аналогіяхъ въ индивидуальныхъ и родовыхъ качествахъ чловѣка и животнаго. „Мы конечно не будемъ упускать изъ виду, говоритъ Вирховъ, что организація чловѣческаго тѣла по своему существу есть организація животная и что появляющіяся иногда тероморфическія (звѣрообразныя) особенности могутъ разсматриваться, какъ послѣдствїя атавизма; но мы будемъ требовать болѣе убѣдительныхъ доводовъ, чтобы допустить близкое родство чловѣка съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ животнымъ“.

Какимъ же образомъ могло произойти удивительное разнообразіе видовъ, ископаемыхъ и живущихъ, во все продолженіе геологическихъ эпохъ и до нашихъ дней, если мы не можемъ привести ихъ къ одному первобытному типу? Чтобы отвѣтить на этотъ важный вопросъ въ естественно-научномъ смыслѣ, противники дарвинизма тоже принуждены были прибѣгнуть къ гипотезамъ, которыя впрочемъ не искажаютъ въ такой степени

¹⁾ Heer, *Le monde primitif de la Suisse*, p. 754.

²⁾ Klaus. *Zoologie*, p. 214.

фактовъ природы, какъ Геккель въ своей генеологіи и не заставляютъ ихъ приспособляться къ Прокрустову ложу. Они думаютъ, что нѣтъ необходимости предполагать, будто всѣ растительные и животныя виды были созданы каждый отдѣльно. Наиболѣе правдоподобное предположеніе принадлежитъ Освальду Гееру; оно состоитъ въ томъ, что уже созданные виды подвергались нѣкоторому несущественному преобразованію. Это предположеніе опирается на тотъ фактъ, что въ царствѣ растительномъ и животномъ виды одного и того же геологическаго періода въ послѣдующихъ формаціяхъ замѣняются другими видами, но того же рода, тогда какъ новые роды или даже новые классы появляются только въ началѣ новаго геологическаго періода. Гееръ предполагаетъ относительно видовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, преобразование внезапное (*Umpfägung*), а относительно новыхъ родовъ и разрядовъ напротивъ, признаетъ новое созданіе, въ собственномъ смыслѣ ¹⁾. Но это значитъ склоняться уже къ творческому акту.

Теперь переходимъ къ разсмотрѣнію послѣдняго вопроса—біогоническаго, т. е., вопроса о происхожденіи организмовъ вообще. До начала семнадцатаго столѣтія, натуралисты признавали самопроизвольное зарожденіе нѣкотораго числа растений и животныхъ (*generatio aequivoca*). Они воображали, будто водоросли и морскія животныя рождаются изъ морского ила; болотныя же растенія и животныя—изъ ила прѣсныхъ водъ и рѣчнаго песка, глисты—изъ кишечной слизи. Гарвей открывшій кровообращеніе, первый возвелъ въ принципъ, что всѣ животныя происходятъ изъ яйца (*Omne vivit ex ovo*). Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ доказательства въ пользу этого принципа увеличивались все болѣе и болѣе, благодаря трудамъ Зибольда, Ванъ-Бенедена, Ликарта, Эренберга. Число растений и животныхъ, считавшихся возникшими самопроизвольно, начало уменьшаться все болѣе и болѣе. Въ 1850 году выясненіе этого вопроса значительно увеличилось. Профессоръ Кѣлликеръ изъ Вюрибурга своими изслѣдованіями зародышеваго развитія многихъ животныхъ доказалъ, что всѣ клѣточки, изъ которыхъ

¹⁾ Heer, *Monde primitif*, p. 767.

мало по малу образуется животное, происходятъ отъ послѣдовательнаго дѣленія яйца на второстепенныя клѣточки. Принсеймъ, де-Бари, Гофмейстеръ и Негели, спустя нѣсколько лѣтъ, достигли такого же результата въ произрастаніи растеній. Эти результаты привели многихъ анатомовъ, зоологовъ и ботаниковъ къ установленію слѣдующаго принципа: *Всякая клѣточка происходитъ отъ клѣточки, ей предшествовавшей* (*omnis cellula e cellula* ¹⁾). Со времени же появленія теоріи Дарвина, этотъ принципъ послужилъ основаніемъ для новой гипотезы, будто всѣ организмы, какъ растительные, такъ и животные, произошли отъ одной первобытной клѣточки. Но откуда же могли возникнуть первоначальныя клѣточки? Еще Аристотель, а потомъ Кцольбе, Фольгеръ, Бюннеръ, Фогтъ и другіе думали, будто всѣ органическія существа существовали отъ вѣчности. Но когда появилась теорія Цельнера и гипотеза о первобытномъ раскаленномъ состояніи земнаго шара была принята повсемѣстно, то ученые должны были согласиться, что при такихъ условіяхъ органическая жизнь на землѣ была совершенно невозможна, и она должна была возникнуть только въ дальнѣйшую эпоху. Тогда ученые прибѣгли къ предположенію, будто первобытная клѣточка въ извѣстный моментъ геологической эволюціи произошла вслѣдствіе особеннаго химическаго синтеза, происшедшаго отъ неорганическихъ соединеній. Но скоро они принуждены были убѣдиться въ томъ, что въ клѣточкахъ растительныхъ и животныхъ, подъ вліяніемъ жизненной силы, происходятъ синтезы совершенно отличные отъ тѣхъ, которые наблюдаются въ мертвой природѣ, и что пока существуетъ жизнь, дѣятельность клѣточки—совершенно особенная, и что ростъ и дѣленіе клѣточки составляютъ специфическое отправленіе жизненной энергіи. Такимъ образомъ, между неорганическимъ и химическимъ дѣйствіемъ и отправленіемъ живой клѣточки бездна становилась все глубже, а объясненіе перваго появленія организмовъ на нашей землѣ все труднѣе. Стерри-Гунтъ, Эдуардъ Кине, Томпсонъ, Гельмгольцъ думали разрѣшить загадку тѣмъ предположеніемъ, что первые

¹⁾ Вирховъ, *Archiv für patholog. Anatomie*, VIII p. 23. *Gazette hebdomadaire de medecine et de chirurgie*, 1885. № 7.

жизненные зародыши могли упасть на землю вмѣстѣ съ метеорами, отдѣлившимися отъ другихъ небесныхъ тѣлъ¹⁾. Но вѣдь, и остальные небесныя тѣла были также сначала въ раскаленномъ состояніи, такъ что органическая жизнь на нихъ въ то время была также невозможна, какъ и на землѣ. И многіе изъ благоразумныхъ дарвинистовъ откровенно сознаются теперь въ невозможности разъяснить эту тайну. Изъ нихъ укажемъ на слѣдующихъ: *Юлій Робертъ Мейеръ* говоритъ: „Мы должны сознаться въ своемъ полнѣйшемъ незнаніи этого“. *Гексли*: „Ни исторія, ни ученныя изслѣдованія ничего не говорятъ намъ о происхожденіи первыхъ организмовъ“. *Конъ (бактеріологъ)*: „Наука не можетъ отвѣтить намъ на вопросъ, какимъ образомъ произошла первая клѣточка“. *Густавъ Бисшофъ*: „Способъ, посредствомъ котораго появились на землѣ первыя растенія, намъ также неизвѣстенъ, какъ и первое происхожденіе вещей“²⁾. Такимъ образомъ, по собственнымъ словамъ этихъ выдающихся дарвинистовъ, эта великая загадка естествознанія неразрѣшима для нихъ. Въ то время, какъ Гунтъ, Кине, Томпсонъ и Гельмгольцъ стараются прикрыть свое незнаніе посредствомъ теоріи переселенія зародышей, Вирхова, научной скромности котораго Дютоа-Галлеръ отдаетъ полное уваженіе, въ своихъ опытахъ медицинской науки, откровенно употребляетъ слово *Чудо* для объясненія появленія первой клѣточки.³⁾ И всякій добросовѣстный натуралистъ долженъ признать, что въ послѣдовательномъ ходѣ эволюціи нашей земли, надобно признать появленіе творческой силы, безъ чего все остается совершенно непостижимымъ. Другими словами: *Созданіе органическихъ существъ есть неразрѣшимый постулатъ науки*; и только вѣра во Всемогущаго Творца вселенной рѣшаетъ этотъ постулатъ.

Высказавши эти положенія, Дютоа-Галлеръ выражаетъ опасеніе, чтобы его не сочли скептикомъ, разочарованнымъ или отрицающимъ успѣхи современной науки. Напротивъ, онъ искренно желаетъ дальнѣйшихъ успѣховъ этой наукѣ. Но онъ

¹⁾ Zöckler, *Geschichte der Beziehungen*, 11 p. 723. Pfaff *Die Entstehung der Welt und die Naturgesetze*. 1876 p. 32.

²⁾ Zöckler, *loc. cit.* II p. 729.

³⁾ Virchow, *Gesammelte Abhandlungen. Z. Wissensch. Medicin*, 1862 p. 25.

вынуждается уже сознаться, что всѣ попытки рѣшать космогоническіе и біогоническіе вопросы посредствомъ материалистическихъ и дарвиновскихъ теорій представляютъ неодолимые затрудненія, между тѣмъ какъ они легко рѣшаются, когда мы склоняемся передъ необходимостью признать бытіе Творца и созданіе Имъ вселенной. Онъ преклоняется предъ этой истиной. *Истина* же можетъ быть только единой, будетъ ли она достигнута наукой, или получена черезъ Откровеніе свыше. Такимъ образомъ въ сущности онъ говоритъ то же, что давно уже говорятъ христіанскіе богословы, по мнѣнію которыхъ природа и Откровеніе суть двѣ книги одного и того же Творца вселенной; но эти книги открываются только тому, кто любитъ истину и ищетъ ее безъ всякихъ предразсудковъ, пристрастій и одностороннихъ увлеченій.

Въ заключеніе Дютоа—Галлеръ приводитъ слова величайшаго Швейцарскаго натуралиста нашего времени, Освальда Геера. Этотъ натуралистъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ *Le monde primitif de la Suisse* говоритъ:

„Возьмемъ симфонію Бетховена. Только музыкантъ—артистъ пойметъ смыслъ ея. Для него каждая нота будетъ имѣть значеніе, и изъ этихъ различныхъ нотъ, соединенныхъ вмѣстѣ, изольется міръ гармоній. Такова и природа. Явленія, взятая отдѣльно, обнаруживаются въ ихъ истинномъ смыслѣ, подобно отдѣльнымъ нотамъ, только тогда, когда умѣютъ соединять и оцѣнивать ихъ въ цѣломъ. Только сближеніемъ отдѣльных фактовъ мы можемъ образовать идею и величіе созданія. Посредствомъ этого сближенія, душа наша видитъ одинаково міръ гармоній; и эта гармонія, такъ же какъ и сестры ея въ области музыки, возносятъ насъ выше міра физическаго и возбуждаютъ въ нашей душѣ предчувствіе Божественнаго Разума, руководящаго и руководившаго всѣмъ существующимъ и всѣмъ существовавшимъ. Каждый, безъ сомнѣнія, принялъ бы за идіота того, кто вообразилъ бы, будто ноты симфоніи суть только точки, случайно набросанныя на бумагу. Но мнѣ кажется, что не менѣе неразумны и тѣ, которые считаютъ игрою случая еще болѣе чудесную гармонію творенія. Чѣмъ больше

мы подвигаемся въ познаніи природы, тѣмъ глубже становится наше убѣжденіе въ томъ, что только вѣра во Всемогущаго Творца и Божественную Премудрость, создавшую небо и землю, по преднамѣренному и вѣчному предназначенію, можетъ разрѣшить загадку, какъ природы, такъ и человѣческой жизни. Не одно только сердце человѣческое, но и природа свидѣтельствуютъ о бытіи Бога. Когда мы, съ этой точки зрѣнія, созерцаемъ чудесную геологическую исторію нашей страны въ ея флорѣ и фаунѣ, только тогда она является намъ въ ея истинномъ свѣтѣ и доставляетъ намъ высочайшія наслажденія“.

К. И—нъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Апрѣля № 7. 1897 года.

Содержаніе. Списокъ книгъ для церковныхъ библиотекъ Харьковской епархіи.— Высочайшая награда.— Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.— Отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ одноклассной образцовой церковно-приходской школѣ за 1895/96 учебный годъ.— Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 1895/96 учебный годъ (въ особомъ приложеніи).— Епархіальныя извѣщенія.— Извѣстія и замѣтки.— Объявленія.

Списокъ книгъ для церковныхъ библиотекъ Харьковской епархіи, составленный Харьковскимъ Совѣтомъ по сектантскимъ дѣламъ по просьбѣ нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ Епархіи.

Сахаровъ. Литература исторіи и обличенія русскаго раскола въ 2 вып.

А. Рождественскій. Южно-русскій штундизмъ.

Троицкій. Обличеніе заблужденій штундизма.

Н. Ивановскій. Руководство къ исторіи и обличенію раскола и сектъ въ 3 част.

Г. Терлецкій. Нѣсколько практическихъ наставленій священникамъ для борьбы съ штундизмомъ.

Г. Терлецкій. Секта пашковцевъ.

О. Новицкій. Духоборцы, ихъ исторія и ученіе.

И. Опойченко. Изобличеніе штундистской ереси.

И. Опойченко. Бесѣды къ совратившимся изъ Православія въ молдавскую и скопческую секту.

Н. Русановъ. О православной христіанской вѣрѣ, по ученію слова Божія.

Д. Протасовъ. Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ.

И. Ольшевскій. Обличеніе южно-русской штунды въ сопоставленіи библейскихъ мѣстъ.

И. Стрѣльбицкій. Краткій очеркъ штундизма и сводъ текстовъ, направленныхъ къ его обличенію.

- Н. Кутеновъ.* Краткая исторія и вѣроученіе русскихъ рационалистическихкихъ и мистическихкихъ ересей.
- Н. Кутеновъ.* О почитаніи св. иконъ.
- Н. Кутеновъ.* Объ истинной Церкви Христовой.
- Н. Кутеновъ.* О почитаніи и призываніи святыхъ.
- Н. Кутеновъ.* О священномъ преданіи.
- Н. Кутеновъ.* Секты хлыстовъ и скопцовъ.
- Х. Орда.* За вѣру и противъ невѣрія.
- Добротворскій.* Люди Божіи.
- Е. Гурій.* О скопчествѣ по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ.
- Е. Гурій.* Вѣроученіе молоканскаго толка.
- Е. Серій.* Св. Животворящій крестъ Господень.
- Пр. Орловъ.* Молоканство предъ судомъ слова Божія, въ 4 частяхъ.
- Остромысленскій.* Молоканская секта въ 2 частяхъ.
- Реутскій.* Люди Божіи и скопцы.
- М. Разногорскій.* Сборникъ статей въ обличеніе штундизма.
- Г. Богородицкій.* О важнѣйшихъ истинахъ Христіанской Православной Церкви, противъ штундистовъ.
- А. Ушинскій.* О причинахъ появленія рационалистическихкихъ ученій штунды и другихъ сектъ.
- А. Ушинскій.* Вѣроученіе малорусскихъ штундистовъ, разобранное на основаніи св. Писанія.
- Н. Быстровъ.* Бесѣды о разныхъ истинахъ Православной вѣры противъ молоканъ и сродныхъ сектантовъ.
- Письма мірянина къ мірянину по поводу штундистскихъ заблужденій.
- Бесѣда православнаго съ штундистомъ о почитаніи св. иконъ.
- Бесѣда православнаго съ штундистомъ о почитаніи св. креста.
- А. Рождественскій.* Хлыстовщина и скопчество въ Россіи.
- А. Дородницынъ.* Секта шалопутовъ.
- А. Дородницынъ.* Шалопутская община.
- А. Никаноръ.* Штунда и ея происхожденіе.
- Н. Барсовъ.* Русский простонародный мистицизмъ (хлыстовщина).
- Н. Надеждинъ.* Изслѣдованіе о скопческой ереси.
- Исповѣданіе вѣры молоканъ донскаго толка Таврич. губерніи, въ 2 ч.
- Михайловскій.* Постъ, его происхожденіе, польза и возраженія противъ него.
- Иером. Евстратій.* Штундисты. Собесѣдованіи православнаго съ штундистами.
- К. Оменко.* Разборъ десяти правилъ вѣроученія штундистовъ.

Письма по поводу появленія въ Петербургѣ новаго учителя вѣры и его ученія (разборъ ученія Пашкова).

Г. Остроумовъ. Догматическое значеніе седьмого вселенскаго собора (противъ Пашкова).

А. Павелъ. Краткія бесѣды съ именующимися духовными христіанами.

Склябовскій. Штунда. Разборъ и опроверженіе ученія штундистовъ.

А. Игнатій. Исторія о расколахъ въ церкви Россійской.

М. Макарій. Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества.

А. Израиль. Обзоръ русскихъ раскольническихъ толковъ.

Н. Субботинъ. Исторія Бѣлокриницкой іерархіи.

Н. Ивановскій. Критическій разборъ ученія непріемляющихъ священства старообрядцевъ о Церкви и таинствахъ.

А. Предтеченскій. О необходимости священства противъ безпоповцевъ.

Т. Верховскій. Историческій очеркъ единовѣрія.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Кавалерской Думы ордена святой Анны, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 3-й день минувшаго февраля, пожаловать означенный орденъ 3-й степени статскому совѣтнику, учителю Харьковскаго духовнаго училища, Ивану Евецкому.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Съ 1 Іюля сего 1897 года въ Харьковской Духовной Семинаріи освобождается мѣсто репетитора-надзирателя съ жалованьемъ 350 руб. въ годъ при казенной квартирѣ (для холостого), отопленіи, освѣщеніи и содержаніи пищею (обѣдъ и ужинъ). Лица, окончившія курсъ въ Семинаріи съ званіемъ студента и желающія поступить на это мѣсто, должны подать о семъ прошенія на имя Ректора Семинаріи не позже 1 августа сего года.

Отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ одноклассной образцовой церковно-приходской школѣ за 18⁹⁵/₉₆ учебный годъ.

1) *Личный составъ служащихъ* въ школѣ въ отчетномъ году былъ слѣдующій: а) завѣдывалъ обученіемъ въ школѣ, равно какъ и практическими занятіями въ пей воспитаницъ училища, инспекторъ классовъ училища, *протоіерей Никандръ Ожигевичъ*, безвозмездно; б) законоучителемъ школы былъ членъ Совѣта училища, *священникъ* Харьковской Троицкой церкви *Павелъ Тимофеевъ*, съ жалованьемъ по 120 р. въ годъ; в) учительницею школы была окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы, вдова лаборанта Харьковского Университета, *Марія Дмитріева*, съ жалованьемъ, при казенной квартирѣ со столомъ, по 282 р. въ годъ.

2) *Число учащихся* въ школѣ въ теченіе отчетнаго года было не одинаково. Въ началѣ года всѣхъ школьничковъ было 88,—51 мальчикъ и 37 дѣвочекъ; къ концу года число это уменьшилось до 75, въ томъ числѣ были 41 мальчикъ и 34 дѣвочки.

Всѣ *учащіеся* въ школѣ *раздѣлялись на три отдѣленія*. Къ концу года въ I отдѣленіи числялось 38 учащихся, 24 мальчика и 14 дѣвочекъ; во II отдѣленіи 25 учащихся, 11 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ; въ III отдѣленіи 16 учащихся, 10 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ.

По происхожденію своему всѣ учащіеся въ школѣ—дѣти цеховыхъ, солдатъ, мѣщанъ и крестьянъ, проживающихъ въ г. Харьковѣ, а *по исповѣданію* всѣ принадлежать къ Православной церкви.

3) *По духу, характеру, объему и методамъ преподаванія* воспитаніе и обученіе въ школѣ велись во всемъ согласно утвержденной Св. Синодомъ программы учебныхъ предметовъ для одноклассной церковно-приходской школы и объяснительнымъ къ ней запискамъ.

4) *Программа преподаванія* въ школѣ, вслѣдствіе распредѣленія въ ней снподальной программы, вмѣсто двухъ, на три года, была слѣдующая: а) *по Закону Божию* въ I отдѣленіи выучены общеупотребительныя молитвы и пройдена часть Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта; во II отдѣленіи повторено выученное въ I отдѣленіи и вновь окончена Исторія Ветхаго Завѣта и пройдена Новозавѣтная Исторія; въ III отдѣленіи повторенъ курсъ первыхъ двухъ отдѣленій и пройдены вновь катихизисъ и объясненіе Богослуженія; б) *по русскому языку* въ I и II отдѣленіяхъ пройдено все, указанное снподальною программою для перваго и втораго годовъ; въ III отдѣленіи сообщены нѣкоторыя, необходимыя для правописанія, свѣдѣнія

изъ грамматики, именно: о простомъ предложеніи и его составныхъ частяхъ, о частяхъ рѣчи: объ имени существительномъ (родъ, число, падежъ), объ имени прилагательномъ (родъ, число, падежъ), о мѣстоименіи (личномъ), о глаголѣ (время, число, лицо), объ имени числительномъ, склоненіе существительныхъ вмѣстѣ съ прилагательными, спряженіе глаголовъ; параллельно съ прохожденіемъ грамматики велся, въ предѣлахъ пройденнаго, этимологическій и синтаксическій разборъ. *Письменные упражненія* по русскому языку были слѣдующія: въ I отдѣленіи учащіеся списывали съ книги отдѣльныя слова, краткія предложенія и коротенькія статьи и писали подъ диктовку; во II отдѣленіи списывали съ книги Н. Я. Некрасова „Практическій курсъ правописанія“, выпускъ I и упражнялись въ письмѣ подъ диктовку; въ III отдѣленіи списывали съ книги Некрасова, выпускъ 2, и писали подъ диктовку, при чемъ практиковалась провѣрочная диктовка; в) *по церковно-славянскому языку* въ I отдѣленіи пройдено все по программѣ; во II отдѣленіи учащіеся упражнялись въ чтеніи, усвоили значеніе отдѣльныхъ славянскихъ словъ и выраженій; въ III отдѣленіи чтеніе сопровождалось объясненіемъ смысла цѣлыхъ предложеній и статей и изучены славянскія цифры и знаки надстрочные и строчные; чтеніе въ этомъ отдѣленіи доводилось до такой бѣглости и отчетливости, чтобы учащіеся могли читать въ церкви; г) *по счисленію*—въ I отдѣленіи пройдены все по программѣ; во II отдѣленіи пройдено до именованныхъ чиселъ; въ III отдѣленіи программа окончена; во II и III отдѣленіяхъ учащіеся упражнялись въ счисленіи на счетахъ; д) *по церковному пѣнію*—въ I отдѣленіи учащіеся съ голоса пѣли обычнымъ напѣвомъ, въ унисонъ, общеупотребительныя молитвы; во II и III отдѣленіяхъ пѣли на два голоса Аптургію и Всенощное бдѣніе, при чемъ, по московскому обычаю, изучили „Господи воззвахъ“ и „Богъ Господь“ на всѣ гласы; е) *по чистописанію* во всѣхъ отдѣленіяхъ пройдено все по программѣ, по руководству В. Гербача.

5) *Учебники и учебныя пособія* употреблялись въ школахъ въ отчетномъ году слѣдующіе: а) *по Закону Божию* „Наставленіе въ Законъ Божіемъ“ протоіерея П. Смирнова; по этому руководству учащіеся въ I отдѣленіи усвоили преподаваемое со словъ законоучителя, а во II и III отдѣленіяхъ выучивали уроки по книгѣ; пособіемъ при изученіи Свящ. Исторіи служили картины изъ Свящ. Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, изданныя Фену и К^о; б) *по русскому языку*—въ I отдѣленіи употреблялись разрѣзныя буквы и „книги для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку“, Попова; во II и III отдѣленіяхъ читали по книгѣ Радонежскаго „Солнышко“; при упражненіи учащихся въ грамматикѣ учитель-

ница пользовалась книгою Матвѣевой „Русская грамматика въ диктовкахъ“, а при упражненіи въ орфографіи употреблялись диктанты Н. Я. Некрасова, Тихомірова и Смирновскаго; в) *по церковно-славянскому языку*—въ I отдѣленіи читали по Букварю, въ II отдѣленіи по Часослову и книгѣ Ильминскаго „Обученіе церковно-славянской грамотѣ“, въ III отдѣленіи по Часослову и книгѣ Свирѣяна, „чтенія изъ книгъ Свящ. Писанія В. и Н. Завѣта“; г) *по счисленію* употреблялись задачки Гольденберга и Лубенца и торговые счета; д) *по церковному пѣнію*—„Кругъ церковныхъ пѣнопѣній обычнаго напѣва Московской епархіи“; е) *по чистописанію*—прописи Пожарскаго и „Руководство къ обученію письму“, В. Гербача.

6) *Библиотека школы* къ концу отчетнаго года заключала въ себѣ 854 тома. Библиотека эта состоитъ: а) изъ руководствъ и пособій для учителей по элементарному преподаванію; б) изъ учебниковъ и учебныхъ пособій и в) изъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Какъ полезное пособіе для законоучителя и учительницы, въ библіотеку школы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, выписывался журналъ „Церковно-приходская школа“.

7) *Ученіе* въ школѣ началось 21 августа и окончилось 21 мая.

8) *Ежедневное распредѣленіе учебныхъ занятій* въ школѣ въ отчетномъ году было слѣдующее: уроки начинались въ 9 часовъ утра и продолжались до 1 часу пополудни. Ежедневно утромъ было 4 урока, по 45 минутъ каждый, съ промежутками между 1 и 2 и 3 и 4 уроками въ 15 минутъ, а между 2 и 3 уроками въ полчаса. Отъ 1—3 часовъ по полудни назначался промежутокъ для обѣда. Отъ 3—5 часовъ по полудни происходили практическія занятія съ школьниками воспитанницъ училища. Время этихъ занятій раздѣлялось на 3 урока, по полчаса каждый, съ промежутками между каждыми двумя уроками въ 15 минутъ. Каждый урокъ, утромъ и послѣ обѣда, предварялся и заканчивался молитвою, которую учащіеся читали по очереди.

9) *Практическія занятія воспитанницъ училища въ школѣ* въ отчетномъ году устроены были слѣдующимъ образомъ: а) Ежедневно по двѣ воспитанницы V класса присутствовали утромъ на всѣхъ урокахъ законоучителя и учительницы, присматриваясь и прислушиваясь къ тому, какъ должно вестись элементарное преподаваніе, и такимъ образомъ подготавливались къ дѣятельному участию въ преподаваніи по переходѣ въ VI классъ. б) Воспитанницы VI класса, приучаясь къ управленію школою, ежедневно по двѣ, присутствовали на урокахъ законоучителя и учительницы, помогали имъ въ надзорѣ за учащимися какъ во время уроковъ, такъ въ промежуткахъ между ними, раздавали дѣтямъ и собирали отъ

нихъ учебныя принадлежности, и въ классномъ журналѣ записывали содержаніе каждаго урока; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, по очереди, руководили дѣтьми и наблюдали за исполненіемъ заданныхъ имъ самостоятельныхъ работъ въ тѣ часы, когда учительница давала урокъ въ другомъ отдѣленіи. в) Для приобрѣтенія навыка въ преподаваніи, воспитанницы VI класса въ послѣобѣденные часы, отъ 3—5 по полудни, репетировали съ дѣтьми уроки, преподаваемые утромъ, занимаясь каждая съ отдѣльною группою отъ 3—5 учащихся; такъ какъ для этихъ занятій воспитанницы VI класса, были раздѣлены на шесть группъ, то каждая воспитанница участвовала въ этихъ занятіяхъ по одному разу въ недѣлю. Послѣ Рождественскихъ праздниковъ и до конца учебныхъ занятій въ училищѣ во время послѣобѣденныхъ репетиціонныхъ уроковъ воспитанницы VI класса, чередуясь между собою, занималась каждая уже съ цѣлымъ отдѣленіемъ школы. г) Вмѣстѣ съ этимъ, начиная со второй недѣли Великаго поста, воспитанницы VI класса утромъ давали самостоятельные уроки во всѣхъ отдѣленіяхъ школы по русскому и церковно-славянскому языкамъ и по ариѳметикѣ, для чего, подъ руководствомъ учительницы, предварительно составляли подробный планъ урока. Каждый изъ этихъ уроковъ, по окончаніи его, разбирался учительницею или завѣдующимъ школою.

10) *Во всѣ воскресные и праздничные дни* школьники, вмѣстѣ съ учительницею и подъ ея надзоромъ, присутствовали при Богослуженіи въ сосѣдней съ училищемъ кладбищенской церкви, а въ Великій постъ тамъ же говѣли, исповѣдывались и причащались Св. Таинъ.

11) По примѣру другихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній-*годичныхъ экзаменовъ* въ школѣ, въ ознаменованіе радостнаго событія коронаціи Государя Императора, въ отчетномъ году *не было*, по ученики I и II отдѣленій переведены въ слѣдующія отдѣленія по годовымъ балламъ.

12) *Испытанія* ученикамъ школы *на льготу IV разряда по исполненію воинской повинности* и ученицамъ на право полученія свидѣтельствъ объ окончаніи курса одноклассной церковно-приходской школы произведены 21 мая комиссією изъ наблюдателя школы, протоіерея Н. Опикевича, инспектора народныхъ училищъ Харьковскаго уѣзда, Р. Д. Еропкина, учителя Харьковской Александро-Невской двухклассной церковно-приходской школы Н. Арефьева, законоучителя и учительницы школы. Къ испытанію допущены были 6 учениковъ и 6 ученицъ, и всѣ выдержали экзаменъ очень хорошо, почему и получили узаконенныя свидѣтельства.

13) *Учебный годъ закончился* благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, которое 21 мая совершилъ законоучитель школы, при чемъ все положенное, подъ руководствомъ воспитанницъ VI класса, пѣли сами школьники.

14) Изъ учениковъ I-го отдѣленія школы *признаны достойными награды книгами* 5, изъ II отдѣленія 3 и изъ III отдѣленія 6 учащихся. Награды эти розданы имъ лично Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, 26 мая на училищномъ актѣ.

15) Содержалась школа въ отчетномъ году исключительно на средства Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Въ жизни школы въ отчетномъ году произошли два важныя событія.

1) 8 ноября 1895 года завѣдующій школою, инспекторъ классовъ училища, вошелъ въ Совѣтъ съ докладомъ о томъ, что школа эта устроена во всемъ согласно требованіямъ Св. Синода, предписаннымъ для церковно-приходскихъ школъ, что воспитаніе и обученіе въ ней ведутся по изданнымъ Св. Синодомъ программамъ для церковно-приходскихъ школъ и объяснительнымъ къ нимъ запискамъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ школа эта ежегодно даетъ выпуски учениковъ и ученицъ, основательно подготовленныхъ къ испитаніямъ на льготу IV разряда по исполненію воинской повинности и на право полученія свидѣтельствъ о знаніи курса церковно-приходской школы, и что по всемъ этимъ причинамъ школа эта заслуживаетъ быть переименованною „образцовой церковно-приходскою школою“. По этому докладу Совѣтъ училища того же 8-го ноября постановилъ: „Просить Его Высокопреосвященство о переименованіи училищной церковно-приходской школы въ образцовую, о чемъ и довести Епархіальному училищному Совѣту, съ просьбою о ходатайствѣ предъ училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ о назначеніи установленнаго ежегоднаго пособія“. Слѣдствіемъ этого ходатайства было отношеніе предсѣдателя училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 15 іюня 1896 года за № 734, слѣдующаго содержанія: „Признавая необходимымъ отпустить средства на содержаніе образцовой школы при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, училищный при Св. Синодѣ Совѣтъ журнальнымъ опредѣленіемъ отъ 28 мая—5 іюня 1896 года за № 173, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановилъ: 1) отпускать ежегодно..... по 500 р. изъ кредита въ 175,500 р. ассигнуемаго изъ Государственнаго казначейства, на содержаніе образцовой церковно-приходской школы при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, съ тѣмъ, чтобы ассигнованная сумма расходовалась на содер-

жапіе учащихъ въ образцовой школѣ и хозяйственныя нужды сей школы, въ томъ числѣ и на пріобрѣтеніе учебныхъ руководствъ и пособій и 2) отпустить нынѣ же изъ вышеозначеннаго кредита 250 руб. въ распоряженіе Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища на содержаніе во вторую половину сего года, съ 1 іюля 1896 года по 1 января 1897 года, образцовой при училищѣ школы“. На эту послѣднюю сумму (250 р.) Совѣту училища уже открытъ кредитъ въ Харьковскомъ Губернскомъ казначействѣ, о чемъ и увѣдомила Совѣтъ училища Харьковская Казенная Палата отношеніемъ своимъ отъ 8-го іюля настоящаго года за № 18686-мъ.

2) Съ самаго открытія своего училищная церковно-приходская школа помѣщается въ училищномъ дворѣ, въ особомъ флигелѣ, гдѣ находятся службы училища. Помѣщеніе это, строившееся для другой цѣли, а не для школы, не отвѣчаетъ нынѣшнему своему назначенію, да и самое нахожденіе школы въ училищномъ дворѣ по многимъ причинамъ оказывается неудобнымъ для училища. Совѣтъ училища давно сознавалъ необходимость устроить для школы отдѣльное зданіе, вполнѣ для нея приспособленное; но не располагая для этого средствами, по причинѣ другихъ постоянныхъ расходовъ, мирился пока и съ нынѣшнимъ школьнымъ помѣщеніемъ. Но послѣ того какъ въ отчетномъ году школа эта переименована въ „образцовую“, потребность устроить для школы приличное помѣщеніе сдѣлалась неизбежною. Поэтому О. предсѣдатель Совѣта 8-го сего года представилъ въ Совѣтъ училища заявленіе, въ которомъ, указавши на то, что нынѣшнее помѣщеніе школы и нахожденіе ея въ училищномъ дворѣ неудобны и для школы и для училища: для школы потому, что оно, состоя изъ двухъ небольшихъ комнатъ, крайне тѣсно, вслѣдствіе чего изъ множества желающихъ поступать въ школу дѣтей Совѣтъ рѣшилъ принимать не болѣе 80-ти,—для училища потому, что школьники легко могутъ заносить въ училище господствующія въ г. Харьковѣ заразныя болѣзни, и что поэтому Совѣтъ училища намѣренъ въ нынѣшнемъ году приступить къ постройкѣ зданія школы на принадлежащемъ училищу отдѣльномъ дворомъ мѣстѣ, но вслѣдствіе производящейся нынѣ постройки трехъ-этажнаго церковнаго корпуса, стоимостью, по архитектурской смѣтѣ, до 90 тысячъ рублей, не располагаетъ необходимыми для этого средствами, предложилъ Совѣту, не благоугодно ли ему будетъ просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода объ оказаніи пособія училищу изъ общественныхъ суммъ, ассигнуемыхъ на церковно-приходскія школы, въ размѣрѣ 15, или по крайней мѣрѣ, 10 тысячъ рублей (стоимость зданія школы, безъ двороваго мѣста) если и

одновременно, то хотя въ теченіе двухъ лѣтъ, безъ какового пособія зданіе училищной церковно-приходской школы едва ли можетъ быть устроено въ скоромъ времени. Въ этомъ смыслѣ Совѣтомъ и сдѣлано постановленіе, которое 10 того же іюня утверждено Его Высокопреосвященствомъ. Въ скоромъ времени послѣ этого Владыка благоволилъ ходатайствовать предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода о просимомъ Совѣтомъ училища пособіи, и въ отвѣтъ на свое ходатайство получая отношеніе Его Высокопревосходительства отъ 1 іюля настоящаго года за № 877, въ коемъ изъяснено, что „кредитъ, ассигнованный Государственнымъ Казначействомъ Св. Синоду въ пособіе однокласснымъ церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты въ 1896 году, уже весь израсходованъ, что на устройство особыхъ помѣщеній для образцовыхъ школъ какъ при духовныхъ семинаріяхъ, такъ и при епархіальныхъ женскихъ училищахъ, училищнымъ при Св. Синодѣ Совѣтомъ отпускается не свыше 2000 р. на каждую школу и что означенная сумма могла бы быть отпущена въ слѣдующемъ слѣдующемъ году“. Это отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода сдано Его Высокопреосвященствомъ въ Совѣтъ училища при слѣдующей резолюціи отъ 13 іюля настоящаго года: „предлагаю Совѣту женскаго Епархіальнаго училища въ будущемъ году возобновить ходатайство въ указанномъ порядкѣ“. Ободренный, такимъ образомъ, надеждою на полученіе пособія отъ Св. Синода, Совѣтъ 2 сентября сего года постановилъ просить разрѣшенія Его Высокопреосвященства приступить къ устройству зданія образцовой училищной церковно-приходской школы по плану, составленному Епархіальнымъ архитекторомъ. По этому плану, рассмотрѣнному и одобренному въ томъ же засѣданіи Совѣта, зданіе школы будетъ построено на принадлежащемъ училищу и находящемся почти противъ воротъ его отдѣльномъ дворовомъ мѣстѣ и будетъ заключать въ себѣ 3 просторныхъ классныхъ комнаты (для трехъ отдѣленій школы), комнату для учительницы, пріемную для воспитанницъ училища, приходящихъ для занятій въ школѣ, раздѣвальную для учениковъ школы и помѣщеніе для сторожа. Въ настоящее время стѣны школьнаго зданія возведены уже почти вполнѣ и, надо полагать, будущимъ лѣтомъ зданіе будетъ вполнѣ окончено и отдѣлано, такъ что съ будущаго 18⁹⁶/97 учебнаго года училищная образцовая церковно-приходская школа будетъ пользоваться и образцовымъ помѣщеніемъ.

Епархіальныя извѣщенія.

Награждены скуфьею священники: Николаевской церкви с. Алексѣевки, Зміевского уѣзда, Павелъ *Реутскій*; Троицкой церкви с. Василевки, Ле-

бедискаго уѣзда, Ѳеодоръ *Заводовскій* и Николаевской церкви с. Групи, того же уѣзда, Іоаннъ *Стефановъ*.

— Награждены набедреникомъ священники: Дмитріевской церкви с. Шевелевки, Зміевского уѣзда, Никпфоръ *Полянскій*; Преображенской церкви сл. Преображенска, Іаковъ *Стаховичъ* и Покровской церкви сл. Глазуповки, Петръ *Бѣликовъ*.

— Священникъ Николаевской церкви сл. Гіенки, Харьковскаго уѣзда, Евгеній *Чекаловъ*, согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ за штатъ, а на его мѣсто опредѣленъ окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи, Василій *Власовъ*.

— Окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи по 1-му разряду, надзиратель оной, Михаилъ *Служкій*, опредѣленъ священникомъ къ Александро-Невской церкви г. Харькова, на мѣсто священника Евсевія *Веніамина*, опредѣленнаго къ церкви Харьковскаго Кирилло-Меодіевскаго кладбища.

— Діаконъ Михайловской церкви г. Харькова, Николай *Даниловъ*, опредѣленъ на псаломщичью вакансію къ церкви Кирилло-Меодіевскаго кладбища, а на его мѣсто — діаконъ Троицкой церкви с. Черкаскаго Бишкена, Зміевского уѣзда, Григорій *Грабовскій*, на вакансію псаломщика.

— Псаломщикъ Вознесенской церкви сл. Люботина, Валковскаго уѣзда, Константинъ *Стефановскій*, опредѣленъ на праздное діаконское мѣсто къ Покровской церкви, сл. Малой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ сынъ псаломщика, окончившій курсъ ученія въ народномъ училищѣ, Григорій *Торанскій*.

— Штатный діаконъ Покровской церкви с. Покровской, Ахтырскаго уѣзда, Мелетій *Црусскій*, волею Божіею умеръ.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: къ Анпозачатьевской церкви с. Ильмовъ, Сумскаго уѣзда, крест. Іоаннъ *Левченко*; къ Троицкой церкви с. Славгородка, Ахтырскаго уѣзда, крест. Кирилъ *Супрунъ*; къ Предтеченской церкви с. Видновки, Ахтырскаго уѣзда, крест. Николай *Кондратенко*; къ Троицкой церкви с. Анненскаго, Сумскаго уѣзда, крест. Павелъ *Абрамовъ* и къ Базанской церкви с. Басовки, Сумскаго уѣзда, крест. Іоаннъ *Матвѣенко*.

— Церковный староста Архангело-Михаиловской церкви заштатн. гор. Бѣлополья, Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Лиманъ*, уволенъ, согласно прошенію, по слабости здоровья, отъ должности.

— Церковный староста Соборно-Покровской церкви г. Купянска, Иванъ *Добрынинъ*, согласно прошенію, уволенъ отъ должности.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Вселенскій патріархъ Константинъ III.—Дѣятельность церковныхъ братствъ.—Мѣры противодѣйствія сектантской пропаганды.—Участіе наблюдателей церковно-приходскихъ школъ въ противосектантской миссіи.—Новая секта.—Архипастырское распоряженіе относительно брачныхъ торжествъ.—Къ вопросу объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства.—Одно изъ средствъ матеріальнаго обезпеченія церковно-приходскихъ школъ.—Законодательное распоряженіе относительно попечительствъ о народной трезвости.—Новый порядокъ испытанія для лицъ домашняго образованія.

По сообщенію столбичныхъ газетъ, на Константинопольскій патріаршій престолъ избранъ митрополитъ Эфесскій Константинъ. Святѣйшій владыка родился въ ноябрѣ 1833 года въ одной изъ живописныхъ мѣстностей острова Хиоса, называемой Весса, отъ священника Николая Валіадисъ и жены его Маріи, отличавшейся умомъ и благочестіемъ. Первоначальное образованіе и воспитаніе онъ получилъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ родного своего дяди въ монастырѣ Св. Георгія на островѣ Хиосѣ, а спустя два года былъ взятъ своимъ отцомъ въ городъ Латоми, гдѣ своими дарованіями и способностями обратилъ на себя вниманіе тогдашняго митрополита Хиосскаго Софронія, нынѣ патріарха Александрійскаго, который принялъ юношу подъ свое покровительство, опредѣлявъ его въ мѣстную гимназію, гдѣ онъ и окончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Спустя годъ по окончаніи гимназическаго курса, Константинъ Валіадисъ поступилъ, благодаря тому же митрополиту Софронію, въ Халкинскую богословскую школу, въ которой и окончилъ курсъ въ 1857 году, а затѣмъ поступилъ преподавателемъ греческаго училища въ Синопѣ. Спустя полтора года, онъ, по нездоровью, принужденъ былъ возвратиться въ Константинополь, откуда, по совѣту врачей, для поправленія слабаго здоровья, уѣхалъ въ Аѳины, гдѣ и пробылъ до 1862 года, слушая лекціи по богословскому факультету Аѳинскаго университета. Возвратившись затѣмъ къ митрополиту Софронію занимавшему тогда Амассійскую кафедру, онъ оставался при немъ въ качествѣ секретаря вплоть до избранія владыки Софронія на патріаршій престолъ, котораго и сопровождалъ въ Константинополь, гдѣ и былъ рукоположенъ патріархомъ въ 1864 года въ санъ іеродіакона. Во все время патріаршества Софронія онъ продолжалъ оставаться личнымъ секретаремъ его святѣйшества, отказываясь отъ предлагавшагося ему мѣста прото-снѣкела патріархіи и перваго секретаря Супода. По оставленіи

патріархомъ Софроніемъ вселенскаго престола, молодой іеродіаконъ Константинъ послѣдовалъ за владыкой, оставшись при немъ секретаремъ, а спустя годъ былъ посланъ патріархомъ для завершенія богословскаго образованія въ Страсбургъ, гдѣ слушалъ знаменитыхъ тогда французскихъ профессоровъ въ процвѣтавшей тамъ богословской школѣ; но спустя три года, въ виду возникшей Франко-Германской войны, онъ долженъ былъ во 1870 году оставить Страсбургъ и переѣхалъ въ Швейцарію, а затѣмъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ университетѣ и посѣтилъ многіе прпрейвскіе города, а также Парижъ и Лондонъ: откуда въ 1872 году возвратился въ Константинополь, за нѣсколько дней до созванія собора по болгарскому церковному вопросу. Будучи несомненно избранъ членомъ и секретаремъ этого собора, онъ, по окончаніи его дѣйствій, отправился съ патріархомъ Софроніемъ въ Александрію, откуда спустя полгода снова возвратился въ Константинополь въ патріаршество Аиѳима VI. По восшествіи на патріаршій престолъ Іоакима II, онъ служилъ въ патріархіи сначала личнымъ секретаремъ патріарха, а затѣмъ главнымъ секретаремъ Св. Синода, а въ 1874 году рукоположенъ патріархомъ въ санъ іеромонаха, а въ 1876 возведенъ въ санъ митрополита Митиленскаго, каковою епархіей управлялъ въ теченіе 18 лѣтъ. За это время онъ нѣсколько разъ былъ вызываемъ въ Константинополь для присутствія въ Св. Синодѣ, гдѣ его выдающіяся способности снискали ему особенное уваженіе. Въ 1893 году онъ былъ поремѣщенъ на кафедру Эфесскую, съ которой и призывается нынѣ къ высшему служенію въ Церкви.

— По словамъ «Цер. Вѣст.», въ послѣднихъ собраніяхъ православныхъ братствъ сдѣланы существенныя сообщенія о примѣняемыхъ и намѣчаемыхъ братствами средствахъ для вразумленія сектантовъ, а также о томъ, къ какимъ недостойнымъ способамъ прибѣгаютъ иногда наши сектанты и въ какую сторону должны быть направлены по мѣстамъ преимущественно труды православнаго духовенства. Изъ отчета о дѣйствіяхъ Одесскаго Свято-Андреевскаго братства за 1896 г., видно, что главнымъ орудіемъ братства въ борьбѣ съ сектантствомъ служила устная живая проповѣдь миссіонеровъ братства, коихъ въ отчетномъ году было девять: 1 епархіальный, 7 окружныхъ изъ священниковъ разныхъ мѣстностей епархіи и 1 разъѣздной; кромѣ того былъ книгоноша у братства. Въ минувшемъ году присоединено къ православію изъ

штунды и шалопутства болѣе 200 лицъ. Общее состояніе и развитіе сектантства въ епархіи не представляетъ особыхъ опасеній для православныхъ, хотя сектанты хитры и иногда безчестно дерзки въ изобрѣтеніи средствъ для большаго распространенія своего лжеученія. Такъ въ минувшемъ году они образовали въ одномъ пунктѣ (м. кривомъ Рогѣ) «Общество трезвости», записавшись въ члены таковаго общества, устроеннаго съ разрѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ въ слоб. Головчинѣ, курской губерніи. Однимъ изъ параграфовъ устава общества предоставлено право открытой проповѣди противъ пьянства и невоздержанія. Всѣми чтимый пастырь церкви о. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадскій) далъ соизволеніе совѣту этого общества на распространеніе въ народѣ одного изъ своихъ поученій противъ пьянства. Выставляя на видъ это поученіе, шалопуты распространяютъ и свои изданія сектантскаго направленія, увѣряя, что о. протоіерей Іоаннъ Кронштатскій раздѣляетъ ихъ ученіе.

— Въ собраніи тульскаго епархіальнаго Братства во имя св. Іоанна Предтечи, бывшемъ въ день исполнявшейся десятой годовщины братства, было сдѣлано предложеніе о расширеніи братской дѣятельности, въ виду распространенія въ епархіи нѣкоторыхъ религіозныхъ заблужденій. Епархіальный журналъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее. Въ видахъ расширенія просвѣтительной дѣятельности братства и особенно для возбужденія, при посредствѣ членовъ братства, въ православномъ нашемъ обществѣ сочувствія и содѣйствія противораскольническому и противосектантскому миссіонерству, преосвящ. Питиримъ предложилъ къ существующимъ четыремъ отдѣламъ совѣта братства прибавить еще отдѣлъ миссіонерскій. Владыка выяснилъ исключительное положеніе тульской епархіи относительно раскола и раціоналистическаго сектантства. Здѣсь, правда, не особенно распространены расколъ, о штундѣ и помина нѣтъ. Но зато близъ Тулы и въ самой Тулѣ живутъ два писателя, распространяющіе свои гектографированныя (подпольныя) богохульныя писанія, проповѣдающіе едва ли не во всей Россіи религію раціоналистическаго невѣрія и раскольническаго лжевѣрія и суевѣрія. Собраніе единогласно приняло это предложеніе.

— По мнѣнію «Цер. Вѣст.», трудъ пастырскій обращенный на устраненіе вреда, который причиняется сектантской пропагандой, былъ бы наиболѣе успѣшенъ, если бы священникъ могъ опираться на помощь лучшихъ изъ своихъ прихожанъ. Надлежащій составъ

такихъ прихожанъ могъ бы быть найденъ, кромѣ имѣющихся по мѣстамъ такъ называемыхъ миссіонерскихъ кружковъ, въ существующихъ церковно-приходскихъ попечительствахъ, или могъ бы быть организованъ въ видѣ такихъ же попечительствъ, которыя были бы вновь открыты. Заботясь о благоустройствѣ церкви во всѣхъ отношеніяхъ, о благосостояніи православныхъ кладбищъ и причтовыхъ домовъ и объ оказаніи матеріальной помощи нуждающимся прихожанамъ, церковныя попечительства, наравнѣ съ этимъ, вполне согласно съ указанными имъ задачами, могли бы прилагать попеченія и къ распространенію религіознаго просвѣщенія не только среди учащагося поколѣнія, какъ это нынѣ дѣлается, но и среди прихожанъ, подпавшихъ подъ сектантское вліяніе.

— Въ епархіальныхъ періодическихъ изданіяхъ дѣлаются и другія указанія на предстоящіе православному духовенству разнообразныя пастырскіе труды, которыхъ требуетъ жизнь. По отношенію къ западному и юго-западному краю давно уже оказывалось, между прочимъ, что такъ называемое дополнительное богослуженіе на польскомъ языкѣ въ мѣстныхъ римско-католическихъ церквахъ заключаетъ въ себѣ не мало привлекательнаго не только для католиковъ, но и для нѣкоторыхъ православныхъ, живущихъ среди католиковъ и понимающихъ польскій языкъ. Больше всего привлекаетъ этихъ православныхъ происходящее во время дополнительнаго богослуженія общее пѣніе религіозныхъ пѣснопѣній на польскомъ языкѣ. Въ послѣднее время на это обстоятельство обращено вниманіе подольскаго духовенства въ «Под. Еп. Вѣд.». „Такъ какъ дополнительное католическое богослуженіе привлекаетъ къ себѣ въ извѣстной мѣрѣ не только католическое, но и православное населеніе, которому нравится общее церковное пѣніе, то—говоритъ епархіальный органъ—необходимо нашимъ православнымъ пастырямъ обратитъ усиленное вниманіе на обученіе прихожанъ православныхъ съ голоса церковному пѣнію въ такой степени, чтобы весь народъ въ храмѣ могъ пѣть богослужебныя пѣснопѣнія, по крайней мѣрѣ болѣе употребительныя, и принимать непосредственное участіе въ богослуженіи церковномъ. Во многихъ мѣстахъ это уже заведено и несомнѣнно способствуетъ религіозному назиданію православной паствы. Намъ случалось быть свидѣтелями того, что въ сельскихъ приходскихъ храмахъ весь присутствующій народъ, мужчины и женщины, возрастные и дѣти, всѣ сообща поютъ пѣснопѣнія на литургіи. Думаемъ, что то же самое можетъ быть

достигнуто, конечно, при большихъ усиляхъ, и въ нашихъ городскихскихъ храмахъ. Необходимо только для этой цѣли употребить съ извѣстнымъ распредѣленіемъ послѣбогослужебное время въ воскресные и праздничные дни. Быть можетъ окажется возможнымъ совмѣстить или чередовать это съ внѣбогослужебными собесѣдованіями въ воскресные и праздничные дни. Старинный сборникъ религіозныхъ пѣснопѣній, подъ названіемъ «Богослужитель», исправленный и изданный Холмскимъ православнымъ братствомъ для русскаго народа Холмскаго края, можно бы дать народу и нашего края и по немъ можно бы ученикамъ школъ пѣть нѣкоторыя издательскія пѣснопѣнія на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ и въ другихъ случаяхъ, и такимъ образомъ эти пѣснопѣнія постепенно вытѣсняли бы изъ употребленія польскія религіозныя пѣсни и рождественскія коляды. При такихъ условіяхъ религіозное чувство русскаго народа въ нашемъ краѣ нашло бы для себя полное удовлетвореніе въ благоговѣйныхъ пѣснопѣніяхъ на родномъ языкѣ и польскія религіозныя пѣсни не служили бы соблазномъ для православныхъ».

— Кіевское епархіальное начальство, какъ сообщаетъ «Мис. Обоз.», дѣлая распоряженіе относительно усилія дѣятельности епархіальныхъ миссіонеровъ, выразило слѣдующее желаніе: нынѣ, съ учрежденіемъ новой должности уѣздныхъ наблюдателей церковно-приходскихъ школъ, желательно было бы имѣть въ снхъ должностныхъ лицахъ дѣятельныхъ пособниковъ противосектантской миссіи въ епархіи въ томъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, чтобы уѣздными наблюдателями обращено было особенное вниманіе на улучшеніе школьнаго дѣла въ приходахъ зараженныхъ штундизмомъ, чтобы наблюдатели внушали способнымъ учителямъ, преимущественно изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, оказывать по мѣрѣ возможности мѣстному приходскому священнику живое содѣйствіе въ миссіонерской его дѣятельности, побуждали учителей къ организаціи церковныхъ хоровъ и даже общаго пѣнія всѣми молящимися, по крайней мѣрѣ—главныхъ пѣснопѣній утрени и литургій, къ учрежденію внѣ-богослужебныхъ религіозно-нравственныхъ чтеній въ помѣщеніи школы въ дни праздничные и поощренію чтенія книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія прихожанами на дому, а школьниковъ поощряли бы, между прочимъ, къ чтенію на клиросѣ и прислуживанію въ алтарѣ во время службъ церковныхъ.

— Въ Туркестанскомъ краѣ, по словамъ «Окр.», возникла новая мусульманская секта, напоминающая нашихъ хлыстовъ. Каждодневно, при наступленіи сумерокъ, шейхъ секты кричитъ „азанъ“, созывая своихъ правовѣрныхъ муридовъ: по азану всѣ муриды, какъ женщины, такъ и мужчины, выходятъ изъ домовъ и юртъ, направляясь къ мечети; до самаго входа въ нее они громко поютъ: „гимкинъ китти Илляха, куйнимъ китти Илляха“. Съ этими восклицаніями входятъ они въ мечеть. Мечеть сектантовъ тоже своеобразна и не похожа на мусульманскія мечети; она представляетъ собою простую саклю, состоящую изъ двухъ комнатъ, безъ всякихъ украшеній и изображеній, только полъ устланъ войлоками. Во внутренней комнатѣ, противъ входной двери, во время намаза, т. е. молитвы, и послѣ нея возсѣдаетъ самъ мудрый шейхъ, около котораго лежитъ масса книгъ и калотданъ (пеналь, въ которомъ, кромѣ перьевъ и ручекъ, помѣщается черпильница). Сидя на этомъ мѣстѣ, онъ отмѣчаетъ не явившихся муридовъ по книгѣ секты. По сборѣ всѣхъ муридовъ въ мечеть, начинается общее моленіе, такое же, какъ у всѣхъ мусульманъ; по окончаніи его, шейхъ садится впереди муридовъ и читаетъ молитву изъ Корана, изреченія святыхъ, въ особенности Алія и Хазретъ Султана-Ходжа-Ахметъ Яссави, а муриды послѣ каждой имъ прочитанной молитвы поютъ хоромъ то же, что они поютъ, идя въ мечеть, и начинаютъ плакать. Послѣ долгихъ усиленныхъ пѣній и слезъ всѣ присутствующіе приходятъ въ изнеможеніе и, такъ сказать, ошалѣваютъ настолько, что врядъ-ли видятъ другъ друга; затѣмъ гасится чиракъ (свѣтильникъ) и моленіе переходитъ въ самую грубую, циническую оргію, длящуюся до разсвѣта.

— Преосвященный Самарскій Гурій на одномъ изъ журналовъ консисторіи наложилъ, по словамъ «Сам. Еп. Вѣд.», слѣдующую, достойную вниманія, резолюцію относительно провозженія брачныхъ торжествъ: „Надобно рекомендовать священникамъ, чтобы ни силою своего пастырскаго вліянія старались дѣйствовать на народъ, удерживая его отъ увлеченія пьянствомъ при свадьбахъ, при чемъ требуется разъяснить ему, что бракъ есть священное таинство и что къ нему, поэтому, слѣдуетъ приготовляться жениху и невѣстѣ для воспріятія въ немъ благодати Божіей, какъ и ко всякому другому таинству, во страсѣ Божіемъ, молитвою и постомъ и чтобы этому ихъ приготовленію ничто не препятствовало, тѣмъ болѣе предбрачныя гульбища пьянствующей компаніи родственниковъ

и знакомыхъ жениха и невѣсты... Не за то ли Господь, Праведный Судія, подвергаетъ нерѣдко несчастіямъ супружеской и семейной жизни супруговъ, что они достойнымъ образомъ не приготовились къ заключенію своего супружескаго союза въ свитомъ таинствѣ брака, сколько по собственному своему нравственному нерадѣнію объ этомъ, столько же, — можетъ быть, даже и болѣе, — по винѣ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, предававшихся гнусному пьянству на ихъ предбрачныхъ пиршествахъ?!. Къ прискорбію, надо сознаться, даже у языческихъ инородцевъ не бываетъ такого ужаснаго разгула при бракахъ, какой бываетъ у русскихъ православныхъ христіанъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ, отчего происходитъ не малый соблазнъ среди разнаго рода пновѣрцевъ изъ русскихъ и не русскихъ, которые, смотря на это ужасное пьянство на свадьбахъ, дозволяютъ себѣ дерзко хулить и издѣваться надъ святою церковію, яко бы соизволяющею на это непотребство при свадьбахъ русско-православнаго люда. Между тѣмъ св. церковь заповѣдуетъ свято отправлять свадебныя пиршества: „Не подобаетъ христіанамъ, на браки ходящимъ, внушаетъ она Духомъ Святымъ, скакати или плясати, но скромно вечеряти и обѣдати, какъ прилично христіанамъ“ (Лаодик. собор. пр. 53). Такимъ образомъ, тяжкій грѣхъ соблазна при свадебныхъ гульбищахъ нашихъ русскихъ православныхъ христіанъ всецѣло падаетъ на участниковъ въ оныхъ, забывающихъ при этомъ стыдъ и совѣсть и все святое и священное. По истинѣ, ими пмя Божіе и св. церковь хулятся чрезъ это во языцѣхъ! И какъ по этому не ожидать кары небесной на виновниковъ этихъ гульбищъ, т. е. на жениха и невѣсту, вступающихъ въ бракъ... Она, эта небесная кара, и посылается Богомъ въ неуройствахъ и несчастіяхъ ихъ семейной и супружеской жизни. Горе человѣку, пмже соблазнъ приходитъ: Богъ поругаемъ не бываетъ нашими беззаконіями и страстями... Въ виду этого, надобно всячески разъяснить, упрямивать и умягивать ихъ и особенно ихъ родителей, устроить брачныя пиршества со скромностію и брагоприличіемъ, безъ пьянства, безъ плясокъ и всякихъ непотребствъ, чтобы и въ этомъ отношеніи бракъ былъ о Господѣ“.

— Вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго быта сельскаго духовенства продолжаетъ обсуждаться въ свѣтской печати. Такъ, въ «Моск. Вѣд.» помѣщено заслуживающее вниманіе письмо, въ которомъ авторъ указываетъ на неудовлетворительное состояніе мате-

ріального быта духовенства и предлагаетъ мѣры къ его улучшенію. „Возьмемъ священника, пишетъ авторъ, даже не бѣднаго, а средняго прихода. Въ большинствѣ случаевъ онъ получаетъ всѣхъ доходовъ не болѣе 600 р. На эти деньги ему нужно жить самому, то-есть имѣть приличную одежду, — ибо носить лапти и пахать, какъ было раньше, теперь уже нельзя, — поддерживать мало-мальски приличную обстановку и имѣть въ запасѣ что-либо для приѣма гостей, — безъ чего, по существующимъ обычаямъ, придется отрѣшиться отъ общенія съ людьми и одичать — имѣть книги платить за обученіе, въ самомъ счастливомъ случаѣ, двоихъ, а то четырехъ и пяти дѣтей, готовить приданое дочерямъ. Прямо непонятно какъ онъ все это умѣетъ дѣлать на такія средства, а онъ дѣлаетъ, живетъ и воспитываетъ дѣтей. Можно судить какъ онъ колотится! Для примѣра я взялъ священника средняго прихода. Какъ же долженъ рваться на части священникъ бѣднаго, чтобъ удовлетворить не прихоти, а насущныя потребности даже скуднаго существованія! Послѣ этого, что же мудренаго, что тяжкая забота о существованіи подрываетъ пастырскую миссію? Эта необеспеченность, съ одной стороны, понижаетъ въ священникѣ заботу о своемъ пастырскомъ назначеніи съ другой — какъ послѣдствіе — порождаетъ въ прихожанахъ извѣстную степень недовольства противъ своего руководителя“. По мнѣнію автора, необходимо, измѣнить условія, въ которыхъ духовенство теперь поставлено. Съ этою мыслью согласны всѣ, она находить всеобщій отголосокъ, неоднократно появлялась въ печати и занимала и занимаетъ умы людей правящихъ. Весь вопросъ заключается въ томъ — какъ осуществить ее. Обыкновенно останавливались на двухъ способахъ: на назначеніи жалованья отъ правительства и на жалованіи отъ прихожанъ. Но если первый способъ крайне затруднителенъ, такъ какъ, по приблизительному разчету, казнѣ пришлось бы выплачивать до 40 милліоновъ въ годъ, то второй прямо не приемлемъ, ибо поставить священниковъ въ положеніе сельскихъ учителей, зачастую по полугодю не получающихъ жалованья, значитъ не уничтожить тяжелую зависимость отъ прихожанъ, а напротивъ, прибавитъ еще новую, и можетъ быть худшую — зависимость отъ сельскаго начальства, черезъ руки коего будутъ проходить эти деньги. Отказываясь отъ обоехъ способовъ авторъ предлагаетъ слѣдующій. „Предварительно долженъ замѣтить, пишетъ онъ, насколько я могъ понять изъ личныхъ наблюденій

и разговоровъ со многими священниками, — доходъ въ 800 руб. деньгами считаютъ идеальнымъ обезпеченіемъ, лишь бы получать ихъ аккуратно въ опредѣленный срокъ. Теперь вспомнимъ что, какъ во время оно колѣну Левитовъ, такъ въ ближайшее къ намъ — духовенству, и обычаемъ и закономъ опредѣлено было содержаться и существовать на средства другихъ сословій. Въ началѣ оно получало десятую часть съ доходовъ, и эту „десятинну“ исправно и наравнѣ платили всѣ сословія. Духовный классъ былъ обезпеченъ и имѣлъ подобающее значеніе. Но времена измѣнчивы: теперь наше сельское духовенство, вмѣсто десятины, должно довольствоваться тѣмъ что сумѣетъ получить отъ прихода, и такъ какъ онъ состоитъ почти исключительно изъ крестьянъ, то все тому же мужику приходится, вмѣстѣ съ другими платежными тяготами, нести на своихъ плечахъ и бремя содержанія священника, а мы, люди другихъ сословій, люди имущіе, въ этомъ почти не участвуемъ. Миѣ думается что положеніе, при которомъ крестьянинъ, владѣлецъ дарственнаго, надѣла несетъ послѣдній рубль батюшкѣ, а владѣлецъ 30 тысячъ десятинъ земли, если не живетъ въ своемъ имѣніи, ничего ему не платитъ, — не нормально. Справедливость подсказываетъ, что гораздо лучше уравнять эту тяжесть на всѣхъ прихожанъ, такъ какъ взиманіе всякихъ поборовъ имѣетъ тяготѣніе къ имуществу, то и расходъ этотъ должно разложить на каждую десятину всего прихода... Налогъ этотъ, теперь всецѣло несомый одними неимущими крестьянами, будучи разложенъ и на землевладѣльцевъ, окажется далеко нетяжелымъ. Возьмемъ для примѣра тотъ приходъ, въ которомъ живу. Онъ очень не великъ, а потому болѣе пригоденъ для моей цѣли, такъ какъ тутъ постановка дѣла труднѣе чѣмъ въ большомъ и богатомъ. Въ немъ на 288 дворовъ числятся 730 душъ мужескаго пола и около 5400 десятинъ какъ владѣльческой, такъ и крестьянской земли. Священникъ вмѣстѣ съ псаломщикомъ, кромѣ другихъ доходовъ натурой и землей, получаетъ до 800 рублей. Слѣдовательно, на содержаніе причта одними деньгами съ каждой души сходятъ болѣе 1 рубля и около трехъ рублей съ двора. Если принять средній доходъ крестьянской семьи во 150 руб., то выходитъ что на этотъ предметъ она тратитъ свыше 2%, то-есть, другими словами, для того чтобы поровняться съ мужикомъ, наша владѣльческая семья, получающая 10 тысячъ годоваго дохода, должна платить на тѣ же надобности 200 руб., а это конечно, страшно много. Теперь, разложивъ эти 800 р. на 5400 десяти-

тинъ, получимъ около 15 копѣекъ съ каждой. Картпна сразу мѣняется: крестьянской семьѣ придется платитъ въ среднемъ не болѣе рубля. Въ приходѣ же многоземельномъ, каждая десятпна заплатитъ гораздо меньше. Такимъ образомъ этотъ расходъ распредѣлится совершенно правильно не только между землевладѣльцемъ и крестьянами, но и среди этихъ послѣднихъ, такъ какъ различныя общества неравномѣрно надѣлены землей. Разумѣется, подобный налогъ долженъ быть государственнымъ, деньги должны собираться общимъ порядкомъ взиманія податей, и жалованье священникъ долженъ получать непремѣнно изъ казначейства“. Во избѣжаніе нѣкоторыхъ злоупотребленій какъ напр. — священникъ можетъ макипровать своими обязанностями или иной прихожанпнъ каждый день будетъ служить молебны, сорокоусты, панихпды, авторъ предлагаетъ кромѣ жалованья оставить небольшую опредѣленную плату за требы. Пусть эта плата составитъ только четвертую часть доходовъ священника; если къ ней прибавитъ еще п то, что онъ получаетъ въ настоящее время изъ казны (около 100 р.), п сумму эту вычестъ изъ положенныхъ 800 р., то остатокъ совершенно легко ляжетъ на землю. „Не смѣю утверждать, заключаетъ авторъ, но думается мнѣ что такимъ образомъ можно разрѣшитъ жпвотрепещущій, давно назрѣвшій вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго быта сельскаго духовенства. Конечно, при осуществленіи проекта встрѣтятся не мало затрудненій, которыя потребуютъ всесторонней разработки, встрѣтятся даже много такихъ мѣстностей, гдѣ онъ окажется непримѣнимымъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нужно было забраковать п тамъ, гдѣ онъ легко осуществимъ. Эта крупная государственная реформа, которая коснется самой сути п основы народной жизни, разумѣется, требуетъ глубокой п детальной разработки, поэтому я п не могу претендовать на принятіе проекта цѣликомъ, а лишь высказываю настоящею статьей свое непоколебимое убѣжденіе въ вѣрности его основной идеи, ибо подобная постановка дѣла не обременитъ чрезмѣрно землевладѣльцевъ, облегчитъ тяжелое бремя крестьянъ п обезпечитъ духовенство“.

— «Кіев. Еп. Вѣд.» сообщаютъ, что со стороны г. Начальника края послѣдовало циркулярное распоряженіе, въ которомъ указывается, что «твердая постановка народнаго образованія въ духѣ Православной церкви составляетъ въ настоящее время особую заботу правительства. Благодаря вспомоществованію отъ казны, церковно-приходскія школы получили нынѣ правильную организацію п могутъ имѣть дальнѣйшее широкое развитіе, но при условіи,

если и само народонаселеніе пойдетъ навстрѣчу правительству въ этомъ дѣлѣ. Православному населенію необходимо позаботиться, чтобы учителя церковно-приходскихъ школъ были хорошо обеспечены въ матеріальномъ отношеніи и не были бы поставлены въ необходимость переходить съ одного мѣста на другое, какъ это замѣчается теперь. Однимъ изъ существенныхъ условій матеріальнаго обеспеченія школы слѣдуетъ признать надѣленіе ея землею. Достаточное количество земли при школѣ дастъ учителю возможность обзавестись своимъ хозяйствомъ, имѣть огородъ, садикъ, заниматься пчеловодствомъ, шелководствомъ и т. д. Обеспеченіе земель, доставляя учителю матеріальное довольство, тѣмъ самымъ установитъ болѣе живую связь между школой и учителемъ съ одной стороны, и между учителемъ и односельчанами съ другой. Учитель, такимъ образомъ, явится постояннымъ членомъ своего села, живущимъ одной съ нимъ жизнью, знающимъ интересы и нужды своихъ односельчанъ и тѣмъ съ большей пользой и успѣхомъ онъ можетъ руководить молодымъ поколѣніемъ, при чемъ связь съ землей, несомнѣнно, на долгіе годы прикрѣпитъ его къ одной церковно-приходской школѣ; и на дѣлѣ такой учитель явится не только учителемъ школьнымъ, но и учителемъ народа, въ лучшемъ смыслѣ этого слова». При этомъ поручается мировымъ посредникамъ склонять крестьянскіе сельскіе сходы къ составленію приговоровъ о надѣленіи школъ землею тамъ, гдѣ это, по мѣстнымъ условіямъ, окажется возможнымъ и не будетъ чрезмерно обременительно для крестьянъ. О всѣхъ случаяхъ составленія благоприятныхъ по этому предмету приговоровъ мировые посредники должны сообщать непосредственно въ канцелярію генералъ-губернатора для доклада г. Начальнику Края.

— Живое, безъ сомнѣнія, участіе приметъ духовенство въ содѣйствіи устройству попечительства о народной трезвости, которыя теперь могутъ быть открываемы не только тамъ, гдѣ уже введена питейная реформа, но и тамъ, гдѣ только предстоитъ ея введеніе. Государственный совѣтъ, какъ сообщаетъ «Церк. Вѣст.», рассмотрѣвъ представленіе министра финансовъ по этому предмету, мнѣніемъ положила: предоставить министру финансовъ учреждать въ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ вводится казенная продажа питей, до срока введенія этой продажи, но не ранѣе какъ за полгода, попечительства о народной трезвости и отпускать попечительствамъ, со времени ихъ учрежденія, ассигнуемыя изъ казны на ихъ расходы суммы. Его Императорское Величество изложенное

мнѣніе Государственнаго совѣта, 17-го февраля 1897 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

— Министерство Народнаго просвѣщенія, желая, съ одной стороны, предоставить родителямъ, воспитывающимъ дѣтей дома, способы давать имъ возможно болѣе правильное образованіе и слѣдить за ихъ успѣхами, а съ другой, желая поставить получающихъ домашнее воспитаніе въ условія, по возможности, одинаковыя съ учениками среднихъ учебныхъ заведеній, призвало цѣлесообразнымъ распространить на классы гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ порядокъ испытанія для лицъ домашняго воспитанія, главнѣйшія основанія котораго слѣдующія: лица домашняго воспитанія могутъ въ теченіе времени, назначеннаго для среднихъ учебныхъ заведеній для переводныхъ испытаній, подвергаться такому въ объемѣ программъ тѣхъ классовъ, курсы которыхъ ими пройдены при домашнемъ обученіи; испытанія производятся согласно правиламъ, установленнымъ для приемныхъ испытаній; одно и тоже лицо, подвергалось нѣсколько разъ указаннымъ испытаніемъ, должно каждый разъ сдавать испытаніе въ полномъ объемѣ курса тѣхъ классовъ, за которые оно испытанію не подвергалось. Прошеніе о допущеніи къ повѣрочнымъ испытаніямъ подается за мѣсяць до ихъ начала съ приложеніемъ документовъ в десяти рублей въ пользу экзаменаторовъ; выдержавшимъ выдается свидѣтельство съ обозначеніемъ, что оно предоставляетъ права гражданской службы, а по воинской повинности одинаковыя съ окончившими курсъ среднихъ учебныхъ заведеній.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

ВѢДОМСТВО УЧРЕЖДЕНІИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Журналъ, посвященный всѣмъ вопросамъ, относящимся до благотворительности и общественнаго призванія. Органъ Вѣдомства дѣтскихъ приютовъ. Журналъ издается Центральнымъ Управленіемъ дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, подъ редакціей д. с. с. Е. С. Шумигорскаго. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками объемомъ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ.—Подписная цѣна за годовое изданіе, съ доставкой и пересылкою, три рубля.—Доходъ отъ изданія, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, обращается въ пользу дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.—Подписка принимается въ редакціи (С.-Петербургъ, Казанская ул., 7) — Статьи для напечатанія и всѣ запросы, касающіеся журнала, должны быть адресуемы исключительно въ редакцію.— Редакція для личныхъ объясненій открыта, исключая воскресные и праздничные дни, ежедневно отъ 2 до 3 час. пополудни.—Отдѣльные №№ продаются по 30 к.—Объявленія принимаются за строчку, или занимаемое ею мѣсто, по 15 коп.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Казанская ул., 7.

Въ Московской Синодальной Типографіи

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

Библия въ русскомъ переводѣ, въ 4 д., большого формата, крупн. граж. печ., въ бум. 3 руб. 10 коп., въ кожѣ или въ коленкѣ съ саф. корешк. съ золот. тиснен. 5 руб. 50 коп.

Первое изданіе Московской Синодальной Типографіи; по четкости шрифта весьма удобно для слабыхъ зрѣній. Параллельныя мѣста вповѣ провѣрены и применены къ тексту русскаго перевода.

Новый заветъ въ русскомъ переводѣ, въ 32 д. л., съ указателемъ Евангельскихъ и Апостольскихъ чтеній на всѣ дни года, въ бум. 22 к., въ коленк. 35 к.

Первое стереотипное изданіе Московской Синодальной типографіи. Шрифтъ очень четкій.

Псалтирь въ русскомъ переводѣ изъ Синодальнаго изданія Библии, въ 8 д., крупн. граж. печ., въ бум. 20 коп.

Изданіе это помѣщалось прежде при Новомъ Заветѣ крупн. печати; въ настоящее время оно выпускается и отдѣльно. Заключаетъ въ себѣ только текстъ псалмовъ.

Псалтирь въ 4 д., большого формата, крупн. цер. печ. Составъ Псалтири учебной. Въ бум. 3 р. 60 к., въ кожѣ 5 руб.

Отпечатано на лучшей бумагѣ, каждый стихъ съ попой строки и киноварной буквы.

Псалтирь въ 4 д., церк. печ., безъ кн. Составъ тотъ же. Каждый стихъ съ отдѣльной строки, въ бум. 65 коп., въ кожѣ 1 р. 15 коп.

Октоихъ (осмогласникъ) въ листъ. Изданіе 19-е, церк. печ., съ кн., 2 книг., въ бум. 7 руб. 25 коп., въ лучшей кожѣ 10 руб. 50 коп.

Служебникъ въ 12 д., церк. печ., съ кин., въ бум. 70 коп., въ кожѣ 1 р. 10 коп., въ коленк. съ саф. корешк. 1 руб. 45 коп.

Типиконъ (Уставъ церковный) въ 8 д., церк. печ., съ кн., въ бум. 3 р. 10 к., въ лучшей кожѣ 4 руб.

Послѣдованіе молебныхъ пѣній въ 4 д., церк. печ., съ кн., въ бум. 80 коп., въ кожѣ 1 руб. 20 коп.

Службы на каждый день Страстной седмицы. Изданіе 3-е, церк. печ., съ кн., въ 4 д., въ 2 кн., въ бум. 2 руб. 90 коп., въ кожѣ 3 руб. 60 коп.

Молитвословъ съ акафистами, граж. печ., въ 62 д., въ бум. 11 коп., коленк. или красн. кожѣ 25 коп.

Поминанье, съ помяникомъ о живыхъ и умершихъ, церк. или граж. печ., въ 32 д., на хорошей бумагѣ, въ коленк. 20 и 15 коп., въ шагренѣ 25 коп.

Выписки изъ старописьменныхъ, старопечатныхъ и др. книгъ, свидѣтельствующія о святости соборной и Апостольской церкви. А. И. Озерскаго. Изданіе 5-е перепечатанное съ четвертаго безъ перемѣнъ. Часть 1-я—въ бум. 50 коп., часть 2-я—въ бум. 70 коп.

Московский сборникъ. 3-е дополненное изданіе К. П. Побѣдоносцева, въ бум. 1 руб. 25 коп.

Побѣда, побѣдившая міръ. 6-е изданіе К. П. Побѣдоносцева, напечатанное безъ измѣненій съ пятаго дополненнаго изданія, въ бум. 35 коп.

Выписки изъ полнаго собранія законовъ, составленныя К. П. Побѣдоносцевымъ, въ 7 тетрадяхъ 1 руб., въ 11 тетрадяхъ 1 р. 50 коп.

Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого. Второе изданіе. Двѣ книжки въ одной оболочкѣ 15 коп., отдѣльно часть первая—10 коп., вторая—5 коп.

Кромѣ того, тамъ же продаются учебныя руководства и пособія изданія Училищаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, вошедшія въ списокъ, составленный по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 27-го Ноября—5-го Декабря 1896 года за № 4000, для второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, причемъ эти книги имѣются въ прочныхъ коломенковыхъ переплетахъ, на изготовленіе которыхъ обращено особое вниманіе.

Книги высылаются съ наложеннымъ платежомъ и отпускаются въ кредитъ на коммиссіонныхъ условіяхъ. При покупкѣ за наличныя деньги дѣлается уступка по установленнымъ правиламъ.

Каталоги съ подробными условіями продажи книгъ высылаются безплатно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

„Русскій Паломникъ“ одобренъ всеми вѣдомствами, въ которыхъ былъ представленъ редакцію, а именно: 1) Учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ допустить къ приобрѣтенію въ библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ, а также въ библіотека епархіальныя и благотворительныя; 2) Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобренъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Рекомендованъ: 3) Учебнымъ Комитетомъ по вѣдомству Императрицы Маріи для женскихъ учебныхъ заведеній сего вѣдомства; 4) главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ сихъ заведеній; 5) Главнымъ Тюремнымъ управленіемъ для тюремныхъ библіотекъ, и сверхъ сего: 6) Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія рекомендованъ особому вниманію Гг. Попечителей учебныхъ округовъ; 7) Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ особому вниманію тюремныхъ комитетовъ; 8) Нѣкоторыми епархіальными Преосвященными особому вниманію духовенства, наконецъ 9) Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1887, 1888 и 1889 годы одобренъ, какъ доставляющій чтеніе, интересное по своему разнообразію и пазидательное, для любителей духовнаго просвѣщенія и христіанскаго благочестія. Годовые подписчики въ теченіи 1897 года получаютъ: 52 еженедѣльныхъ №№. Каждый номеръ въ размѣрѣ двухъ листовъ большаго формата (16 стр. убористой печати) съ 6—8 художественными рисунками, 12 ежемѣсячныхъ книгъ изящно отпечатанныхъ на плотной бумагѣ, объемъ каждая 6—7 листовъ (100—120 страницъ). Бесплатное приложеніе: копію съ иконы новавленнаго чудотворца, святителя Θεодосія архіепископа черниговскаго исполненную въ 20 красокъ, размѣромъ 18¹/₂ д. выш. и 14¹/₂ д. шир. „Русскій Паломникъ“ представляетъ собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго релігіозно-нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями. Содержаніе журнала, благодаря легкому, изящному общедоступному изложенію и художественнымъ рисункамъ дѣлаетъ „Русскій Паломникъ“ пригоднымъ для каждой христіанской семьи, для учащагося юношества, для всѣхъ вообще ревнителей благочестія, для казармъ, богадѣленъ, пріютовъ, больницъ, тюремъ и рабочихъ домовъ. Въ 12 книжкахъ „Русскаго Паломника“ будетъ помѣщено: 1) Задумчивое слово. Сборникъ избранныхъ духовныхъ стихотвореній М. Н. Глинки, В. Майкова, П. Языкова, Мел. Лопухина Хомякова, О. Чюминой и др. 2) Калита. Повѣсть изъ жизни Карвагенскихъ христіанъ. 3) Сѣверъ Россіи и его святыни. Путешествіе по Соловкамъ, Валааму и друг. обителямъ сѣверной Россіи. Очерки и рассказы съ рисунками. 4 и 5) Жизнь и творенія св. Іоанна Златоустаго. Подъ редакціей преосвященнаго Никанора, епископа Смоленскаго 6) Дневникъ о. Іоанна Кронштадтскаго. 7 и 8) На зарѣ христіанства. Большой рассказъ изъ эпохи нероновскихъ гоненій на христіанъ. Передѣлка обширнаго сочиненія Ф. Фаррара. 9) „Какъ живутъ наши умершіе и какъ будемъ жить и мы по смерти“. Извлеченіе изъ извѣстнаго и въ высокой степени интереснаго труда монаха Митрофана. 10) „Скорбь Россіи“. Послѣдніе дни жизни и канчина Царя-Миротворца. Альбомъ изъ оригинальныхъ рисунковъ худ. В. Овсянникова, А. Чижина, А. Писемскаго, Э. Соколовскаго и др. въ память 3-й годовщины 20 октября 1894 г. 11) Свѣтъ Азіи. Евангеліе въ дебряхъ Сибири. Изъ записокъ православныхъ миссіонеровъ. Очерки и рассказы. 12) Избранныя пѣснопѣнія въ русской православной церкви. Сборникъ духовныхъ нотъ и образцовъ наиболѣе употребительныхъ напѣвовъ, между прочимъ, знаменитаго Симоновскаго напѣва.

Подписная цѣна на журналъ „Русскій Паломникъ“ безъ доставки въ Сиб. пять р. Съ дост. и перес. во всѣ города Росс. имперіи шесть р. За границу 8 р. Допускается разсрочка подписныхъ денегъ. Контора журнала „Русскій Паломникъ“—С.-Петербургъ, Стремянная ул., собственный домъ, № 12.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

съ извѣстіями по С.-Петербургской епархіи въ 1897 г.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

За истекшіе два года существованія, журналъ „Духовный Вѣстникъ“, одушевленный желаніемъ посильно служить дѣлу своего издателя—„Общества распространенія религіозно-правственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“, успѣлъ приобрести искреннія симпатіи читателей, какъ о томъ можно судить по сочувственнымъ отзывамъ, получаемымъ изъ Россіи и за-границы, и по тому вниманію, съ которымъ относятся къ журналу духовная печать въ Россіи. Этимъ возрастающимъ сочувствіемъ къ юному будителю религіознаго сознанія журналъ обязанъ, конечно, тому, что онъ старался въ формѣ живыхъ статей откликаться на животрепещущіе вопросы современности, всегда оставаясь на почвѣ строгой церковности. Кромѣ статей приснопоминнаго преосвященнаго Іоанна, еп. Смоленскаго изъ его лекцій, полученныхъ при посредствѣ, прот. І. И. Сергіева отъ игуменіи Балашевскаго монастыря Маріи,—писемъ затворника-епископа Теофана, доставленныхъ В. А. І. и книземъ и княгиней К-вымп, статей протоіерея Г. П. Павскаго, въ собственноручныхъ рукописяхъ доставленныхъ проф. Н. И. Барсовымъ, въ журналъ печатались напечатанныя проповѣди протоіерея Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго) и дневники его за 1861—1894 года, очерки коронаціи XVIII ст. прот. В. И. Жмакина, синаксаря въ русскомъ переводѣ Я. З., бесѣды свящ. В. Х. Преображенскаго, очерки изъ міра старообрядцевъ—неокружниковъ въ Спб. прот. В. В. Нильскаго (†), интересныя статьи изъ заграничной жизни и проч. Вступивъ въ третій годъ изданія, журналъ и впредь будетъ чутко прислушиваться ко всему происходящему въ столицѣ, Россіи и за-границей и освѣщать явленія церковно-общественной жизни съ православно-церковной точки зрѣнія. Кромѣ всегда живыхъ статей г. А. Н., статей автора, очерковъ приходской благотворительности въ Спб., описаній коронацій XIX в., остающихся напечатанными синаксарей въ русскомъ переводѣ, въ журналъ печатаются: лекціи Іоанна еп. Смоленскаго, дневники и проповѣди прот. І. И. Сергіева, слова, рѣчи и бесѣды другихъ проповѣдниковъ и письма епископа Теофана къ Н. В. Флагину, полученные редакціей, въ числѣ болѣе 100 его собственноручныхъ писемъ.

Подписная цѣна на журналъ—5 руб. въ годъ, 3 руб. за 1/2 года, съ доставной и пересылной.

Подписка принимается въ копторѣ редакціи: Спб. Николаевская ул., № 5, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 час. дня.

Такъ же можно получить журналъ за 1895 и 1896 г.г. по 5 руб. и отдѣльные №№ журнала по 10 коп. за №.

Редакторъ, Священникъ Философъ Орнатскій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„С.-ПЕТЕРБУРГЪ“

Четвертый годъ изданія.

За годъ 2 рубля, за полгода 1 рубль.

Съ доставкой и пересылкой С.-Петербургъ, Невскій 60.

Содержаніе: 1) Хроника повостей политическихъ и внутреннихъ, излагаемая съ точки зрѣнія независимости, человеколюбія и любви къ свѣту просвѣщенія; 2) Отдѣлъ историческій, философскій и научный, излагаемый чистымъ и яснымъ русскимъ языкомъ и имѣющій своей цѣлью ознакомить читателей съ новѣйшими выводами наукъ, созданныхъ для того, чтобъ учить людей любить другъ друга, помогать другъ другу, жить лучше и умнѣе. 3) Повѣсти, рассказы и романы, содержаніе которыхъ по возможности соответствуетъ вышесказанному общему направленію журнала. 4) Въ каждомъ номерѣ помѣщаются два изящныхъ рисунка, печатаемые по большей части красками и сопровождаемые подробнымъ и живымъ описаніемъ, принадлежащимъ перу извѣстнаго и маститаго литератора. Въ 1896 году въ журналъ „С.-Петербургъ“ были между прочимъ напечатаны: два романа— „Записки Лакел“, Текерея и „Теверино“—Жоржъ Занда; рассказы Булуцкаго, Василевскаго, Вучетича, Диккенса, Золя, Молчанова, Церельмана, Титова и др. Статьи о природѣ: изъ соч. Фламмаріона: „Милліоны Солницъ“, „Переписка между Звѣздами“; и пр., изъ соч. Менье—„Тоже и на Небѣ“; „Волко—Люди“ Быстраго, „Врачи и Силы Природы“ Вирхова; изъ соч. Хедсона: „Музыка и Танцы въ Природѣ“ и „Левъ Южной Америки“ и т. д. Статьи о природѣ человѣка: „Сонъ и Сны“ изъ соч. Маудсли, „Воспитаніе и Гипнозъ“ изъ соч. Тома; изъ соч. Лоскутова: „Умственное переутомленіе и будущіе вѣка“ и „Путь къ будущему“; „За Растительную Пищу“, „Печаль и Гибель“ Ланге и т. д. Историческія статьи: „Смерть Петра“ изъ соч. Костомарова; „Исторія Поцѣлуя“ Ломброзо; „Казни Стрѣльцовъ“ Корба; „О Царѣ І“ Дали; „Николай І“ изъ изслѣд. Имп. Ист. Общ.; „Плохіе Пророки—Юмъ и Кардекъ—главы Спиритизма“;—изъ соч. Карновича: „Время—дѣлу, потѣхѣ часъ“; „Изъ Классическихъ Временъ“ Піо; „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“ изъ соч. Конторовича; „Монархи“ Молчанова, „Наполеонъ І“ Массона и т. д. Статьи по философіи: „Мысли русскихъ сановниковъ“ К. Ц. Побѣдоносцева и Т. И. Филиппова изъ недавно вышедшихъ сборниковъ ихъ сочиненій; Афоризмы Спенсера; „Эпиграммы Классич. Временъ“; „Человѣкъ и Природа“ изъ соч. Мензира; „Какъ сдѣлать себя лучше“ изъ соч. Гижикаго и т. д. Статьи по женскому вопросу: Изъ соч. Брандта: „Женщина и Бракъ“; „Женщина и мужчина“ Легуне; изъ соч. Милля: „Дайте права Женщинѣ“ и т. д. Статьи описательныя: Изъ соч. Пржевальскаго—„Въ Китаѣ“, Брема—„Въ Суданѣ“; Шрейера—„Въ Японіи“; „По Македоніи“ и „Персія“ Ланскаго, „Абиссинія“ Федорова; „Панамскій Каналъ“; „въ Ла-Маншѣ“; „У Мормоновъ“ Русскаго; „Берлинская Дешевизна“ Быстраго и т. д., и т. д.

Съ пересылкой и доставкой за годъ 2 руб.; за полгода 1 руб.

Такая дешевизна сдѣлалась возможной лишь благодаря Высочайшему повелѣнію, уменьшившему плату за доставку и пересылку по всей Россіи журнала „С.-Петербургъ“ на 25% иже почтовой таксы. С.-Петербургъ, Невскій 60.

годъ изд. 11-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ годъ изд. 11-й.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

для чтенія въ христіанской семьѣ

„ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“.

Адресъ редакціи: Москва, Мясницкая, д. Николаевской церкви.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ журналъ допущенъ въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній. Вступая въ одиннадцатый годъ своего существованія, журналъ „Воскресный день“ остается вѣрнымъ своей задачѣ—служить полезнымъ чтеніемъ для христіанской семьи, чтобы каждый христіанинъ могъ найти себѣ духовную пищу сообразно съ своими потребностями. Программа журнала: 1) Церковь Христова въ ея прошломъ. Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей, русской, церковной и гражданской. 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. Жизнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ и отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) Христіанское богослуженіе. Исторія его и его значенія. 4) Христіанское искусство. Исторія его и современное состояніе. 5) Церковная географія. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святыхъ. 6) Евангельская проповѣдь. Подвиги проповѣдниковъ евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. 7) Христіанская мысль. Вѣрученіе и нравоученія. Благодатныя явленія вѣры. Духовно-нравоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Религіозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь. Цовѣсти и рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни. 10) Смѣсь.

Въ теченіе года редакція журнала дастъ читателямъ: *52 №№ журнала* въ объемѣ полутора печатныхъ листовъ каждый, со множествомъ рисунковъ религіозно-нравственнаго содержанія. *52 №№ „Воскресныхъ листковъ“* съ рисунками, весьма пригодныхъ для чтенія какъ въ церкви, такъ и въ христіанской семьѣ. Содержаніемъ листовъ будетъ служить по преимуществу толкованіе Евангелія отъ Луки. *55 №№ газеты „Современная лѣтопись“*. Программа газеты: 1) Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Обзоръ событій церковно-общественной жизни за недѣлю какъ въ Россіи, такъ и за границей. 3) Распоряженія епархіал. начальствъ. 4) Среди газетъ и журналовъ. 5) Разныя извѣстія.

Въ концѣ года будетъ разослано еще **ОСОБОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: „ВОСКРЕСНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ“**, въ объемѣ 12-ти листовъ, содержаніемъ котораго будутъ служить важнѣйшія событія исторіи христіанской Церкви, съ нравственными приложеніями.

Подписная цѣна на журналъ со всѣми приложеніями, съ доставкой и пересылкой на годъ **4 р.** на полгода **2 р. 50 к.**

Редакторъ-издатель священникъ С. Уваровъ.

Въ редакціи журнала „Воскресный День“ продаются слѣдующія книги: 1) „Воскресные листки“, въ 8 книжкахъ, по 50 листовъ каждая. Цѣна каждой книжки 40 коп., съ перес. 45 коп. Цѣна листовъ не въ книжкахъ 70 к. за 100 листовъ. Всѣхъ листовъ вышло 400 №№. Выписывающіе на 5 р. за пересылку не платятъ. 2) „Воскресный собесѣдникъ“, въ 4-хъ книжкахъ. Цѣна каждой книги съ перес. 65 коп., безъ перес. 50 к. 3) Полное иллюстрированное описаніе жизни, чудесъ и иконъ св. Николая чудотворца. Цѣна съ перес. 75 коп.

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.							Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щихъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоаго пола.			
	Отъ Епарх. Училищаго Совета.	Отъ уѣзднаго отѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительс.	Отъ попечители школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвователей.		Шлага за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1896/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ въ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Священникъ Дмитрій Поповъ, окончилъ курсъ Духовной Семи- наріи, съ 1884 г., и дѣвица Ана- стасія Попова, окончила курсъ женской прогимназіи съ званіемъ учительницы, съ 1889 года.							5	5	50 р. въ годъ изъ церковныхъ суммъ получаетъ учительница.	2874		
Священникъ Михаилъ Яковлевъ, окончилъ курсъ Духовной Семи- наріи, съ 1895 года; жена законо- учителя Наталія Яковлева, окон- чила курсъ Епарх. женск. училищ. свидѣтельство на званіе учитель- ница имѣеть, съ 1894 года.					25			25	—	3058		
Въ Яково-Рогской при Іоанно- Богословской церкви священникъ Стефанъ Филипповъ, окончилъ курсъ Духовной Семинаріи, съ 1894 года и псаломщикъ Кирилъ Карповъ, изъ сред. отд. Духовной Семинаріи; званіе учителя имѣеть, съ 1891 года.					25			25	—	2362		5)
Священникъ Андрей Титовъ, окончилъ курсъ Духовной Семи- наріи, съ 1893 г., и Владиміръ Войтечко, окончилъ курсъ въ 4-хъ клас. прогимназіи съ зван. учи- теля, съ 1890 года.				200				—	100 р. въ годъ. 300 р. въ годъ и квартира отъ по- печителя школы.	1565		6)

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число въ школахъ.		Православнаго исповѣдан.	Католическаго.	Лютеранскаго.	Съ свѣд. на льготу.	Безъ свѣд. на льготу.	Дѣточекъ.	Число окончившихъ курсъ.	Мѣсто ученика, учащагося въ курсъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковь.	Дѣточекъ.	Учебники и пособия.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какого времени состоятъ преподавателями или помощниками школы?
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.													
Богодуховск. уѣзда.																	
29	Александровская при Николаевской церкви, съ 22 октября 1891 года	Въ собственномъ помѣщеніи, для занятій удобна.	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	220	20	—
30	Богодуховская при соборно-Успенской церкви, съ 7 августа 1886 года.	Въ собственномъ помѣщеніи, для занятій удобна.	76	14	—	—	—	7	—	—	—	—	25	—	462	118	—
31	Богодуховская при Покровской церкви, съ 21 ноября 1884 года.	Въ собственномъ помѣщеніи, для занятій удобна.	43	4	—	—	—	10	—	—	—	—	1	20	361	69	—
32	Богодуховская при Троицкой церкви, съ 4 октября 1884 года.	Въ собственномъ помѣщеніи, удобномъ для занятій.	52	—	—	—	—	8	—	—	—	—	20	—	324	228	—
33	Больше-Писаревская при Покровской церкви, съ 2 октября 1887 года.	Въ церковной сторожке, неудобной и малопомѣстительной.	33	29	—	—	—	4	—	—	—	—	3	15	354	58	—
34	Больше-Писаревская при Николаевской церкви, съ 14 октября 1894 года.	Въ собственномъ помѣщеніи, удобномъ для занятій.	28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—	200	—	—

Кто и съ какого времени завѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цѣль?	Сколько и отъ кого поступило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступило въ вознагражденіе учащихся?	Число жителей въ приходѣ обоего пола.			
	Отъ Епарх. Училища Свѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.		Отъ частныхъ жертвователей.	Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содержаніе школы въ 1885/86 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ къ 1886/87 учебномъ году.	Православныхъ.
Завѣдующій и законоучитель священникъ Алексій Станиславскій, окончилъ духовную семинарію, съ 1891 г., и д. учителя Іосифъ Заграфскій, окончилъ духовное уч., съ 1894 г.	65					15	80	75 руб. отъ церковно-приходскаго попечительства.	987		
Завѣдующій протоіерей Василій Доброславскій, окончилъ кур. духовной семинаріи 1886 г.; законоучитель священ. Дмитрій Владыковъ, окончилъ духовную семинарію 1889 г.; законоучитель младшей группы діак. Симеонъ Исаченковъ, изъ 2 кл. дух. уч. 1882 г. и д. учит. діак. Николай Артюховскій, окончилъ духов. учил. 1895 г.	30						30	Не было никакого.	3282	2	29
Законоучитель и завѣд. священникъ Павелъ Леонтовичъ, оконч. духовную семинарію съ 1884 года; учитель діаконъ Теодоръ Коваленъ, изъ 3 кл. дух. учил. съ 1895 г.	60						125 р. 75 к.	Не было.	3462		6
Завѣдующій священникъ Василій Власовъ, окончилъ духовную семинарію 1890 года; законоучит. священникъ Евгеній Пономаревъ, окончилъ духовную семинарію 1887 года, учитель діаконъ Михаилъ Пузановъ, окончилъ учительскую семинарію 1887 г., учитель млад. группы псаломщ. Александръ Носовъ, оконч. духов. учил. 1895 г.	30						49 р. 84 к.	Не было.	4698		10
Завѣдующій и законоучит. священникъ Алексій Станиславскій, окончилъ духов. семпн. 1886 года; учительница стар. группы Елена Кожушкова, окончила епархіальное женск. училищ. 1894 г.; и д. учит. псаломщикъ Петръ Санухинъ, изъ 3 кл. дух. учил. 1895 г.; учит. псаломщ. діак. Дмитрій Заграфскій, изъ 2 клас. дух. училища 1891 года.						15		Не было.	2218		
Завѣдующій и законоучит. протоіерей Александръ Ястребокскій, окончилъ духов. семпн. 1894 года; и д. учителя старшей груп. псаломщикъ Андрей Торанскій, изъ 4 кл. дух. сем. 1894 г.; и д. учит. млад. гр. псал. Иванъ Торанскій, изъ 3 кл. дух. учил. 1894 г.								Не было.	3087		

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.		Изъ томъ числа.		Число оконченыхъ курсъ.		Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библиотек.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или попечительницею школы?			
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Православнаго исповѣданія.	Католическаго.	Дютерьявскаго.	Съ свѣд. на льготу.				Безъ свѣд. на льготу.	Дѣвочекъ.	
35	Больше-Писаревская при Успенской церкви, съ 20 ноября 1891 года.	Въ собственномъ помѣщеніи, удобномъ для занятій.	20	40	—	—	—	—	5	—	20	320	32	Благо-родс. купец. Алек-санд. Германъ съ 1894 г.
36	Вольновская при Успенской церкви, съ 22 декабря 1890 года.	Въ собственномъ помѣщеніи, удобномъ для занятій.	41	8	—	—	—	—	3	—	112	216	39	Кресты-ли. Иванъ Окслюв. Казякинъ съ 1895 г.
37	Гниловская при Николае-ской церкви, съ 6 ноября 1894 года.	Въ церковной сто-рожкѣ, мало-удобной.	16	2	—	—	—	—	—	—	—	163	—	—
38	Ивановская при Рожде-ствобогородичной церкви, съ 12 марта 1894 года (съ 5 октября 1891 г. по 12 мая 1894 г. была школа грам.)	Въ церковной сто-рожкѣ, довольно удобной.	21	—	—	—	—	—	4	—	—	91	—	—
39	Каплуновская при Рожде-ствобогородичной церкви, съ 7 декабря 1893 года.	Въ церковной сто-рожкѣ, удобной для школьныхъ занятій.	7	7	—	—	—	—	—	—	—	101	6	—
40	Козѣвская при Покро-вской церкви, съ 13 декабря 1893 года.	Въ церковной сто-рожкѣ, удобной для занятій.	27	3	—	—	—	—	—	—	—	121	5	—
41	Колонтавская при Нико-лаевской церкви, съ 1894 г. 2 декабр.	Въ церковной сто-рожкѣ, удобной для занятій.	23	3	—	—	—	—	—	—	—	90	10	—
42	Колонтавская при Пре-ображенской церкви, съ 14 октяб. 1894 года.	Въ собственномъ помѣщеніи, удобномъ для занятій.	14	2	—	—	—	—	—	—	—	92	5	—

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.							Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоаго пола.			
	Отъ Епарх. Училищнаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвователей.		Цѣна за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ въ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Завѣдующій и законоучитель священ. Алексій Доброславскій, окончилъ духов. семинар. 1892 г.; и д. учителя діаконъ Григорій Антоновъ окончилъ духов. учил. 1892 г.; и д. учителя младш. груп. псаломщ. Василій Ястремскій, изъ 3 клас. духов. семинар. 1892 г.						50		50	Не было.	2944		
Завѣдующій священникъ Алек- сандръ Грызодубовъ, изъ 3 класса духов. семинар. 1890 года; законо- учитель священникъ Александръ Артюховскій, оконч. духов. семин. 1894 г.; и д. учит. Марія Грызо- дубова, изъ 5 кл. епарх. женск. училища, 1890 г.; и д. учител. ма. груп. псаломщ. Иванъ Понировскій оконч. дух. учил. 1890 г.; учитель пѣнія псаломщ. Теофилактъ Павлов- скій, оконч. 2 кл. учил. 1893 г.								—	Не было.	5032	4	
Завѣдующій и законоучитель священникъ Григорій Назаревскій, окончилъ духов. семинар. 1894 г.; и д. учителя псаломщ. Василій Понировскій, дом. обр., съ 1894 г.						5	7	12	Не было.	1864		
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Іоаннъ Краснопольскій, изъ 4 класса духов. семинар., 1894 года, и д. учителя псаломщикъ Ва- силій Ястремскій, изъ 3 класса духов. училищ., съ 1895 года.								—	Не было.	2201		
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Петръ Черплевъ, оконч. духов. семинар. 1893 года; и дом. учителя псаломщ. Григорій Поновъ, окончилъ духов. учил. 1894 года.								—	Не было.	3006		
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Іоаннъ Владыковъ, окон- чилъ духов. семинар. 1893 года, учитель псаломщикъ Павелъ По- тановъ, окончилъ педагогич. курс. 1893 года.								—	Не было.	3611		
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Іоаннъ Пономаревъ, ок. духов. семинар. 1894 года; и д. учителя діаконъ Петръ Семеновъ, окончилъ духовное училище 1895 г.								—	Не было.	2343		
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Іоаннъ Крилицкій, оконч. духов. семинар. 1894 года; и д. учителя псаломщ. Николай Федо- ровскій, изъ 1 класса духов. сем. 1895 года.			008					300	Не было.	2384		

№. по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ занятіи поуждается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.						Число оконченнѣешихъ курсъ.	Число оконченнѣешихъ учащихся, участвовавшихъ въ церковно-школьныхъ конкурсахъ.	Число книгъ школьной библиотеки.	Кто и съ какою преемни состоятъ попечителемъ или попечительницею школы?	
			Въ томъ числѣ.			Учебниковъ.							
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Иностраннаго исповѣданія.	Съ свид. на льготу.		Безъ свид. на льготу.					
						Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.					Дѣвочекъ.
43	Колонтаевская при Успенской церкви, съ 22 ноября 1894 года.	Въ собственномъ помѣщеніи, удобномъ для занятій.	38	5	—	—	—	—	—	—	—	—	
44	Константиновская при Константино-Елленской церк., съ 12 марта 1893 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной для занятій.	21	4	—	—	2	1	—	99	15	Потомственный дворянинъ В. П. Бергъ съ 1894 г.	
45	Красноутская при Николаевской церкви, 28 февраля 1894 года.	Въ общественномъ домѣ, удобномъ для занятій.	33	—	—	—	1	—	—	81	10	—	
46	Красноутская при Успенской церкви, съ 15 октября 1890 года.	Въ церковной сторожкѣ, неудобной для занятій.	45	—	—	—	4	—	15	143	—	—	
47	Красноутская при Архангело-Михайловской церкви, съ 25 сентября 1895 года.	Въ собственномъ помѣщеніи, удобномъ для занятій.	41	—	—	—	—	—	—	124	—	—	
48	Кручанская при Кресто-воздвиженской церк., 5 февраля 1867 года.	Въ домѣ владѣльца Кеннга, удобномъ для занятій.	21	4	—	—	5	1	—	187	129	—	
49	Лихачевская при Николаевской церкви, 10 марта 1886 года.	Въ общемъ домѣ, удобномъ для занятій.	21	1	—	—	4	2	—	129	4	—	
50	Лозовская при Рождество-Богородичной церкви, съ 12 марта 1894 года (съ 25 сентября 1893 года по 12 марта 1894 г. была школа грамоты).	Въ церковной сторожкѣ, неудобной для занятій.	13	4	—	—	—	—	—	92	—	—	
51	Лѣсковская при Георгіевской церкви, съ 12 марта 1894 года (со 2 октября 1891 года по 12 мар. 1894	Въ церковной сторожкѣ, удобной для занятій.	15	—	—	—	—	—	—	109	—	—	

Кто и оъ какого времени за- вѣдуетъ школоу и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.							Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Яколо жите- лей въ при- ходѣ обоого пола.		
	Отъ Еварх. Училищаго Совѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвователей.		Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ къ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.

Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Михаилъ Свѣланскій, окончилъ духов. семинар. 1894 г.; и д. учителя псаломщикъ Федоръ Толмачевъ, оконч. дух. учил. 1894 г.			400					400	Не было.	2411		
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Іоаннъ Колосовскій, ок. духов. семинарію 1894 года; и д. учителя діакопъ Ілія Васильков- скій, изъ 3 кл. духов. учил. 1895 г.				40				39 р. 5 к.; осталось 95 коп.	60 руб. отъ попечителя.	3648		16
Завѣдующій и законоучит. свя- щен. Іоаннъ Золотаревъ, окончилъ духов. семинар. 1894 года; учитель псаломщикъ Василій Грвгоревичъ, окончилъ духов. учил. 1894 г.								—	Не было.	2604		4
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Алексѣй Снесаревскій, окончилъ духов. семинар. 1895 г.; учитель діак. Василій Домьякиевъ, окончилъ духов. училищ. 1890 г.								—	Не было.	2834	7	10
Завѣдующій протоіерей Павелъ Малишевскій, окончилъ духовную семинар. 1895 года; законоучитель священникъ Маркіанъ Станислав- скій, изъ высш. отд. семинар. 1895 года; учитель діакопъ Василій Су- качевъ, изъ 5 кл. духов. семинар. 1895 года.			40					40	Не было.	3201		
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Владиміръ Подольскій, окончилъ учил. семинар. 1892 г.; и д. учителя псаломщикъ Карпъ Николаевскій, окончилъ духовное училищ. 1887 года.								—	Не было.	1014		31
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Павелъ Антоновичъ, изъ 1 класса духов. семинар., 1887 г.; и д. учителя псаломщ. Яковъ Ко- царевъ, окончилъ духов. училище 1893 года.								—	Не было.	1018		
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Константіанъ Котляровъ, окончилъ духов. семинар. 1895 г.; и д. учителя діакопъ Александръ Торанскій, изъ 3 класса духовнаго училища 1894 года.								—	Не было.	3283		
Завѣдующій и законоучит. свя- щен. Петръ Молчановскій, оконч. духов. семинарію 1891 года; и д. учителя псаломщ. Иванъ Семякомъ, домашняго воспит., съ 1893 года.								—	Не было.	2100		3

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.				Мѣст. чинковъ.	Число окончившихъ курсъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какою временемъ или посылкою посылаетъ или посылаетъ школы?	
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ томъ числѣ:							
					Православнаго исповѣдан.	Католическаго.						
52	Любовская при Покровской церкви, со 2 октября 1894 года.	Въ церковной сторожкѣ, неудобной для занятій.	13	8	—	—	—	—	76	—	—	
53	Лютювская при Претчевской церкви, съ 9 октяб. 1890 года.	Въ домѣ владѣлицы граф. Клейнмихель, удобномъ для занятій.	69	11	—	—	7	2	25	365	87	Графиня Е. П. Клейнмихель съ 1890 г.
54	Мало-Писаревская при Покровской церкви, съ 12 марта 1894 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной для занятій.	20	—	—	—	3	—	—	82	—	—
55	Мальминская при Успенской церкви, съ 15 сентяб. 1886 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной для занятій.	28	—	—	—	—	—	—	219	53	—
56	Мирянская при Сорокомученической церкви, съ 29 октября 1887 года.	Въ собственномъ помѣщеніи, удобномъ для занятій.	26	—	—	—	2	—	—	148	154	—
57	Мурафская при Николаевской церкви, съ 2 октября 1890 года.	Въ наемномъ домѣ, удобномъ для занятій.	45	—	—	—	7	—	—	160	—	Канд. сем. хоз. дворян. Н. Н. Григорьевъ съ 1892 г.
58	Мурафская при Архангело-Михайловской церкви, съ 4 декабря 1889 года.	Въ наемномъ домѣ, удобномъ для занятій.	33	7	—	—	4	—	—	70	—	—
59	Ново-Рябиновская при Николаевской церкви, съ 23 сентября 1893 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной для занятій.	7	—	—	—	—	—	—	124	—	—
60	Пархомовская при Покровской церкви, съ 24 октяб. 1891 года.	Въ церковной сторожкѣ, неудобной для занятій.	18	—	—	—	1	—	—	121	—	—

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всё истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о. Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Западна и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевского.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія міряпъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доктора А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Киряловича.—„Православленъ-ли interestimion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.